

Тарасенко Евгений Николаевич

E-mail: tarasenko53evgeny@yandex.ru

Родился 10 декабря 1953 года в пос. Розовка Розовского района Запорожской области (Украина). В 1971 году окончил школу № 1 в пос. Розовка. Образование высшее, инженер-механик (с 1976 г., Ждановский металлургический институт), кандидат технических наук (с 1985 г., МВТУ им. Н. Э. Баумана), доцент (с 1992 г.).

В 1985–2016 гг. работал в Норильском индустриальном институте и в Заполярном филиале ОАО «Горно-металлургическая компания «Норильский никель» (г. Норильск).

С 2016 г. на пенсии, живет в г. Ступино Московской области.

Автор свыше 30 научных работ в области металловедения, физики металлов и технологии их обработки.

Историческим краеведением Северного Приазовья занимается с 2004 г., опубликовал 11 научных работ. Вышли его книги, посвященные истории родных мест:

«Окрестности Розовки до монгольского нашествия» (Мариуполь, 2012 г.);

«И. Я. Лерхе и его «История жизни и путешествий...» о Северном Приазовье в 1738–1739 гг. (Нижневартовск, 2019 г.);

«Рукопись Э. Х. Ставраки о Грунау» (Москва, 2020 г.).

ISBN 978-5-907779-04-4

9 785907 779044

Е.Н. Тарасенко

ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ПЕРИОД СЕВЕРНОГО ПРИАЗОВЬЯ

Е. Н. Тарасенко

ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ПЕРИОД СЕВЕРНОГО ПРИАЗОВЬЯ

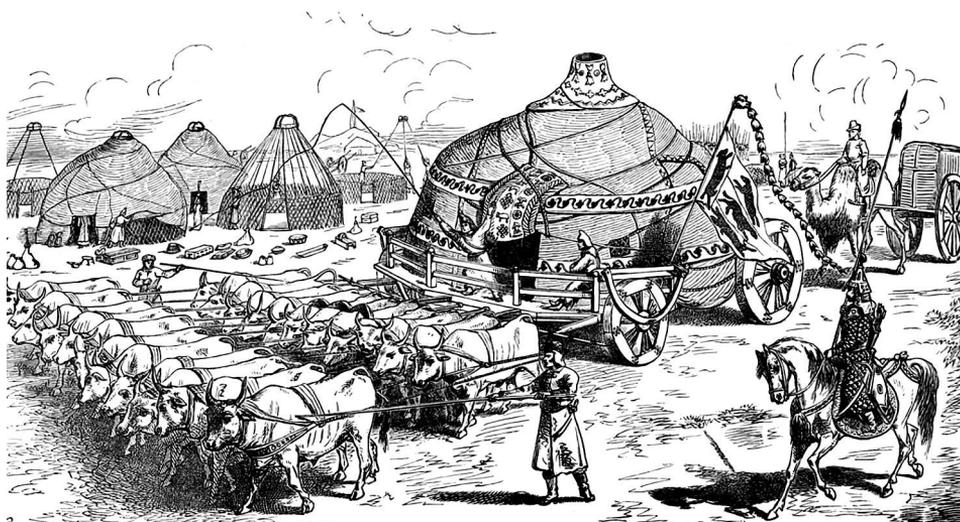

Москва

2023

Е. Н. Тарасенко

Золотоордынский период Северного Приазовья

Москва
2023

УДК 94(470)“1223/1502”
ББК 63.3(2)42–99
Т19

Научный рецензент
к.и.н., старший научный сотрудник ГБУ «Донецкий республиканский
краеведческий музей» Э. Е. Кравченко

Тарасенко Е. Н.
Т19 Золотоордынский период Северного Приазовья. — Москва : Порт
приписки, 2023. — 154 с. : ил.

ISBN 978–5–907779–04–4

Настоящая работа посвящена истории Северного Приазовья в период от первого появления монголов и битвы на Калке (1223 г.) до распада Золотой Орды и победы Крымского ханства в борьбе с Большой Ордой (1502 г.). Кратко излагается история генуэзских и венецианских колоний в Северном Причерноморье, тесно связанная с историей Улуса Джучи / Золотой Орды и Крымского ханства в XIII–XV вв. Указан источник возникновения запорожского и донского казачества — казачество татарское, естественный продукт распада золотоордынской государственности. В работе использован широкий круг письменных источников и соответствующие археологические материалы.

Ключевые слова: Северное Приазовье, битва на Калке, Золотая Орда, татарские казаки

УДК 94(470)“1223/1502”
ББК 63.3(2)42–99

Оглавление

Введение	4
1. Поход Джебе и Субедея. Битва на Калке	8
1.1 О месте битвы на Калке в 1223 г.	16
2. Монгольские завоевания 1235–1242 гг.	36
3. Краткая история Улуса Джучи / Золотой Орды	53
4. Зарождение казачества	80
5. Генуэзские и венецианские колонии в Северном Причерноморье	83
6. Памятники Золотой Орды в Северном Приазовье	94
6.1. Золотоордынские города	94
6.2. Поселения времен Золотой Орды	103
6.3. Погребения кочевников Золотой Орды в степях Северного Приазовья	111
6.4. Клады и случайные находки золотоордынского времени из Северного Приазовья	123
Заключение	131
Источники и литература	136

ISBN 978–5–907779–04–4 © Тарасенко Е.Н., 2023
© Издательство «Порт приписки», 2023

Введение

Основная сфера моих интересов как краеведа — история поселка Розовка Розовского района Запорожской области. Первые немецкие колонии, положившие начало поселку, были основаны весной 1823 г. Если ограничить глубину краеведческих исследований этим нижним хронологическим пределом, то за рамками рассмотрения останется огромный массив исторических событий, состоявшихся в той местности, где позднее возник поселок. Поэтому первая моя краеведческая работа, опубликованная в 2012 г. [1], была посвящена истории наших мест от каменного века до монгольского нашествия, т.е. временам, когда поселка Розовка там еще «и в помине не было».

Местность, где был основан поселок, принято называть Северным Приазовьем. Это полоса степей, протянувшаяся параллельно северному берегу Азовского моря от Перекопа на восток до устья Дона, Нижнее течение Днепра и прилегающие к нему степи к западу от Перекопа в Приазовье обычно не включают. По природно-зональному делению степи Приазовья простираются до широты Запорожья и Донецка, а севернее р. Волчьей местность уже становится более похожей на лесостепь. Впадающие в Азовское море реки, нижнее течение которых имеет чаще всего меридиональное направление (Миус, Кальмиус, Берда, Молочная), делят Северное Приазовье на несколько частей. Восточная часть Северного Приазовья простирается от устья Дона до Кальмиуса, центральная часть — от Кальмиуса до Берды, западная часть — от Берды до Перекопа. Такое деление не является пока общепринятым, но оно используется, хотя и приходится иногда сопровождать его определенными оговорками.

Предлагаемый вниманию читателя исторический очерк посвящен почти 300-летнему периоду истории Северного Приазовья — от битвы на Калке (1223 г.) до разгрома Большой Орды Крымским ханством (1502 г.). Монгольские завоевания первой половины XIII в. и образование Монгольской империи на целые столетия определили ход исторического процесса в Евразии. После них Северное Причерноморье и Приазовье почти 500 лет оставались под властью Золотой Орды и ее осколка — Крымского ханства.

Прежде, чем переходить к рассмотрению конкретных исторических и археологических аспектов этого периода истории Северного Приазовья, необходимо определиться с некоторыми важными терминологическими вопросами.

Как называли свою мировую империю сами монголы в XIII веке? Официальное название зафиксировано на печати Гуюк-хана (ее правителя в 1246–1248 гг.), которой было скреплено его письмо папе Иннокентию IV,

доставленное в Рим послом папы Плато Карпини и сохранившееся в архивах Ватикана. В печати империя названа «*Yeke Mongyol ulus*» (Великий улус монголов) [2, с. 123–124]. В соответствии с классическим определением академика Б.В. Владимирцова, улус — население, связанное с феодальным властителем отношениями зависимости и подчинения [3, с. 98–99], т.е. Монгольская империя была определена как население, находящееся во владении рода чингизидов, потомков и родственников Чингисхана. На общем собрании чингизидов (курултае) один из представителей рода провозглашался верховным правителем (кааном, каганом). Каган наделял чингизидов улусами (которые позволяли набрать и содержать определенное количество воинов), за что родственники должны были верно ему служить. Получивший улус чингизид, в свою очередь, наделял из своего улуса «темников» (командиров туменов по 10000 воинов), обязанных нести ему службу за пожалование; так реализовывались отношения вассалитета (подчинения) по отношению к сюзерену в рамках кочевого феодализма. Территория расселения и кочевания зависимого населения (юрт, нутуг) [4, с. 44] определялась правителем улуса. Главным элементом в системе кочевого феодализма было именно владение улусом, юрт мог быть изменен правителем, что и происходило довольно часто (например, жившие юго-западнее Киева в Поросье зависимые от Руси «черные клобуки» после монгольского завоевания были включены в улусную систему монголов и переселены на северо-запад Причерноморья и в низовья Волги) [5, с. 561].

В 1224 г. Чингисхан наделил улусами своих сыновей: Джучи, Чагатай, Угедей и самого младшего — Толуя. Старшему, своевольному Джучи, достались земли Дешт-и-Кипчак, (Кипчакской степи) к северу от богатых городов Хорезма и «...до окраин Саксинских и Булгарских, крайних пределов, куда доходили кони их полчищ в их набегах...» [6, с. 150]. Улус Джучи составили, первоначально, около 4 тысяч коренных монголов и покоренные кипчаки, кочевавшие в степях от Балхаша до Яика (Урала) и нижней Волги.

Улус Джучи, сложившийся после монгольских завоеваний к середине XIII в., принято называть Золотой Ордой только с конца 60-х гг. XIII в., когда он обрел независимость от Монгольской империи. Строго говоря, государства, именуемого Золотой Ордой, никогда не существовало. Это привычное для нас название заимствовано из русской летописной традиции XVI в., сформировавшейся уже после падения Золотой Орды [7, с. 9].

В соответствии с древней тюркской традицией, как Монгольская империя, так и ее крупные улусы, делились внутри на крылья: правое (бурунгар) и левое (джунгар). Юрту монголы всегда ставили входом на юг, поэтому правое крыло было западным, а левое — восточным; стороны света связывались у них с определенными цветами: запад — с белым (ак), восток — с синим (кок). Поэтому расположенный на западе империи Улус Джучи

(Золотая Орда), унаследованный и расширенный его вторым сыном Бату, именовался также Ак-Ордой, а находившийся восточнее улус старшего сына Джучи Орду-Ичена — Кок-Ордой [8, с. 142–150].

Теперь о терминах «монголы» и «татары». Этноним «татары» впервые фиксируется в источниках VIII в. как название тюркского племени. В этот период монголы и татары говорили на разных языках, относящихся к монгольской и тюркской группам алтайской языковой семьи. Уже к концу XII в., ко времени войн Чингисхана с татарами, последние представляли собой племя смешанного состава (монголы и татары), говорившее на монгольском языке. Еще до разгрома татар Чингисханом (1202 г.) некоторые татарские роды влились в состав монгольского войска. В китайских государствах всех разноплеменных кочевников, живших севернее, называли татарами. Весьма показательна, что даже в ходе монгольского завоевания Китая многие монголы называли себя татарами. Так что использование этих двух терминов в качестве синонимов утвердилось еще в XII в. [9, с. 28–32].

В научно-популярных и краеведческих работах (особенно это характерно для интернет-ресурсов, но не миновала эта «напасть» и некоторые современные бумажные издания) приводятся, без всяких оговорок, изображения-«портреты» правителей и известных деятелей Монгольской империи и Золотой Орды. Необходимо еще раз напомнить, что реалистичные портреты этих исторических личностей до нас не дошли, да и дойти не могли. Мы знаем что-то достоверное об их внешности только из словесных описаний, донесенных до нас некоторыми письменными источниками (П. Карпини, Г. Рубрук, Ибн Баттута, И. Барбаро).

Обращение к миниатюрам Китая и Персии, к рисункам «лицевых сводов» русского летописания ситуацию в данном случае не спасает: часто миниатюры эти рисовались через много лет после кончины изображаемых личностей в живописных традициях, очень и очень далеких от реализма.

На рис. 1 представлены некоторые монгольские правители и полководцы первой половины XIII в., запечатленные на средневековых восточных миниатюрах (из интернета, в общем доступе). Понятно, что о каком-то портретном сходстве здесь говорить трудно, оно минимально, но все-таки сохранились некоторые особенности монгольского костюма и вооружения.

Рис. 1. Монгольские правители и полководцы в изображениях средневековых восточных миниатюр: а) Чингисхан; б) Бату; в) Угедей; з) Субудей

Битва на Калке — одна из самых хорошо описанных битв русского средневековья. Мы знаем о ней очень много. Кроме одной «малости» — где именно она происходила...

Из сообщений на Мариупольском краеведческом форуме

1. Поход Джебей и Субедей. Битва на Калке

Масштабным монгольским завоеваниям 1236–1241 гг. в Восточной Европе предшествовал разведывательный поход монгольских полководцев Джебей и Субедей, кульминацией которого стала неудачная для русско-половецкой рати битва на Калке 31 мая 1223 г.

Летом 1220 года, после переправы своих войск через реку Аму-Дарью, Чингисхан направил три тумена (до 30 тыс. воинов) под командованием Джебей-нойона и Субедей-багатура в набег на запад, который традиционно рассматривается историками, как разведывательный рейд в рамках подготовки большого похода для завоевания стран Запада [10, с. 7]. Пройдя огнем и мечем Северный Иран, тумены обошли с юга Каспий и оказались на территории современного Азербайджана. Попытка монголов проникнуть в степи Северного Кавказа через «Железные Ворота», узкий проход между западным берегом Каспийского моря и восточной оконечностью Кавказских гор у современного Дербента, успеха не принесла, их не пропустил дербентский правитель (ширваншах) [11, с. 168]. Под предлогом переговоров Субедей и Джебей захватили в заложники представителей местной знати, которые под страхом смерти указали путь на Северный Кавказ через Ширванское ущелье.

Здесь против завоевателей совместно выступили аланы (осетины), лезгины и половцы (кипчаки), уже более столетия кочевавшие в местной степи. Не добившись победы в сражении с их объединенным войском, монголы пошли на хитрость, заключив мир с половцами и щедро их одарив. Лишившись союзников, аланы потерпели поражение; далее были разгромлены и ограблены «до нитки» половцы, которые бежали из степей Северного Кавказа (Ибн ал-Асир). По свидетельству этого арабского историка, затем монголы вторглись на Крымский полуостров и захватили г. Судак (Сугдея, Сурож), бывший центром торговли половцев со странами на берегах Хазарского (Черного) моря [6, с. 25–26]. Судя по записи на странице греческого Синаксария (богослужебной книги), татары впервые появились у Сугдеи 27 января 6731 (1223) г. [12, с. 601]. Из источников не удается выяснить, как они пришли в Крым из степей Северного Кавказа: северным берегом Азовского моря и через Перекоп, или по льду

замерзшего Керченского пролива (этот вариант представляется мне более вероятным).

Перезимовав в Крыму, Джебей и Субедей двинулись весной 1223 г. через Перекоп на север, в степи между Азовским морем и нижним течением Днепра. На Руси были хорошо информированы о появлении монголов, а также о событиях на Северном Кавказе и в Крыму. Весть о появлении нового опасного врага принесли не только предкавказские и крымские половцы, вся степь между Доном и Днепром пришла в движение, охваченная страхом перед монголами.

Ипатьевская летопись: «Въ лето 6732. Приде неслыханая рать, безбожнии Моавитяне, рекомьи Татаръве, придоша на землю Половецкуюю. ... Юргии Кончакович бе болиише всихъ Половецъ, не може стати противу лицу их бегаючи же емоу» [13, с. 506]. Сын Кончака Юрий, унаследовавший власть над самым мощным объединением, донецкими половцами, не смог противостоять монгольским туменам. Новгородская I летопись старшего извода (Синодальный список) дополняет это лаконичное сообщение трагическими подробностями: Юрий Кончакович и Даниил, сын известного в прошлом хана Кобяка, погибли в столкновениях с монголами (если верить летописи, еще до битвы на Калке) [14, с. 62]. Видный половецкий хан Котян обратился за помощью к своему зятю, влиятельному князю Мстиславу Мстиславовичу (Удатному), правившему в то время в Галиче: «...нашу (Половецкую) землю днесъ (сегодня) отъяли, а ваша заутро взята будетъ». Возвышенную риторику весомо подкрепили богатые дары русским князьям: «...кони и вельблуды, и буволы, и девкы...» [14, с. 62]. При деятельном участии княжившего в Киеве Мстислава Романовича оформилась коалиция князей. На совете в Киеве, состоявшемся зимой 1222/1223 года, было решено встретить врага и дать бой вне пределов Руси, «на чужей земле» [13, с. 507]. Кроме Мстислава Удатного (Торопецкого), Мстислава Романовича и Мстислава Черниговского (летописи именуют их старшими князьями), в коалицию вошли младшие князья: Даниил Романович (будущий Даниил Галицкий), Михаил Всеволодич, Всеволод Мстиславич (сын киевского князя), а также Олег Курский, Владимир Рюрикович Смоленский, князь Андрей (зять Мстислава Киевского), князь Александр Дубровичский, князь Святослав Каневский, Изяслав Ингваревич, Святослав Шумский, Юрий Несвижский.

Летописи не сообщают об участии в походе Черных Клобуков, но их присутствие на Калке более чем вероятно: без этих верных кочевых вассалов Киева ни один поход в степь не обходился. Среди участников коалиции упомянуты «выгонцы галицкие», во главе с воеводами Юрием Домамиричем и Держикраем Владиславичем [13, с. 508]. По мнению большинства специалистов, это изгнанное (или бежавшее) из Галича славянское население,

включавшее как простолюдинов, так и сепаратистки настроенных бояр (боярские роды Домамиричей и Кормиличичей) [15, с. 193–203]. Селились выгонцы южнее земель Галицкого княжества, между верховьями рек Днестр и Прут, на территории сегодняшней Молдавии.

Половецкие «полки» возглавил на Калке хан Котян, летопись называет также русского воеводу Яруна [14, с. 63]. Вопрос о том, на чьей стороне участвовали в битве бродники (и участвовали ли вообще), обсудим позднее.

Коалиция сложилась весьма пестрая, единая воля и общее командование в ней фактически отсутствовали. Формально главенствовал Мстислав Романович Киевский, но наибольшим авторитетом в делах ратных обладал Мстислав Мстиславович Галицкий, наделенный военным опытом, энергией, отмеченный удачей (Удатный!) и смелостью (с заметной долей авантюризма). Ипатьевская летопись прямо говорит о плохих личных отношениях Мстислава Удатного с Мстиславом Романовичем и Мстиславом Черниговским: «...бе бо котора (вражда) велика межю има...» [13, с. 509].

Оценки численности русско-половецкого войска весьма зыбки, по мнению Р.П. Храпачевского [9, с. 331–332] (мне оно представляется более обоснованным), все войско не превышало 40–45 тыс. воинов (20–25 тыс. русских с Черными Клобуками и галицийскими выгонцами, и не более 20 тыс. половцев). О численности монголов можно говорить более определенно, по мнению большинства историков, она составляла 20–30 тыс. всадников.

Каких-либо конкретных сведений о времени и маршруте движения монголов из Крыма источники не дают. Находясь несколько месяцев в Крыму, Субедей и Джебе не могли не знать, где находятся русские земли, и по какой сухопутной дороге туда идти. Сразу к северу от Перекопа начинался древний торговый путь, ведущий на Русь, по нему, скорее всего, и двинулись монголы. Путь этот выводил к Крарийскому (Кичкасскому) броду через Днепр севернее Хортицы, описанному еще Константином Багрянородным [16, с. 49], который подчеркивал, что через него идут херсониты (византийские купцы, жители Крыма) при возвращении сухим путем из Руси. Субедей и Джебе двинулись в поход после того, как степи зазеленели, и десятки тысяч лошадей (основа монгольской военной мощи) подкормились после зимовки.

Летописи дают некоторые подробности сбора и маршрутов движения русско-половецкого войска. Войско собиралось у пограничного города Заруба [14, с. 62] (сегодня от него осталось городище близ села Зарубинцы Киевской области на правобережных днепровских кручах севернее Канева). Скорее всего, сюда, к Зарубу, послали монголы свое первое посольство, пытаясь расколоть русско-половецкую коалицию дипломатическими методами. Попытка разобщить противников и бить их поодиночке, столь успешно реализованная Субедеем и Джебе на Северном Кавказе, здесь не удалась: «Того же русстии князи не послушаша, нъ послы избиша...» [14, с. 62].

Казнив послов, князья в апреле начали движение на юг по Днепру. При походах в степь конница обычно шла правым берегом по суше, пешая рать плыла вниз по реке в ладьях (как в походе Мономаха на Молочную в 1103 г.) [17, с. 194]. Удобным местом сбора являлась Хортица, здесь войска могли спокойно накапливаться, не опасаясь внезапного удара кочевников.

Благодаря Галицко-Волынскому своду в составе Ипатьевской летописи, известен и маршрут подхода «выгонцев галицких» [13, с. 508]. Они вышли в Черное море, спустившись по Днестру (в летописи ошибочно указано — по Днепру [18, с. 104]), затем поднялись всей флотилией в тысячу ладей по Днепру до порогов «...и стаха у рѣкы Хорьтиць, на бродоу у Протолчи...». Так как упомянут Кичкасский (Крарийский) брод, речь идет о речке Верхней Хортице, она ближе к этому броду.

С другой стороны, по устной местной традиции, название Протолоча закрепилось за низменной (южной) частью острова Хортица, где нет крутых обрывистых берегов, с 1955 г. частично затопленной водами Каховского моря. Д.И. Яворницкий также помещает Протолчу в южной части Хортицы, «против Конских Вод» [19, с. 23]. В современной литературе летописные Протолчи, как место сбора войска в 1103, 1190 и 1223 гг., нередко отождествляются с южной частью Хортицы [20, с. 141; 21, с. 32; 22, с. 60].

Очень вероятно, что протолчами назывались те места в долине Днепра, где обрывистые кручи отступали от воды, образуя разрыв высокого берега. Южная оконечность Хортицы, где берега полого опускаются к воде, также могли именоваться протолчей, в отличие от остальной, крутой и высокой береговой кромки этого острова. Понятно, почему летописи говорят об остановках ладей в протолчах: здесь удобно было пристать и выгрузить на пологий берег пешую рать и грузы, тогда как высокие, обрывистые берега представляли в этом смысле трудное препятствие.

Где-то здесь, на территории современного Запорожья или в его ближайших окрестностях, объединенное войско посетил второе посольство от монголов. На это раз суть монгольских предложений наиболее подробно излагает Новгородская I летопись старшего извода (Синодальный список): «И прислаша к нимъ второе послы Татари, рекуще тако: «а есте послушали Половьчъ, а послы наша есте избиили, а идете противу нас, ть вы поидите; а мы васъ не заяли, да вѣъмъ богъ» [14, с. 62]. Ни о каких призывах совместно расправиться с половцами нет уже и речи, потому и сохранили послы (в отличие от первого посольства) свои головы на плечах и были беспрепятственно отпущены.

По сообщению Новгородской I летописи, первым переправился на левый берег Мстислав Мстиславович и с тысячей воинов вступил в бой с татарской «сторожей» (разведывательным дозором), по-видимому, наблюдавшей за переправой. Впрочем, Ипатьевская летопись (Галицко-Волынский свод),

явно равнодушная к молодому волынскому князю Даниилу (будущему Даниилу Галицкому), именно ему приписывает первую встречу с монголами, которые пришли «видѣть ладии Роускыхъ» [13, с. 508].

Остатки побежденной Мстиславом Мстиславовичем татарской «сторожи» с воеводой Гемябегом (Гонябеком [23, с. 90], Стемябеком [24, с. 204]) были оттеснены на вершину степного кургана, однако устоять и там не смогли: «...и погребоша воеводу своего Гемябега жива въ земли, хотяще животь его ублюсти...» [14, с. 63]. Гемябег был захвачен и казнен половцами, которые выпросили пленного у Мстислава Удатного. По предположению М.В. Ельникова, первые успешные столкновения с монголами произошли «у известной по легендам и рассказам Саур-Могилы <...> на реке Конка, где находят железные наконечники стрел времени позднего средневековья» [21, с. 33]. Речь идет, скорее всего, о каменистом холме на правом берегу Конки, в двух километрах к северо-западу от современного села Юльевка.

В соответствии с Ипатьевской летописью, во вторник (дата не указана) состоялась общая переправа всех княжеских дружин и половцев на левый берег Днепра. Первые столкновения с татарами были успешными: «...оусретоша Татареве полкы Роускыя. <...> Роускыи победиша и гнаша в поле далеце секоуще, и взяша скоты ихъ...» [13, с. 508]. Эта же летопись говорит далее о преследовании отступавших монгольских отрядов в течение 8 дней «до реки Калкы». Здесь произошло очередное столкновение с монголами и «оубьен бысть Иванъ Дмитревичъ иная два с нимъ...» [13, с. 508–509] (скорее всего, русский воевода, такого князя среди участников битвы летописи не упоминают).

По Ипатьевской летописи русско-половецкое войско было разделено, как минимум, на две части. В авангарде шли галицко-волынские полки и половцы, командовал здесь энергичный и смелый (до авантюризма) Мстислав Удатный: «Мьстиславъ же Мьстиславличъ повеле впередь перепити рекоу Калкоу Данилови (Галицкому) с полкы инемь полкомъ с нимъ, а самъ по немь переиде, еха же самъ во стороже...» [13, с. 509]. Другой частью войска, двигавшейся следом в некотором отдалении, руководил номинальный глава коалиции Мстислав Романович Киевский. О вражде этих двух предводителей мы уже упоминали. Деление на два отряда сложилось стихийно, под влиянием отношений свойства и родства, а не тактических соображений.

После перехода Калки русские «...послаша въ сторожихъ Яруна с Половцы, а сами станомъ сташа ту» [14, с. 63]. Первый удар главных монгольских сил пришелся на эту передовую «сторожу» во главе с воеводой Яруном, половцы были отброшены и в бегстве смяли передовые русские силы: «...потыпташа бежаше станы русскыхъ князь, не успеха бо исполчиться противу имъ; и смятошася вся, и бысть сѣця зла и люта» [14, с. 63]. Мстислав Удатный, уже понимая, что столкнулся с главными силами про-

тивника, не известил Мстислава Романовича Киевского «седаща во стану не ведоущема» [13, с. 509] и не обратился к нему за помощью.

Проявленные отдельными русскими воинами личное мужество и искусство владения оружием никакой роли в обстановке дезорганизации и всеобщего бегства уже не играло, пришлось и князьям «обрати конь свои на бегъ» [13, с. 509], спасаясь от преследовавших татар: «татары поидоша по русскыхъ князихъ, бьючи до Днѣпра...» [14, с. 63]. У конных воинов были какие-то шансы достичь спасительной переправы раньше татар, но судьба русской пешей рати оказалась, скорее всего, печальной.

Мстислав Удатный успел переправиться: «Мьстиславиць Мьстиславъ преже перебѣгъ Днѣпръ, отрѣя (оттолкнул [25, с. 769]) от берега лодьи, да не идут Татарове по них, а самъ одва убѣжа» [14, с. 63], спаслись с остатками дружин Даниил Романович Волынский и Владимир Рюрикович Смоленский, вскоре занявший киевский великокняжеский стол. Похоже, что речь действительно идет о разрушении наплавного моста из ладей, чтобы по нему не прошли татары, но русские ратники, еще не успевшие к переправе, также лишились шансов на спасение. Во время этого беспорядочного отступления к Днепру только князей погибло не менее шести: «...до Днѣпра гонящи, убиша 6 князеи: Святослава Яневьскаго, Изяслава Иньгворовица, Святослава Шюмьскаго, Мьстислава Черниговьскаго съ сыномъ, Гюря Несвѣжьскаго» [14, с. 63].

Теперь о той части войска, которую возглавлял Мстислав Романович Киевский. Из летописных текстов не следует, что он перешел Калку. Видя бегство и разгром русской рати, он не вмешался в битву, а остался в лагере вместе с князьями Андреем (своим зятем) и Александром Дубровичским: «Князь же Мьстиславъ Киевьскыи, видящи таковое зло, не поступи ни камо с мѣста того, нь сталь бѣ на горѣ над рѣкою надъ Калкомъ; бѣ бо мѣсто то каменисто, и ту угоши город около себе в кольих, и бися с ними из города того по 3 дни» [14, с. 63]. Часть монгольского войска, не участвовавшая в преследовании остатков русской рати, отступающей к Днепру, под руководством двух воевод «Чьгырканъ и Тешюканъ» осадила укрепленный лагерь Мстислава. Огражден лагерь был не кольями, как обычно считают (откуда их было взять в этих безлесных местах?), а «колами», т.е. телегами, колесными повозками [26, с. 1254; 27, с. 188]. Расположение лагеря «на горѣ над рѣкою надъ Калкомъ; бѣ бо мѣсто то каменисто», конечно, создавало трудности для осаждавших, но не было непреодолимым препятствием для монголов, имевших опыт взятия настоящих крепостей. Положение русской дружины под градом стрел, без воды, без помощи извне, следует оценивать как безнадежное. Мстислав был вынужден вступить в переговоры, пытаясь выторговать жизнь, в обмен на выкуп. В качестве переговорщика монголы использовали воеводу бродников по прозвищу Плоскыня (имя

его летопись не сообщает), справедливо полагая, что князя скорее поверят христианину («...воевода цѣлова крестъ честныи...») [14, с. 63]. Вольно или невольно, но Плоскыня обманул князей: «...солгавъ оканьны: сице связавъ, предаст их Татаром своимъ; а город взяша, а люди иссѣкоша, и ту костью падоша...». Пленным князьям, в отличие от прочих ратников, была уготовлена почетная, по монгольским понятиям, казнь (без пролития крови). Они были раздавлены досками, на которых сели пировать победители: «...и издавиша их, подкладше под доски, а самѣверху сѣдоша обѣдати ...» [14, с. 63].

По сообщению китайской исторической хроники «Юань ши», Мстислав Киевский не был казнен на месте битвы: Джебе приказал своему подчиненному Исмаилу доставить князя к сыну Чингисхана Джучи, в улус которого должны были войти Русь и Кипчакская степь; там этого киевского князя и казнили [28, с. 223].

Теперь о бродниках, упомянутых в летописных сообщениях о битве на Калке. В тексте дошедшего до нас списка Лаврентьевской летописи, датированного 1377 годом, нигде не содержится никаких упоминаний не только о воеводе Плоскыне, но и вообще о бродниках в битве на Калке [17]. Новгородская I летопись старшего извода (Синодальный список) [14, с. 63] говорит лишь о присутствии бродников с татарами у осажденного лагеря Мстислава («ту же и бродници с Татары быша»), об участии Плоскыни в переговорах и нарушении им «крестного целования». Предводитель бродников заслужил эпитет «оканьны» (грешный, проклятый) [29, с. 57], которым наградила его летопись, но не потому, что он со своей ватагой участвовал в битве на монгольской стороне. Он совершил грех, нарушив клятву на кресте, но нигде в летописи не говорится, что бродники участвовали в битве на стороне татар!

С другой стороны, нет никаких оснований связывать упомянутое в Новгородской I летописи «крестное целование» Плоскыни с его присягой на верность киевскому князю Мстиславу Романовичу, как это делается в работе [21, с. 33]. Из летописи не следует, что Плоскыня присягал князю, он лишь обещал, целуя крест при переговорах, что князей не убьют, а отпустят за выкуп: «...како их не избити, нь пустити их на искупъ ...» [14, с. 63].

Подводя итоги имеющейся крайне скупой информации о бродниках и их предводителе Плоскыне в битве на Калке, необходимо констатировать, что в летописных известиях не говорится, на чьей именно стороне они участвовали в сражении, и участвовали ли в битве вообще. Есть лишь информация об их пребывании с татарами у осажденного лагеря Мстислава Романовича и обмане князей при переговорах. Сверх этого можно лишь строить предположения и оценивать степень их правдоподобия. На мой взгляд, возможны следующие сценарии, несколько не противоречащие сообщению Новгородской I летописи:

1. Бродники пришли как союзники вместе с русскими и половцами, участвовали в битве и попали в плен на ее первом этапе.

2. Бродники в битве не участвовали, а были захвачены монголами в плен еще до битвы.

С учетом более ранних известий о бродниках, приходивших, вместе с половцами, как союзники к русским князьям (см. сообщение Ипатьевской летописи под 1147 годом) [13, с. 238], более правдоподобным представляется первый сценарий. Такой ход событий изложен и в книге М.В. Ельникова [21, с. 33].

Далее татары могли использовать Плоскыню «со товарищи» в качестве невольного живого щита и переговорщиков, при взятии городов монголы практиковали такое в Хорезме и, позднее, на Руси.

Не подлежит сомнению, что предводитель бродников был христианином, это прямо следует из уже цитированного нами летописного известия [14, с. 63]. Можно ли считать Плоскыню и его воинство славянами? Судя по прозвищу предводителя (христианского имени его, полученного при крещении, мы не знаем), его принадлежность к славянам очень вероятна, но не более. А вот его ватага, скорее всего, была в этническом смысле очень пестрой, в нее могли входить как славяне, так и аланы-асы, болгары, даже кочевники, отбившиеся от своих родовых кошей и изменившие исконному образу жизни [30, с. 122–123]. Кажется логичным считать бродников первой трети XIII в. потомками салтово-маяцкой культуры (СМК), остатками смешанного населения Хазарского каганата. Тем более, что памятники салтово-маяцкой культуры не так уж редки на левобережном Поднепровье и в Северном Приазовье, а недавно случайные находки СМК были обнаружены и в окрестностях Розовки (южнее Каменных могил) [31, с. 71–86]. Вот только по письменным источникам связь бродников с салтовцами никак не прослеживается. К сожалению, по результатам раскопок доказать славянскую принадлежность бродников также пока не удастся. Как археолог, М.В. Ельников главным препятствием в этом считает в настоящий момент невозможность археологического или антропометрического (по измерению останков) выделения бродников из общего массива домонгольских и ордынских погребальных памятников в нашей степи [21, с. 33].

Велики были потери Руси в битве на Калке: «...и погыбе множество бещисла люди; и бысть вопль, и плачь, и печаль по градом по всѣмъ и по селомъ» [14, с. 63]. Мы не можем сегодня достоверно оценить размер этих людских потерь, затруднялись с этим и современники битвы. Беглецов, тянувшихся на Русь, еще и грабили по пути их бывшие союзники-половцы, отнимая не только коней, но и одежду: «...а иных половци побѣша ис коня, а и иныи ис порта» [14, с. 63].

После битвы монголы на Правобережье не ходили, а повернули от Днестра и двинулись по землям Левобережья: «...татарове же възвратиша ся отъ рѣки Днѣпра...» [14, с. 63; 32, с. 343], «обрати татарь възпать отъ рѣки Днѣпра на землю восточную...» [13, с. 510; 24, с. 207; 33, с. 132]. При этом конкретные города и селения на левобережной Переяславской земле, подвергнувшиеся разгрому, не названы. Из днепровских городов пострадал Новгород Святополчь (Святополков) [13, с. 510; 24, с. 207; 32, с. 343; 33, с. 132]. Вопреки мнению М.В. Ельникова [21, с. 36], летописи не содержат сообщений о разрушении тогда монголами городов-крепостей по реке Рось (Родня, Корсуня, Торческа, Богуславля).

Куда пошли затем тумены Субедея и Джебе, летописи не сообщают, монголы просто исчезли с русского горизонта. Сведения о дальнейшем маршруте татар можно почерпнуть у арабского историка Ибн ал-Асира: «Татары <...> направились в Булгар в конце 620 года. Когда жители Булгара услышали о приближении их к ним, они в нескольких местах устроили им засады, выступили против них (татар), встретились с ними и, заманив их до тех пор, пока они зашли за место засад, напали на них с тыла, так что они (татары) остались в середине; поял их меч со всех сторон, перебито их множество и уцелели из них только немногие. Говорят, что их было до 4 000 человек. Отправились они (оттуда) в Саксин, возвращаясь к своему царю Чингизхану» [6, с. 27–28]. Таким образом, в конце 620 года хиджры (4 февр. 1223–23 янв. 1224 г.), войско Субедея и Джебе потерпело серьезное поражение где-то в Волжской Булгарии (в среднем течении Волги, на территории современного Татарстана), от их непобедимых туменов мало что осталось. Город Саксин, о котором упоминает Ибн ал-Асир, располагался в Нижнем Поволжье [34, с. 12]. Вскоре после возвращения к Чингисхану Джебе умер [28, с. 224], а Субедей стал одним из лучших монгольских полководцев, он участвовал во многих походах Бату и умер в 1248 или 1249 г. в возрасте 73 лет [28, с. 233].

1.1 О месте битвы на Калке в 1223 г.

С битвой на Калке были связаны две проблемы: ее датирование и определение места, где она произошла.

Проблема датирования битвы к настоящему времени решена, можно считать достоверно установленным, что битва на Калке состоялась 31 мая 1223 г. (по юлианскому календарю или старому стилю). По новому стилю (григорианскому календарю) точная дата битвы — 6 июня. В русском летописании битву датируют 6731 или 6732 гг. («от сотворения мира»), но, несмотря на это разночтение, это один и тот же 1223 г. («от рождения Христова»), просто летописцы использовали два стиля датирования:

«мартовский» и «ультрамартовский». По «мартовскому» стилю 1223 г. «от рождения Христова» соответствует 6731 г. «от сотворения мира», а по «ультрамартовскому» — 6732 г. Восточные источники однозначно указывают для битвы на Калке 1223 г.

Более подробно проблема датирования битвы рассматривалась в одной из глав моей более ранней работы [1, с. 122–126], есть уже эта книга и в интернете (http://parasona.narod.ru/books/rozovka/rozovka_6.htm), к ней я и отсылаю читателей, заинтересовавшихся вопросами датирования битвы на Калке.

Проблема определения места битвы на Калке до настоящего времени все еще не решена. Она чрезвычайно сложна и, как я считаю, на сегодняшний день не имеет единственного и неоспоримого решения. Для нас эта проблема очень важна, тем более, что уже давно место битвы традиционно связывают с окрестностями Розовки [35, с. III, 178–190; 36, с. IIб–IIг, Xб; 37, с. 118–119; 38, с. 385–386].

Информацию о месте битвы на Калке можно получить, вообще говоря, либо из письменных источников (русские летописи, восточные авторы, европейские источники), либо из археологического материала. Все аспекты проблемы локализации битвы на Калке (от анализа источников до работы в «поле», на местности и оценки археологического материала) уже достаточно подробно излагались в моей ранее опубликованной работе [1, с. 137–161], поэтому здесь ограничимся основными моментами и выводами.

Прежде всего, надо определиться, что мы понимаем под термином «место битвы на Калке». Перипетии битвы были растянуты как во времени, так и в пространстве. Многодневное отступление монголов завершается тем, что они наносят мощнейший удар по передовому отряду русско-половецкого войска, перешедшему под предводительством Мстислава Удатного через Калку. Монголы сходу опрокинули передовую половецкую «сторожу», смятые бегущими в беспорядке половцами, русские полки были разгромлены в скоротечном бою. Началось их беспорядочное бегство, в которое были вовлечены и князья, в том числе Мстислав Удатный и Даниил Галицкий. Этот разгром и определил все дальнейшее течение событий. Как мы знаем из летописей, «сеча зла и люта» состоялась после перехода через одну из Калок (о множественности Калок см. ниже). С учетом общего направления движения русско-половецкой рати на восток (или юго-восток) от Днестра и преимущественно меридионального (с севера на юг) течения рек в Северном Приазовье, можно предполагать, что разгром сил Мстислава Удатного имел место в нескольких километрах к востоку (или юго-востоку) от одной из Калок (Калов). Не очень конкретный вывод, но ничего более определенного о месте разгрома отряда Мстислава Удатного сказать пока нельзя.

Мстислав Романович Киевский с другой частью русского войска находился в это время в укрепленном лагере и в битве не участвовал: «Князь же Мъстиславъ Киевскыи, видящи таковое зло, не поступи ни камо с мѣста того, нъ сталь бѣ на горѣ над рѣкою надъ Калкомъ; бѣ бо мѣсто то каменисто, и ту угоши город около себе в кольих, и бися с ними из города того по 3 дни» [14, с. 63]. На каком берегу Калки стоял этот лагерь, непонятно (о переходе отряда Мстислава Киевского через реку в летописях не говорится, в противном случае мы могли бы определенно указать на восточный берег). Неясно также, та ли это Калка, через которую перешел Мстислав Удатный перед его разгромом. Очень может быть, что речь идет о двух протекающих недалеко друг от друга «Калах», причем одна речка находилась западнее (на ее берегу стоял лагерь киевского князя), а другая — восточнее (именно после ее перехода и был разгромлен отряд Мстислава Удатного).

Нанеся поражение Мстиславу Удатному, монголы разделились. Часть их начала преследование и уничтожение отступавших к Днепру русских и половцев. Такое преследование неизбежно распадается на множество локальных стычек, которые происходили на большом пространстве к западу от места разгрома до самых берегов Днепра.

Другая часть монголов, под руководством воевод «Цъгырканы и Тешюканы» [14, с. 63], начала осаду лагеря Мстислава Киевского, завершившуюся через три дня пленом и гибелью князей. Место, где располагался этот лагерь, было каменистым (см. цитату выше), и высказано уже немало гипотез о его расположении. Следует отметить, что во многих работах под местом битвы на Калке «по умолчанию» понимают именно лагерь Мстислава Киевского. Хорошо еще, если вообще упоминают о ключевом предыдущем эпизоде битвы — разгроме отряда Мстислава Удатного. Место разгрома помещают обычно восточнее лагеря киевского князя.

В локализации места битвы на Калке целесообразно руководствоваться летописями Новгородской I старшего и младшего изводов, где счет 9 дневных переходов до битвы начинается от места переправы — Кичкасского (Крарийского) брода, расположенного чуть севернее острова Хортица, на территории современного г. Запорожье. Таким образом, у нас появляется исходный пункт, от которого вдоль маршрута и следует отсчитывать 9 дневных переходов.

В своем составе объединенная русско-половецкая рать должна была иметь не только много конницы, но и существенную долю пеших воинов. Средняя скорость движения такого смешанного войска по степи была определена еще во второй половине XIX в. историками Н. Аристовым и Н. Барсовым [39, с. 92] при анализе похода Мономаха в 1103 году на реку Молочную, она составила 25 верст (26,8 километра) в сутки. Уже в наши дни, рассмотрев движение смешанной рати Дмитрия Донского перед

Куликовской битвой от Коломны до устья реки Непрядвы, историки получили средний размер суточного перехода 22–23 километра [40, с. 59]. Эти две независимых оценки дали близкие результаты, поэтому далее мы будем считать протяженность суточного перехода смешанного русско-половецкого войска около 25 километров.

Проведем из исходного пункта на территории современного города Запорожье, где состоялась переправа русских и половцев, дугу радиусом 225 км (9 дневных переходов по 25 км). Даже двигаясь строго по прямой линии, русско-половецкая рать не смогла бы за 9 дней движения продвинуться восточнее этой дуги, проходящей в Приазовье по течению р. Мокрый Еланчик. В реальности войско двигалось, применяясь к рельефу местности и обстоятельствам, по некоторой ломаной линии (предполагаем, по течению Конки). Таким образом, счет дневных переходов по новгородским известиям позволяет нам достоверно установить, что битва на Калке состоялась западнее р. Мокрый Еланчик.

Характерно, что в 17 из 22 проанализированных русских летописных источников название речки приводится во множественном числе: Калки, на Калках и т.д. Это не может быть случайностью, и филологи, занимающиеся топонимикой (географическими названиями), уже давно обратили на это внимание [41, с. 168–169; 42, с. 20–21, 25–26; 43, с. 431–432]. Практически едины они в том, что Калка — это не одна речка, а несколько речек, расположенных недалеко друг от друга и, возможно, входящих в одну речную систему (основной водоток и боковые притоки). В 1976 г. донецкий филолог Е.С. Отин указал на еще одно веское доказательство множественности Калок, долго остававшееся незамеченным. Вот любопытный отрывок из Ипатьевской летописи: «...идоша <...> до рѣкы Калкы, стрѣтоша и сторожеве Татарскыи, сторожемъ же бившимъ с ними и оубьень бы Иванъ Дмитръевичъ инае два с нимъ. Татаром же, вѣхавшимъ на прочьне рѣцѣ Калькѣ ...» [13, с. 509].

Русская рать идет до реки Калки, здесь происходит ее столкновение с татарской «сторожей», и татары отъезжают на «прочьне» (т.е. прочую, другую [25, с. 1606–1607]) Калку. Кроме той Калки, к которой русские шли 9 дней, говорится о какой-то другой, прочей Калке! О прочей Калке есть упоминания также в Софийской I [24, с. 205], Вологодско-пермской [44, с. 68] и Холмогорской [45, с. 63] летописях, в Софийском временнике [46, с. 233].

Множественность Калок — для филологов давно и надежно установленный факт, который обязательно надо учитывать всем, кто так или иначе занимается битвой 1223 г.

Какую же речную систему в Северном Приазовье, западнее Мокрого Еланчика, можно, с наибольшей вероятностью, связать с упоминаемыми

в источниках Калками или Калами? Ответить на этот вопрос позволяют анализ и сопоставление «Книги Большому чертежу» (КБЧ) и «Истории Скифской» А. Лызлова.

«Книга Большому Чертежу» (КБЧ) [47], составлена около 1627 г. в Москве, в Разрядном приказе. Географическая информация о Поле (областях южнее Тулы, вплоть до Крыма и Азовского моря), содержащаяся в ней, относится ко второй половине XVI века, почерпнута она из материалов русских посольств в Крым, из росписи сторож, оберегавших южные рубежи от татарских набегов. Сведения о речной сети и местностях на Левобережье Днепра мог дать и православный магнат князь Дмитрий Иванович Вишневецкий (Байда) [48, с. 234], который в 1556–1561 гг. «отъехал от короля польского» и служил царю Ивану IV (Грозному) [49, с. 48–53].

В «Книге Большому Чертежу» в росписи (описании) Калмиуской дороги читаем:

«А от верх речки Миуса к верх речки Елкуваты; а верх речки Елкуваты курган высок, а на нем 3 человека каменных.

А от речки Елкуваты к верху речкам к Калам.

А те речки все по левой стороне тое дороги пали в море.

А по правой стороне тое дороги река Тор.

А от речек от Кал к речке к Каратошу и речку Каратош перелести.

А от речки Коратоша к речке к Берлу...» [47, с. 68].

Последовательно, с востока на запад, перечисляются верховья основных рек Северного Приазовья, встречающиеся при движении Кальмиусской дорогой. Речки Калы преречислены между Миусом и бассейном Берды (Берла), так как Каратош (Каратыш) — это левый приток Берды, начинающийся у Каменных Могил, южнее Розовки. На современных картах между бассейнами Миуса и Берды есть только одна речная система — Кальмиус с притоками! Следовательно, летописные реки Калы — это реки бассейна Кальмиуса (сам Кальмиус, Кальчик, Калец и их многочисленные притоки). Каратыш, протекающий у Каменных Могил, к речкам Калам в КБЧ не причислен, он упомянут отдельно, наряду с Калами.

Речки Калы при описании Северного Приазовья упоминаются в «Истории Скифской» Андрея Лызлова (1692 г.): «...идуши ис Перекопи ко Азову недалеко древняго потока, его же татарове называют Агарлиберт, и при реках названных Беин, то есть Большой Кал, и Мал Кал, и Муз, — суть поля тако жизненны и обилны травою, яко едва верить тому мощно. Ибо тамо трава в высоту яко тростие морское и мягка зело» [50, с. 118]. Названия интересующих нас рек употреблены в мужском роде, при этом Лызлов в описании Приазовья ссылается на известную работу итальянца Алессандро Гваньини («яко пишет Гвагин»), опубликованную в 1578 г. на

латинском языке в Кракове, которую обычно кратко именуют «Описанием Европейской Сарматии» [51, с. 725–726].

Перечисление рек у Лызлова идет с запада на восток (от Перекопа к Азову). Если Агарлиберт — это современная Берда, а Муз — это Миус, то Большой Кал и Малый Кал, указанные между ними, — это реки системы Кальмиуса. И снова мы приходим к выводу, что средневековые Калы — это Кальмиус с притоками!

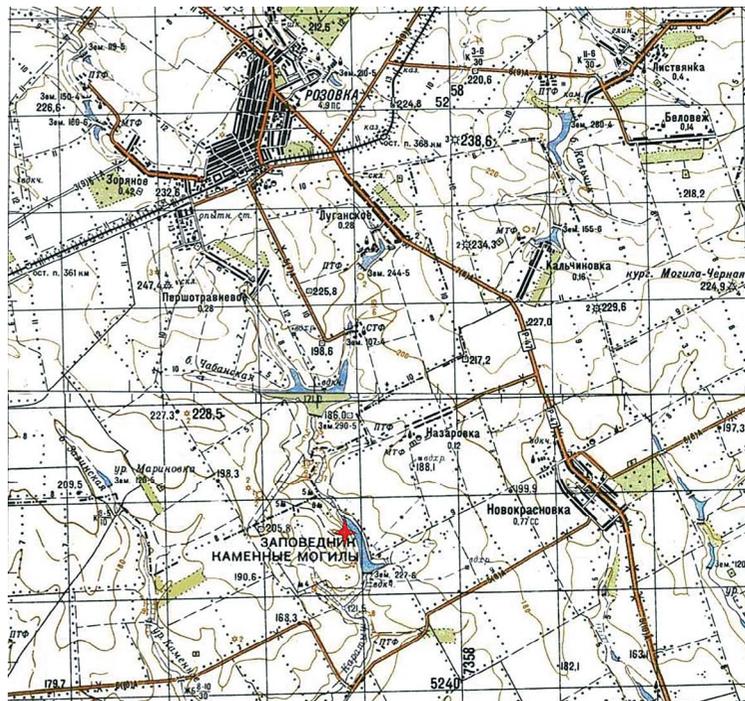
Таким образом, необходимо найти в Северном Приазовье, западнее Мокрого Еланчика, где-то в бассейне Кальмиуса или вблизи него, каменистое место над речкой, где стоял, по летописным известиям, лагерь Мстислава Киевского. Проблема в том, что мест таких можно указать много. Не имея возможности изложить здесь историю поисков, ограничимся тем, что, в настоящее время, на наш взгляд, имеется три таких наиболее перспективных места.

Рассмотрим подробно все эти места, сопоставив имеющиеся аргументы «за» и «против» каждого из них.

Начнем с Каменных Могил, находящихся в 6–7 километрах к югу от Розовки, где имеются обширные выходы на поверхность древних скальных пород, образовавших здесь целую горную систему в миниатюре, отдельные вершины которой поднимаются на 50–70 метров над окружающей степью. Наличие столь впечатляющего «места каменистого», в сочетании с расположенными всего в нескольких километрах к северо-востоку верховьями Кальчика (см. рис. 2) не могло не привлечь внимания историков в их поисках места битвы на Калке.

Первые археологические исследования в окрестностях Розовки были проведены генерал-лейтенантом Н.Е. Бранденбургом в 1889 году, а привела его в наши места именно надежда найти вещественные следы битвы на Калке [35, с. III, 178–190]. Как известно, надежда эта не оправдалась, обследованные им курганы восточнее современной Розовки, у немецкой колонии № 1 Киришвальд Мариупольского уезда, содержали захоронения бронзового века.

В планах Мариупольского краеведческого музея (МКМ) на 1927–1928 годы числилось изучение в археологическом отношении только что образованного (5 апреля 1927 г.) заповедника «Каменные Могилы» и местности вокруг него «радиусом 7–8 верст в поисках предполагаемого места битвы на Калке» [52, с. 15]. Патриарх мариупольского краеведения П.М. Пиневич, в своем отчете за 1928 год о раскопках и археологических обследованиях на Мариупольщине [36, с. IIб–IIг, Xб], упоминает Каменные Могилы, и вообще местность в треугольнике между Розовкой, Кальчиновкой и селом Темрюк (современное Старченково), как возможное место битвы на Калке.

а)

б)

Рис. 2. Розовка и Каменные Могилы:
 а) фрагменты листов L-37-015 и L-37-027 карты Главного штаба
 (предполагаемое место лагеря Мстислава Киевского обозначено красным);
 б) Восточная гряда Каменных Могил
 (вид с востока, фото автора, май 2005 г.)

В сентябрьском номере журнала «Вопросы истории» за 1954 год появилась статья [37, с. 118–119] известного специалиста в области исторической географии К.В. Кудряшова, представлявшая собой его ответ школьным учителям А.С. Пшеничному и И.Г. Сарбаш из Сталинской области, просившим «осветить вопрос о месте битвы на Калке». Каменные Могилы однозначно названы в статье местом расположения лагеря Мстислава Киевского, а разгром Мстислава Удатного, по мнению К.В. Кудряшова, состоялся у истоков Кальчика. После этой публикации взгляд на Каменные Могилы, как место битвы на Калке, становится преобладающим в СМИ Запорожской и Донецкой (тогда — Сталинской) областей, в кругах местных краеведов и историков, эта точка зрения представлена и в известной «Истории городов и сел Украинской ССР» (издание 1970 г.) [38, с. 385–386].

Лагерь Мстислава Киевского был расположен, по К.В. Кудряшovu, в одном из понижений Восточной гряды Каменных Могил (см. рис. 2, б) и прикрыт с востока речкой Каратыш [37, с. 118–119]. В конце 60-х годов XX века ее течение перегородили южнее плотиной, вследствие чего верховье Каратыша у Восточной гряды было затоплено образовавшимся искусственным озером площадью 20 га с глубинами до 6–7 метров [53, с. 20]. Ранее Каратыш протекал здесь в балке с крутыми берегами.

В 90-е годы XX века усилиями директора заповедника В.А. Сиренко и других местных энтузиастов-краеведов, при поддержке районных администраций Розовского и Володарского районов и общественных организаций предпринимались меры по увековечению памяти о сражении на Калке. В 1999 году на территории «Каменных Могил» был установлен поклонный крест из темного камня, заменивший поставленный годом ранее деревянный крест. К 777-й годовщине битвы близ усадьбы заповедника появилась часовня в честь покровителя казачества Ильи Муромца (открыта 27 мая 2000 года), построенная Союзом казаков Юго-Восточной Украины «Войско Запорожское» и Союзом казаков Донбасса «Вольность» [53, с. 54].

Эти усилия по увековечению памяти достойны уважения и всяческой поддержки, но надо смотреть правде в глаза. Конечно, даже сейчас, полвека спустя, аргументы К.В. Кудряшова в пользу Каменных Могил и верховья Кальчика, как места битвы на Калке, выглядят достаточно весомо и разделяются многими краеведами и историками [21, с. 36; 54, с. 36–37; 55, с. 25–28]. Но не надо забывать, что существуют и аргументы «против», от которых так просто не отмахнешься.

Вот первый аргумент. Расчет расстояний по предполагаемому маршруту движения русско-половецкой рати дает от переправы на территории современного Запорожья до Каменных Могил менее 7 дневных переходов (точнее — 6,72). Даже с учетом возможных «зигзагов» в маршруте движения, слишком велико все же отклонение от 9 дневных переходов (по новгородским известиям).

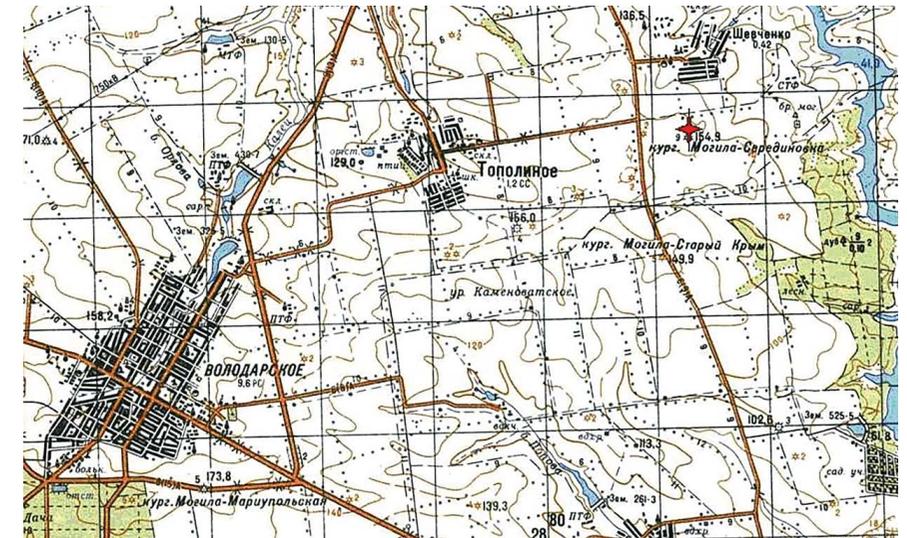
Второй аргумент против Каменных Могил, как места расположения лагеря Мстислава Киевского, известен уже давно, но К.В. Кудряшовым в его известной статье 1954 года не упоминается. По летописным известиям, которые цитируются в этой статье [37, с. 117–118], каменистое место лагеря было расположено на горе «над рѣкою надъ Калкомъ» [14, с. 63]. Восточная гряда Каменных Могил возвышается, как известно, над речкой Каратыш. Из «Книги Большому чертежу» (КБЧ) [47, с. 68], на которую Кудряшов так же ссылается, неопровержимо следует, что Каратыш (Каратош) к Калкам (Калам) отношения не имеет. Согласно КБЧ, Каратыш — это не Калка! К.В. Кудряшов не мог этого не понимать, и писал в другой своей книге, что «заключенные между Миусом и Каратышом реки Калы или Калки — это нынешние Кальмиус с притоком Кальчик» [39, с. 70]. Располагая лагерь Мстислава Киевского над Каратышом, мы вступаем в противоречие либо с «Книгой Большому Чертежу», либо с новгородскими летописными известиями [14, с. 63], т.е. двумя важнейшими письменными источниками, на которых основаны все серьезные попытки локализации места битвы на Калке.

Чтобы преодолеть это противоречие, можно предположить, что в КБЧ зафиксированы названия наших рек в конце XVI — начале XVII века, почти через 400 лет после битвы, а в 1223 году названия могли быть другими, и Каратыш тогда считался одной из Калок. Выглядит такое предположение не очень убедительно.

Вот те аргументы, которые говорят против расположения лагеря Мстислава Киевского на Каменных Могилах. Но прохождение русско-половецкого войска через территорию современного Розовского района, или даже через ближайшие окрестности Розовки, в свете всего, что мы знаем сейчас о битве на Калке, следует считать очень и очень вероятным.

Конечно, самым веским и неопровержимым доказательством связи Каменных Могил и верховьев Кальчика с известной битвой 1223 года могли бы быть ее вещественные свидетельства, но как раз с этим дело здесь обстоит плохо (как и во всех прочих перспективных местах). В виду важности вопроса, возможные материальные следы Калкинского побоища рассмотрим ниже более обстоятельно.

Обратимся теперь к следующему перспективному месту битвы на Калке, к кургану Могила-Серединка в окрестностях Володарского (сейчас, Никольского) (рис. 3). В километре к югу от современного села Шевченко, на правом берегу Кальчика, долина которого заполнена сейчас одноименным водохранилищем, имеются несколько куполообразных выходов розового гранита на поверхность. Два из них совсем незначительны, а третье, более масштабное, и есть Могила-Серединка (отметка 154,9), обследованная П.М. Пиневиным в июле 1928 года в поисках следов битвы на

а)

б)

Рис. 3. Володарское и Могила Серединка:
а) фрагмент листа L-37–027 карты Главного штаба
(предполагаемое место лагеря Мстислава Киевского обозначено красным);
б) Могила Серединка и «Шевченковский штиль».
(вид с юго-запада, фото автора, июнь 2009 г.)

Калке [36, с. Пв–Ш]. Этот каменистый купол ни по высоте, ни по площади гранитных обнажений, ни по крутизне склонов не идет ни в какое сравнение с Каменными Могилами. В конце июня 2009 г. я побывал в этом «месте каменистом» и тщательно его осмотрел. Большая часть Серединовки задернована и покрыта травой. Северные ее склоны более круты, к востоку (к Кальчику) могила опускается более полого. Западные и южные склоны также пологи, в паре сотен метров к югу находится россыпь массивных заглаженных гранитных глыб, имеющих характерный облик «бараньих лбов». Привлеченный слухами о наличии здесь древних рисунков и надписей (о них упоминает и Пиневиц), я несколько часов тщательно обследовал их поверхность, но все поиски оказалось безрезультатными. Причудливый рельеф поверхности глыб является, скорее всего, результатом многолетней работы ветра, воды и солнца, а не творением рук человеческих.

Вершина Серединовки в настоящее время выровнена, на ней сооружена площадка мемориального комплекса, увенчанного многометровым обелиском-шпилем из нержавеющей стали, напоминающим по очертанию красноармейский штык (рис. 3, б). Обелиск это виден на большом расстоянии, и жители окрестных сел называют его «Шевченковским шпилем». Никакого отношения к битве на Калке он не имеет, это памятник павшим в сентябре 1943 года при освобождении Приазовья воинам 417-й Азербайджанской стрелковой дивизии 4-го гвардейского кавалерийского корпуса 2-й гвардейской армии Южного фронта.

Могла ли Могила-Серединовка быть лагерем Мстислава Киевского? Похоже, что для такого предположения есть веские основания. Возвышается она над долиной Кальчика всего в 2 километрах к западу от речки. Разгром передового отряда Мстислава Удатного монголами мог состояться восточнее Кальчика, на его левобережье. Расчет движения русско-половецкого войска от переправы на Днепре до Серединовки дает почти 8 дневных переходов, это ближе летописным известиям, чем в случае Каменных Моги. Следует отметить, что склоны Серединовки недостаточно круты, чтобы создать препятствия для штурма. Однако главной защитой осажденного лагеря от монголов могли быть ограждавшие его телеги, а не крутизна каменистых склонов.

Посещение Могилы-Серединовки позволило ответить еще на один давно мучивший меня вопрос. Я полагал, что с ее вершины, расположенной всего в 20 километрах к северу от Мариуполя, участники битвы не могли не заметить море. Почему же тогда о важном факте близости Калкинского побоища к берегу Азовского моря молчат летописи? Так вот: с вершины Могилы-Серединовки, в ясный летний день, в условиях прекрасной видимости, моря я не усмотрел! На востоке, у самой линии горизонта,

виден элеватор станции Кальчик, на юге хорошо заметны дымящие трубы мариупольских заводов и микрорайоны города, а вот море отсюда невооруженным взглядом увидеть действительно невозможно. Поэтому молчание летописей о близости места битвы к Азовскому морю вполне объяснимо.

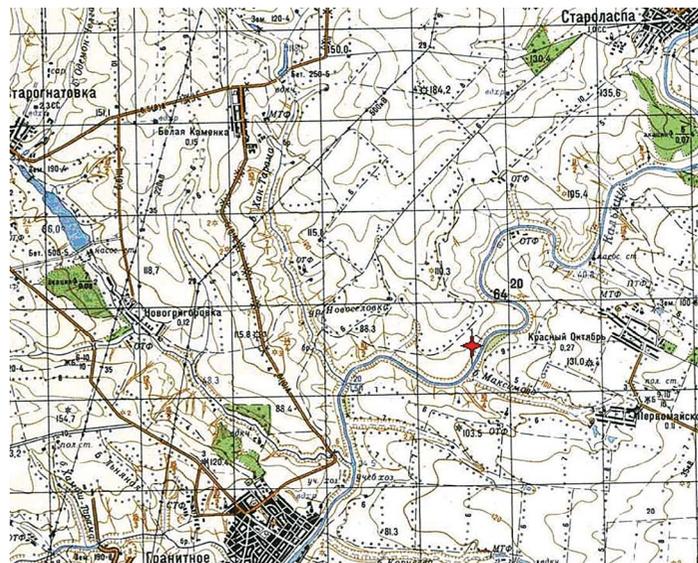
По моему мнению, Могила-Серединовка и прилегающая к ней местность к востоку по праву считается одним из возможных мест битвы 1223 года с монголами.

Известный мариупольский историк-краевед, научный сотрудник Мариупольского краеведческого музея Р.И. Саенко считала наиболее вероятным местом сражения на Калке долину реки Кальмиус между селами Гранитное и Староласпа (Тельмановский район). Чуть севернее Гранитного в долину Кальмиуса выходят здесь балки Дубовая (по ней расположены села Новогригоровка и Староигнатовка) и Хан-гарама (см. рис. 4). Выше этих мест по течению русло Кальмиуса образует несколько изгибов. В районе балки Максимова река образовала выступ в юго-восточном направлении, на западном (правом) берегу Кальмиуса в этом месте возвышается крутой, каменистый обрыв. Здесь и находился, по мнению Р.И. Саенко, укрепленный лагерь Мстислава Киевского [56]. Передовой отряд Мстислава Удатного, с его союзниками-половцами, потерпел поражение, по ее предположению, на равнине, примыкающей к восточному берегу Кальмиуса, где находятся балки Корнеева и Максимова. Сейчас это окрестности сел Новая Марьевка, Первомайское, Красный Октябрь (рис. 4, а).

Не совсем понятными остаются причины выбора Р.И. Саенко именно этого участка Кальмиуса, как места расположения лагеря Мстислава Киевского. Чуть выше по течению, на том же правом берегу, ближе к Старой Ласпе, южнее отметки 195,4 имеется не менее впечатляющее «место каменистое». Рядом есть такое место и на левом (восточном) берегу Кальмиуса (см. рис. 4, б, фото любезно предоставлено мариупольским краеведом LV). Непонятно, почему Р.И. Саенко определила место лагеря именно на правом берегу, ведь летописи не говорят, переходил ли киевский князь с соратниками Калку, и лагерь его мог стоять и на левобережье.

Все эти «места каменистые» на Кальмиусе между Гранитным и Староласпой имеют одну общую особенность: это не гористые возвышения, а просто крутые прибрежные обрывы (см. рис. 4, б). Круговую оборону осажденного лагеря в этом случае можно было организовать, только отгородив такой мыс с крутыми берегами от степи рядом телег.

Расчет расстояний от Кичкасской переправы (Запорожья) до Кальмиуса у Гранитного дает почти точно 9 дневных переходов, как в новгородских летописных известиях [14]. Это впечатляет, но неопровержимым (как говорится, 100%-ным) доказательством расположения именно здесь лагеря

а)

б)

Рис. 4. Кальмиус у Гранитного:

- а) фрагмент листа L-37–016 карты Главного штаба
(предполагаемое место лагеря Мстислава Киевского обозначено красным);
б) долина Кальмиуса между Гранитным и Староласпой.
(вид с севера, фото предоставлено краеведом LV, июль 2002 г.)

Мстислава служить не может. Напомним, что сам маршрут движения точно неизвестен, выбран он исходя из самых общих предположений, о чем уже говорилось выше.

По устной местной традиции, сложившейся в среде приазовских греков, битву на Калке связывают с балкой Хан-Тарама, переводя ее название, как «Кровавая балка». Об этом упоминает в своей статье Р.И. Саенко [56],

ссылаясь на некую военную карту конца XIX века. Насколько мне известно, местная общественность предпринимала определенные усилия по увековечению в районе Гранитного памяти о битве на Калке. По сообщению сотрудников Мариупольского краеведческого музея, существует даже видеофильм о событиях 1223 года на Кальмиусе, снятый трудами местных энтузиастов.

С «вещественными доказательствами» битвы в Тельмановском районе дела обстоят так же, как и во всех прочих предполагаемых местах (т.е., очень плохо).

П.М. Пиневиц, в своем отчете 1928 года, среди возможных мест битвы на Калке называет и «...взгорье между р. Кальмиусом и р. Кальчиком возле г. Мариуполя» [36, с. Пб]. Насколько мне известно, серьезной оценкой и обследованием этого места так никто и не занимался. Одно только можно сказать: оказавшись так близко от моря, участники событий не могли его не заметить, Азовское море обязательно упомянул бы летописец, рассказывая о злосчастной битве, но нет ни слова о близости моря ни в одном из 22 летописных источников, повествующих о событиях на Калке.

Завершая обзор возможных мест интересующей нас битвы в Северном Приазовье, хотелось бы отметить следующее. Если бы в первой трети XIII века на месте современного Мариуполя был гипотетический город бродников Домаха (Адомаха), о котором столь красочно писал Н.Г. Руденко [57], или, хотя-бы, большое поселение, русские и, тем паче, их половецкие союзники обязательно знали бы об этом. Не пришлось бы летописцами связывать битву с никому на Руси неизвестными степными речушками, вроде Калок. Рассуждали бы мы сейчас о битве при Домахе.

Остается рассмотреть предполагаемые вещественные доказательства битвы на Калке, все те находки в Северном Приазовье, которые можно рассматривать, как имеющие хоть какое-то отношение к интересующим нас событиям.

Начнем с Каменных Могил и прилегающей к ним местности.

В «Журнале раскопок» Н.Е. Бранденбурга (записи за 1889 г.) [35, с. 181] зафиксированы предания местных жителей о скоплении человеческих костей на западной окраине тогдашней немецкой колонии Киришвальд (№ 1) (современное с. Вишневатое), у мельницы при дороге на колонию Грунау (№ 6) (сейчас — часть пос. Розовка). В указанном месте у дороги Н.Е. Бранденбургом был заложен раскоп площадью 8 кв. сажень, однако найден там был всего один человеческий скелет и пряслице из песчаника, все это никак не походило на массовое погребение погибших на Калке. В том же «Журнале...» Н.Е. Бранденбург записал рассказ местных жителей о давней («лет 20 назад», т.е. около 1869 г.) находке колонистами останков человека и лошади, сабли, седла и стремени [35, с. 181] в раскопанном ими

кургане Широкая Могила (отметка 226,8 современной карты к юго-востоку от железнодорожного блок-поста 375 км). В 1889 г. Н.Е. Бранденбург провел раскопки ряда курганов у Широкой могилы, но ничего похожего на массовое погребение с соответствующим инвентарем, связанное с битвой на Калке, он не обнаружил. Эти полулегендарные сообщения о находках в верховьях Кальчика, всего в десятке километров от Каменных Могил, и привели в наши края Н.Е. Бранденбурга, искавшего место битвы на Калке.

По сообщению розовского краеведа В.И. Марюхи [58, с. 3], опубликованному в местной газете «Розинформ», при строительстве в 1967–1968 гг. плотины ставка (пруда) Опытной станции, в нескольких километрах к северу от Каменных Могил были обнаружены остатки средневекового вооружения (по его рассказу — вток и наконечник копья). В той же статье В.И. Марюха указал на находку близ Каменных Могил в 1968 году «боевого топора русского воина XIII века» [58, с. 3], ранее эта находка была упомянута в «Истории городов и сел Украинской ССР» (в издании 1970 г.) [38, с. 385].

Ничего из этих находок к сегодняшнему дню не уцелело.

Еще один древнерусский боевой топор был найден на правом берегу Каратыша на месте одного из поселений поздней бронзы (?), обнаруженного членами археологического кружка Шевченковской школы, которым руководил С.П. Шевчук [59, с. 112].

Определенный интерес могут представлять находки западнее Каменных Могил и верховьев Кальчика, датируемые началом XIII века, так как их можно связать с беспорядочным отступлением вдоль Берды к Днепру остатков русско-половецкой рати, разгромленной на Калке. В 45 километрах к западу от Каменных Могил в селе Алексеевка (верхнее течение Берды) найдены фрагменты кольчуги из железных колец [55, с. 28–29]. Эти фрагменты экспонировались в литературно-историческом музее села Смирново. С.П. Шевчук, в своей книге по истории Куйбышевского района [55], связывает эту находку с событиями на Калке.

В верховьях Берды при строительстве дороги между Смирновым и селом Вершина-2 в насыпи одного из курганов, вместе с человеческими останками, был обнаружен древнерусский боевой топор-чекан, датируемый XII–XIII вв. По приведенному описанию [55, с. 28–29] общая длина топора составляет 14,2 сантиметра при ширине лезвия 4 сантиметра и диаметре втулки 2 сантиметра. Топор также находился в экспозиции Смирновского музея. Подчеркивая редкость подобных находок в наших краях, С.П. Шевчук упоминает о наличии в фондах Запорожского краеведческого музея еще одного подобного топора, место находки которого неизвестно.

Летом 2009 года любитель истории О.В. Кульченко из Розовки рассказал мне, что у него хранится боевой топор (по его мнению — древнерусский), обнаруженный им осенью 1975 года на поле южнее села Луганское,

за ставком, примыкающим к южной околице села (см. рис. 5, в). Место находки лежит как раз между Каменными Могилами и верховьями Кальчика. О.В. Кульченко любезно предоставил свою находку для фотографирования и проведения измерений, она действительно представляет собой часть топора (рис. 5, в). Вес фрагмента — 140 г, длина от излома (на рисунке он справа) до лезвия — 120 мм, ширина лезвия — 71 мм, ширина у излома — 24 мм. Фрагмент имеет наибольшую толщину 7 мм у излома и плавно сужается к острому лезвию. Заметны коррозионные повреждения (края лезвия рваные, на всей поверхности неравномерный налет коричнево-бурых продуктов коррозии — оксидов железа). Втулка и обух отсутствуют; излом, скорее всего, приходится на место сужения топора перед втулкой. Излом не является «свежим» (недавним), его поверхность покрыта такими же продуктами коррозии, как и весь фрагмент. В исходном состоянии длина топора из Луганского была, по-видимому, не менее 150 мм, а ширина лезвия — до 90 мм.

Чтобы определить, имеет ли эта находка отношение к битве на Калке, сравним находку с описаниями средневековых топоров в доступных справочных пособиях.

Начнем с известного пособия А.Н. Кирпичникова по древнерусскому оружию (САИ Е1–36, Вып. 2). Судя по форме фрагмента, топор из Луганского мог принадлежать к I или VII древнерусскому типу (по принятой в этой книге классификации для XII–XIII вв.). По размерам и весу это скорее боевой, чем рабочий топор (последние больше по размерам и массивнее, их обычный вес — 600–800 г) [60, рис. 6, с. 27]. О датировке фрагмента трудно сказать что-либо определенное.

Два древнерусских топора XI–XII вв. из Первомайского (Мангушского) района, которые были представлены в экспозиции Мариупольского краеведческого музея, не имеют сходства с фрагментом из Луганского.

Не мог ли топор принадлежать кочевникам, участвовавшим в битве с обеих сторон? Описывая древности средневековых кочевников Восточной Европы, Г.А. Федоров-Давыдов о топорах, как о виде оружия у них, вообще не упоминает. Представленные в его работе среди предметов быта три рабочих топора [61, рис. 12, поз. 9, с. 85] по форме не имеют ничего общего с фрагментом из Луганского.

Ранее уже говорилось о том, что в событиях на Калке могли участвовать и Черные Клобуки, вассалы Руси и неперемные участники всех походов в степь. В известной книге С.А. Плетневой «Древности Черных Клобуков» [62, с. 42, 80] описан единственный топор из черно-клобуцкого курганного захоронения, на топор из Луганского он не похож.

Всего в нескольких километрах к востоку от границы Розовского района, в верховье Кальчика между Малой Янисолью и Катериновкой, было обнаружено весной 1990 года захоронение средневекового кочевника,

которое трактуется как вещественный след событий 1223 г. на Калке [63, с. 424, 429–430; 64, с. 123–130]. Во время весенних полевых работ учениками школы села Кировское (А. Бондаренко и З. Шириновым) и их преподавателями (Г.Г. Малибаши, А.В. Москаленко) были обнаружены кости человека, коня и шлем с маской. Из земли были извлечены также сабля, наконечник ножен, стремя, обрывки кольчуги, бронзовая пуговица. Разрушенное процессами природной эрозии погребение находилось на склоне балки в 1,5 км к северу от села Куйбышево Волновахского района. Все предметы, включая костные останки, были переданы в школьный музей села Кировское.

По целому комплексу признаков автор статьи [64, с. 123–130] относит погребение к памятникам Черных Клобуков, известным по раскопкам в Поросье [61, 64]. Захоронение датируется предмонгольским временем, т.е. первой третью XIII в. Наличие шлема, маски со следами серебрения, кольчуги, сабли — признаки воинского захоронения и высокого социального статуса покойного. Сопоставляя эти признаки с реалиями черно-клобуцких захоронений воинов соответствующего ранга, Э.Е. Кравченко справедливо фиксирует два важных отличия: отсутствие курганной насыпи и бытовых предметов в погребении у Кальчика (совсем нет и вещей из драгоценных металлов). С учетом всех этих обстоятельств был сделан вывод о скрытом (на склоне балки) и поспешном характере погребения, логично вытекавшим из обстановки, сложившейся для русских и их черно-клобуцких союзников после разгрома на Калке. В силу высокого статуса покойного, он не мог быть оставлен без погребения, но полностью обряд курганного захоронения соблюсти было невозможно из-за недостатка времени и боязни надругательства победителей над могилой.

Даже с учетом некоторой неясности с составом инвентаря в погребении и обстоятельствами находки, описанными в работе Э.Е. Кравченко [64, с. 123–130], в настоящее время нет веских оснований отказываться от выводов этой статьи и отвергать возможную связь погребения с битвой на Калке.

В августе 2012 г. на левой затопляемой террасе речки Каратыш южнее границы заповедника «Каменные могилы» был найден железный черешковый наконечник стрелы (см. рис. 5, б) [31, с. 74–75], близкий по форме и размерам к типу 63 (черешковый, лавролистный, с плоским пером и упором, соотношение ширины пера к длине 1:3–1:4) по классификации, принятой в известной работе А.Ф. Медведева [66, с. 52–53, 111]. Наконечники стрел подобного типа были широко распространены в XIII–XIV вв. у монголов, это показали раскопки в Каракоруме [67, с. 53–55]. Однако однозначно связать наконечник из верховой Каратыша с битвой на Калке не получается, так как тип 63 датируется очень широко (все I-е тыс. н.э. и до XIV в.) и фиксировался на памятниках салтово-маяцкой культуры, Древней Руси и Золотой Орды [66, с. 52–53].

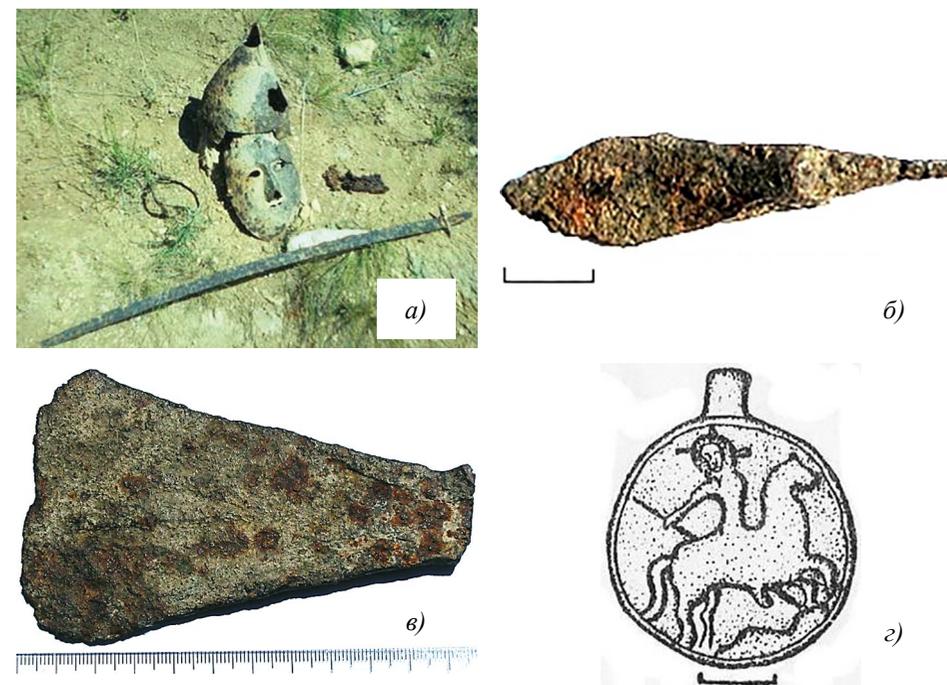

Рис. 5. Случайные находки, возможно связанные с битвой на Калке:
 а) находки из разрушенного погребения у с. Кировское Волновахского р-на [63, с. 424];
 б) наконечник стрелы из верховой Каратыша, фото автора, 2012 г. [31, с. 84];
 в) топор из Луганского, фото автора, 2009 г. [1, с. 202];
 г) медальон из окрестностей с. Гранитное Тельмановского р-на [65, с. 42].

Случайные находки у Могилы-Серединовки упомянуты в отчете П.М. Пиневица за 1928 год: «...местные крестьяне-немцы находят остатки воинского снаряжения: куски мечей, части кольчуги, наконечники копий и стрел» [36, с. II, г]. Ничего более определенного и конкретного, указывающего на события 1223 г., по Серединовке в литературе найти не удалось.

По району Гранитного известен христианский бронзовый амулет-медальон с изображением Георгия Победоносца (см. рис. 5, г), найден он на юго-восточной окраине села [63, с. 416; 68, с. 44]. Такие медальоны носили на Руси после принятия христианства, они стали своеобразной заменой языческим амулетам-оберегам. Авторы сообщения датировали два подобных амулета (место находки второго неизвестно), поступившие в археологический музей ДонГУ, концом XII — началом XIII века. К настоящему времени единственный хранившийся в музее ДонГУ медальон, к сожалению, утрачен [63, с. 416]. На основании датировки и древнерусского происхождения медальонов, в сообщении [68, с. 44] эти находки увязаны

с неудачным походом Игоря в 1185 году или с битвой на Калке. Хотелось бы в это верить, но не надо забывать о том, насколько широко было распространено христианство у половцев в начале XIII в. Медальон совсем не обязательно должен был носить русский ратник, пришедший на Кальмиус, его мог утратить и местный половец-христианин. Так что и эту случайную находку однозначно связать с битвой на Калке не получается.

Вот и все, что можно сказать на сегодня о вещественных следах событий 1223 г. Как видим, археологический материал по началу XIII века в наших местах очень и очень скудный. В основном, это отдельные случайные находки, которые можно связать с битвой лишь предположительно.

Не подлежит сомнению, что у нас, в Северном Приазовье, скорее всего на территории нынешних Розовского, Володарского, Волновахского или Тельмановского районов произошла одна из самых известных и масштабных битв русского средневековья. Но почему же так плохо обстоит дело с ее материальными следами?

Частично ответ на него уже дан в литературе на основании анализа обстоятельств Калкинского побоища. Массовые скопления останков после битвы могли быть в двух местах: на месте разгрома русско-половецкой рати Мстислава Удатного и на том «месте каменистом», где стоял лагерь Мстислава Киевского. В результате преследования останки могли быть рассеяны также и по пути отступления к Днепру. Ни русские, ни их союзники собрать и похоронить своих павших в соответствии с принятыми обрядами, понятное дело, не могли (черно-клобуцкое погребение у Кальчика, скорее всего, редчайшее исключение).

Металлические предметы с убитых были собраны победителями (как и все, представлявшее хоть какую-то ценность), а к оружию монголы относились особенно бережно: за его утрату полагалась смертная казнь [69, с. 212]. Человеческие и лошадиные останки от русско-половецкой рати, скорее всего, так и остались лежать в степи.

Победители на Калке, монголы, имели возможность совершить над своими соплеменниками погребальный обряд. В описаниях битвы часто можно встретить утверждение, что татары своих павших сожгли. Скорее всего, оно ошибочно и основано на описании монгольских обрядов гораздо более позднего времени. Сожжение (кремация) и оставление в степи появились у монголов и их степных соседей достаточно поздно, вместе с ламаизмом [70, с. 94; 71, с. 11, 41, 115–116, 132]. В XIII в. они хоронили покойных в земле, причем захоронение всегда носило тайный характер. Об этом писали Джузджани [72, с. 16], Рубрук и Карпини [73, с. 32–33, 102, 227]. Монголы всячески старались скрыть свои захоронения: над ними не насыпался курган, чтобы уничтожить все следы, над могилами прогонялись табуны лошадей. Поэтому целенаправленные поиски массовых

монгольских погребений, связанных с битвой на Калке, скорее всего, мало перспективны, могилы эти можно обнаружить только в результате случайной находки.

Человеческими и конскими останками русско-половецкой рати занялись волки и лисы, степные птицы-падальщики. Мощные челюсти волка легко справляются и с костями лошади, а человека — тем более. Если среди степных трав остаются уцелевшие кости, то за несколько лет на дневной поверхности они теряют органические составляющие, становятся хрупкими и рассыпаются «в прах». Захороненные в грунте костные останки также теряют свои органические компоненты (коллагены), но они замещаются неорганическими солями из грунтовых вод. При этом кости минерализуются, упрочняются и могут уже сохраняться очень долго.

В каменистых местах слой грунта тонкий, в нем костные остатки не накапливаются, а смываются дождевыми или тальными водами на дно балок, где они могут естественным образом захорониться и уцелеть. Вот здесь, на дне балок у предполагаемых мест битвы, и можно рассчитывать на какие-то находки.

Мы рассмотрели весь тот материал, который имеется на сегодня по месту битвы на Калке. Итоги не очень утешительны. По моему мнению, имеется три перспективных места: Каменные Могилы и верховья Кальчика (южнее Розовки), Могила-Серединка (к востоку от Володарского) и долина Кальмиуса у Гранитного. По каждому из этих мест есть свои аргументы «за» и «против», но ни письменные источники, ни скудный археологический материал не позволяют сегодня сделать окончательный выбор. На открытие новых письменных источников, позволяющих пролить свет на интересующий нас вопрос, надежды мало. Остается уповать на новые находки материальных следов битвы на Калке, когда систематические усилия специалистов-археологов или просто счастливый случай дадут нам в руки неоспоримые доказательства в пользу конкретного места.

Завершаем раздел тем же, с чего и начали: задача локализации места битвы чрезвычайно сложна и, как я считаю, на сегодняшний день она не имеет единственного и неоспоримого решения. Важно было выделить надежно установленные факты среди гипотез, предположений, а то и просто выдумок. Объективно оценить правдоподобность гипотез, взвесив аргументы «за» и «против». Найти какие-то твердые точки опоры на обширном, но зыбком просторе всего написанного и высказанного на сегодняшний день о месте битвы на Калке.

2. Монгольские завоевания 1235–1242 гг.

Миновало Калкинское побоище, растворились в степях на востоке грозные монгольские тумены, и все на Руси, как и прежде, пошло-покатилось заведенным порядком. Продолжились и чехарда на киевском столе, и дробление когда-то мощного государства на мелкие и мельчайшие уделы, и княжеские свары и усобицы, в которых деятельно участвовали половцы. Успокоилась и половецкая степь, восстановились прерванные монгольским набегом торговые маршруты: «Пресекался было путь [сообщения] с нею [землей кипчаков] с тех пор, как вторглись Татары в нее и не получалось от них (Кипчаков) ничего по части бургасских мехов, белок, бобров и [всего] другого, что привозилось из этой страны. Когда же они (Татары) покинули ее и вернулись в свою землю, то путь восстановился, и товары опять стали привозиться, как было ...» (Ибн ал-Асир) [6, с. 28].

Своим чередом шли дела и в монгольских улусах. Как уже говорилось выше, в 1224 г. Чингисхан наделил владениями своих сыновей: Джучи, Джагатай, Угедей и самого младшего — Толуя. По сообщению арабского энциклопедиста ан-Нувейри, надел Джучи составили кипчакские степи, тянувшиеся к северу от Хорезма до нижней Волги и границ расположенной севернее Волжской Булгарии [6, с. 150]. Это была полоса сухих степей от Балхаша до Яика (Урала) и нижней Волги, где кочевали уже покоренные кипчаки, составившие (вместе с 4 тысячами коренных монголов) основное население тогдашнего Улуса Джучи. Западную, самую благодатную часть кипчакских степей от Волги до Дуная, еще предстояло завоевать.

Отношения Чингисхана с первенцем были не самыми сердечными: властный, своевольный и не очень сдержанный на язык, Джучи не раз вызывал гнев «Потрясателя Вселенной». Чингисхан считал, что старший сын стремится захватить власть, раньше времени «тянет руки к поводьям отцовского коня». У Чингисхана были, похоже, некоторые основания подозревать, что Джучи не является его родным сыном, а это еще более осложняло их отношения. Зимой 1227 г. отбившийся от своих нукеров при облавной охоте Джучи был найден в степи с переломанным позвоночником (почетная монгольская казнь «без пролития крови»). Современник этих событий персидский историк Джузджани прямо пишет, что убийц послал отец Джучи [72, с. 14–15]. Виновных не нашли, большую часть его улуса Чингисхан передал второму сыну Джучи, хану Бату, именуемому позднее на Руси Батыем. Области восточнее Иртыша отошли в улус Угедея [74, с. 19].

В августе 1227 г. Чингисхан заболел и умер во время похода на Тангутское царство (на территории современного Китая) [75, с. 233]. В соответствии с его волей новым великим ханом стал Угедей, избранный на курултае (съезде монгольской знати) весной 1229 г. Любопытную характеристику

дал Угедею осведомленный арабский историк Рашид ад-Дин (1247–1318) во втором томе своего труда «Сборник летописей» (Джами ат-таварих): «Он был известен и знаменит высокомерием, умом, способностями, суждением, рассудительностью, твердостью, степенностью, великодушием и справедливостью, однако любил наслаждения и пил вино» [76, с. 8]. Именно в годы правления Угедея (1229–1241) монголы осуществили свои крупнейшие завоевания в Восточной Европе.

Сразу после избрания его великим ханом, по свидетельству Рашид ад-Дина, Угедей «...Кокошая и Субэдай-бахадур послал с таким же войском [тридцатью тысячами всадников] в сторону Кипчака, Саксина и Булгара» [76, с. 21]. Началась война против половцев, кочевавших в степях между Волгой и Уралом, и против Волжской Булгарии. По сообщению Лаврентьевской летописи под 6737 (1229) г., в пределы Волжской Булгарии бежали из низовьев Волги половцы и саксины, туда же отступили и сторожевые отряды булгар, потерпев поражение где-то на реке Урал (Яик): «...Саксины и Половцы възбѣгоша из низу к Болгаром перед Татары, и Сторожеве Болгарьскыи прибѣгоша, бѣени ѿ Татарь близь рѣкы, еиже имя Яикъ» [17, с. 314]. В 1232 г. в той же летописи отмечен новый набег на Волжскую Булгарию: татары зазимовали, не дойдя до ее столицы, города Булгар.

По свидетельству персидского историка Джувеини, в 1235 г. Угедей «...во второй раз устроил большой курултай <...> относительно уничтожения и истребления остальных непокорных, состоялось решение завладеть странами Булгара, асов и Руси, которые находились по соседству становища Бату, не были еще окончательно покорены и гордились своей многочисленностью» [72, с. 22]. Решения, предопределившие страшную судьбу Булгара, Руси и Половецкого поля были приняты, и насмешкой, ужасной иронией судьбы предстает лаконичное сообщение Лаврентьевской летописи под тем же годом: «В лѣто 6743 (1235). Мирно бысть» [17, с. 319].

На этот раз поход имел общемонгольский характер, в нем, кроме Бату и его братьев Орду и Тангута, участвовали чингизиды Менгу и Бучек (сыновья Толуя), Гуюк-хан и Кадаган (сыновья Угедея), а также «царевичи» Кулькан, Бури, Байдар, старый и опытный полководец Субедей [77, с. 23]. Отряды 14 «царевичей» выступили весной из своих кочевий и соединились осенью 1236 г. в пределах Волжской Булгарии, собранные силы были огромны. Их численность оценивалась различно: от 120–140 тыс. (В.В. Каргалов, Л.В. Черепнин) до 40–60 тыс. воинов (И.Б. Греков, В.Л. Егоров, Е.П. Мыськов). Даже при самых минимальных оценках, удара такой силы Булгар выдержать не мог: «Придоша ѿ восточныхъ страны в Болгарьскую землю безбожнии Татарии, и възаша славнии Великыи городъ Болгарьскыи, и избиша в ружьемъ от старца и до унаго и до сущаго младенца, и възаша товара множество, а городъ ихъ пожгоша ѿгнемъ, и всю землю ихъ плѣниша» [17, с. 319].

В конце 1236 г. были разгромлены и другие города Волжской Булгарии: Биляр, Кернек, Жукотин, Сувар [78, с. 191]. Беженцы потоком хлынули на северо-восток Руси. Великий владимирский князь Юрий II Всеволодович принял беглецов, расселил их по правому (западному) берегу Волги и выдал им большую сумму из казны на обустройство [40, с. 11].

Первая половина 1237 г. ушла у монголов на покорение народов Поволжья. Менгу воевал с асами и половцами, о чем сообщают Джувейни [72, с. 23–24] и Рашид ад-Дин [76, с. 38], но их известия несколько отличаются.

В «Истории Завоевателя Мира» Джувейни, служивший монголам, с осуждением упоминает о кипчакском «негодяе» и «смутьяне» Бачмане, развернувшем в Поволжье настоящую партизанскую войну: «...который с несколькими кипчакскими удалцами успел спастись; к нему присоединилась группа беглецов. Так как у него не было [постоянного] местопребывания и убежища, где бы он мог остановиться, то он каждый день [оказывался] на новом месте, [был], как говорится, в стихе: «днем на одном месте, ночью на другом», и из-за своего собачьего нрава бросался, как волк, в какую-нибудь сторону и уносил что-нибудь с собою. Мало-помалу зло от него усиливалось, смута и беспорядки умножались. Где бы войска [монгольские] ни искали следов [его], нигде не находили его, потому что он уходил в другое место и оставался невредимым. Так как убежищем и притоном ему большею частью служили берега Итиля, он укрывался и прятался в лесах их, наподобие шакала, выходил, забирал что-нибудь и опять скрывался...» [72, с. 24]. Против завоевателей использовалась их же тактика мобильной кочевой войны, Бачман сильно беспокоил монголов: против него пошли облавой по обеим берегам Волги Менгу-хан и его брат Бучек. Благодаря стечению обстоятельств, войско «кипчакского смутьяна» удалось уничтожить: жен и детей захватили в плен, а сам Бачман был собственноручно казнен (зарублен) Бучеком. Повторяя в целом сообщение Джувейни, Рашид ад-Дин из каких-то своих источников добавляет важную деталь: соратником Бачмана был Качир-Укулэ, «из эмиров асов» [76, с. 38], который также был захвачен и казнен. События эти традиционно относили к весне — лету 1237 г. [61, с. 231–232; 74, с. 21; 78, с. 192], но Е.П. Мыськов предлагает датировать их весной 1238 г. [77, с. 28].

Осенью 1237 г. венгерский миссионер доминиканец Юлиан во время его второго путешествия в «Великую Венгрию» (прародину европейских венгров) оказался на северо-восточной границе Руси во Владимирском княжестве. Здесь он узнал о разгроме монголами Волжской Булгарии, Великой Венгрии и о подготовке монголов к походам на Русь и кипчаков [79, с. 83–90].

Рашид ад-Дин сообщил о состоявшемся осенью 1237 г. курултае, после которого царевичи-чингизиды «по общему соглашению, пошли войною

на русских» [76, с. 38]. Огненное колесо нашествия покатило по Руси. Монгольские силы были очень велики, но и общая численность русских княжеских дружин, даже без ополчения, если сложить вместе по всем уделам, могла быть соизмеримой (по мнению М.В. Ельникова, — не менее 100 тыс. ратников [21, с. 44]). В том то и дело, что никакого объединения всех русских сил не было и в помине! Урок Калки не пошел впрок, княжества и отдельные города сражались и погибали в одиночестве.

Завоевание монголами Руси распадается в наших глазах на два этапа. Первый этап — завоевание северо-восточных княжеств (конец 1237 г. — весна 1238 г.), второй этап — война на юге Руси (осень 1239 г. — конец 1240 г.). Из русских летописей мы достаточно детально знаем подробности «нашествия Батгя» на Русь, известны точные даты падения городов. Накоплен огромный археологический материал, подтверждающий трагические сообщения летописей. В хронологический промежуток между этими двумя этапами разгрома русских княжеств (лето 1238 г. — конец 1239 г.) логично вписывается очень плохо освещенная в источниках и скудно обеспеченная археологическим материалом война монголов в западной части Дешт-и-Кипчак (Половецком поле).

Рассмотрим кратко перипетии завоевания русских княжеств и обратимся затем к имеющейся информации (достаточно скудной и несколько противоречивой) о войне монголов в Половецком поле — степях между Доном и Днепром, в Северном Приазовье и в Крыму.

Первой жертвой нашествия стало Рязанское княжество, Рязань пала после короткой осады 21 декабря 1237 г. [78, с. 193]. Город был захвачен объединенными силами «царевичей» Бату, Орду, Гуюк-хана, Менгу, Кулькана, Кадана и Бури и разорен столь основательно, что жизнь на его пепелище так и не возродилась. «И не осталось во граде ни одного живого: все равно умерли и единую чашу смертную испили. Не было тут ни стонущего, ни плачущего — ни отца и матери о детях, ни детей об отце и матери, ни брата о брате, ни сродников о сродниках, но все вместе лежали мертвые» [80, с. 191]. Тот современный город, который мы сейчас называем Рязанью — это Переяслав-Рязанский, основанный в 1095 г. и расположенный приблизительно в 6 километрах от городища Старой Рязани, погибшей во время Батыевого нашествия. С середины XIII в. Переяслав-Рязанский стал столицей княжества, а в Рязань его переименовала императрица Екатерина II в 1778 г.

После разгрома Рязанской земли монголы двинулись на северо-запад, вверх по Оке, и столкнулись у Коломны с объединенным войском Рязанского и Владимирского княжеств. Рязанцами командовал князь Роман Игоревич, владимирскую рать привел под Коломну Всеволод Юрьевич, сын великого князя владимирского. В ожесточенном сражении русские рати были

разбиты, вместе с массой простых «воев» полегли князь Роман и воевода Юрия Еремей Глебович, а Всеволод с «малой дружиной» бежал во Владимир [78, с. 194]. Коломна пала, но монголы, судя по всему, также дорого заплатили за эту победу. По свидетельству Рашид ад-Дина, при овладении «городом Ике [городом на Оке, т.е. Коломной] Кулькану была нанесена там рана, и он умер» [76, с. 38–39]. Кулькан — это сын Чингисхана, единственный царевич-чингизид, погибший в ходе монгольского нашествия на Русь; его гибель является свидетельством размаха и жесточенности зимнего сражения под Коломной.

Тогда же штурмом был взят и неприметный городок Москва на окраине Владимирского княжества с небольшими деревянными укреплениями (Кремлем), всего за 90 лет до этого впервые упомянутый в летописи (под 1147 г.). Здесь сидел малолетний сын великого князя Владимирского Владимир Юрьевич, опекаемый воеводой Филиппом Нянькой. По сообщению Лаврентьевской летописи: «Татарове же поидоша к Москвѣ, и взяша Москву и воеводу оубиша Филипа Няньска за правовѣрную веру христианскую, а князя Володимера руками яша сына Юрьева, а люди избиша от старецъ и до младенець, и много имѣнья взяша ...» [17, с. 319–320].

К Золотым воротам Владимира, столицы Северо-Восточной Руси, монголы подошли 4 февраля 1238 г. Великий князь Юрий Всеволодович, сознавая недостаточность своих воинских сил, отступил к Ярославлю, собирая ратников в «стане» на реке Сити (приток Мологи к северо-западу от Ярославля). Во Владимире остались его сыновья — Всеволод и Мстислав, княгиня и епископ — владыка Митрофан. Чтобы оказать моральное давление на осажденных, монголы подвели к воротам плененного в Москве младшего сына владимирского князя, малолетнего Владимира. Владимирцы решили биться, и тогда заработали татарские стенобитные машины. Через проломы в стенах монголы уже 7 февраля ворвались в город и подожгли его: «...взяша град и запалиша и огнемъ, в пяток преже мясопустныя недѣли. И увидѣвше князь и владыка и княгинѣ, яко зажьжень бысть град, а людие же огнемъ концаются, а инии мечемъ, вбѣгоша въ святую Богородицю и затворишася в полатѣхъ; погании же, отбивше двери, зажгоша святую церковь, наволочивше лѣса, и издушишася вся: ти тако скончашася, предавше своя душа господеву» [14, с. 288].

Меньше чем через месяц, 4 марта 1238 г., последовал разгром всех оставшихся сил великого князя Владимирского в его «стане» на реке Сити. Новгородская I летопись: «И нача князь полкы ставити около себе, и се вънезапу Татари приспѣша; князь же не успѣвъ ничтоже, побѣжа; и бысть на рѣцѣ Сѣтни, постигоша, и живот свои сконча ту. Богъ же вѣсть, како скончася ... » [14, с. 288]. Поражение было полным, с трудом нашли на поле битвы тело павшего князя Юрия Всеволодовича и похоронили в Ростове.

Еще до битвы на реке Сити, за один февраль месяц в руках монголов оказались, по сообщению Лаврентьевской летописи, 14 городов в Суздальской земле, не считая сел и погостов: «...идоша к Ростову, а ини к Ярославлю, а ини на Волгу на Городецъ, и ти плѣниша все по Волзѣ, даже и до Галича Мерьскаго, а ини идоша на Переяславль, и взяша, и отолѣ всю ту страну и грады многы, все то плѣниша, даже и до Торжку...» [17, с. 322].

Следует отметить, что отражённые в русском летописании ужасы нашествия были скорее рассчитанной монгольской политикой запугивания и террора, чем следствием дикости или маниакальной жестокости завоевателей. Те города, которые сдавались и признавали без сопротивления власть монголов, не сжигались, население их пострадало мало (о такой «малости», как грабежи, не говорим). Так покорился Батыю по решению городского схода Углич, горожане вышли навстречу завоевателю с дарами и просьбой о пощаде [82, с. 37]. Город был занят, но разгрому, как Рязань или Владимир, не подвергся.

Торжок, осажденный монголами еще за две недели до битвы на Сити и сопротивлявшийся более двух недель, пал 5 марта 1238 г. и пережил массовое избиение жителей, напрасно ждавших подмоги из богатого Новгорода. Через окрестности озера Селигер двинулись татары на Новгородскую землю: «...оканнии безбожници от Торжку Серегирьским путемъ дажь и до Игнача креста, а все людье сѣкуще, акы траву, за 100 верьсть до Новаграда не дошед. Новъ же град заступи богъ и святаа и великая сборная и апостольская церковь святыя Софѣя...» [14, с. 288–289].

Почему же монголы повернули обратно от Игнач-креста, стоявшего в каких-нибудь 200 километрах от Новгорода? Точного ответа на этот вопрос нет. Наиболее вероятной причиной, заставившей завоевателей повернуть назад от самых ворот Новгорода и Пскова, является начало весенней распутицы, буквально остановившей мобильную военную машину монголов в этой болотистой и лесной глуши на стыке современных Тверской и Новгородской областей. Особое мнение сформулировал по этому вопросу В.В. Каргалов [78, с. 196], предположивший, что татары и не думали о захвате Новгорода, а просто преследовали какое-то время один из русских отрядов, отступавших Селигерским путем от Торжка на северо-запад.

В своем движении на юг татары вышли к небольшому городу Козельску на окраинах Черниговского княжества (на реке Жиздре, в верховьях Оки), жители которого в течение 7 недель оказывали ожесточенное сопротивление Батыю. Здесь монголы понесли чувствительные потери. По сообщению Рашид ад-Дина, «злой» город удалось взять только после подхода сил «царевичей» Кадана и Бури: «...Бату подошел к городу Козельску и, осаждая его в течение двух месяцев, не мог овладеть им. Потом прибыли Кадан и Бури и взяли его в три дня» [76, с. 39]. Все жители Козельска, включая

грудных младенцев, были убиты [13, с. 534]. Имеются не очень ясные сведения (из фольклора) о появлении татар в окрестностях Смоленска [78, с. 196], но город они не осаждали.

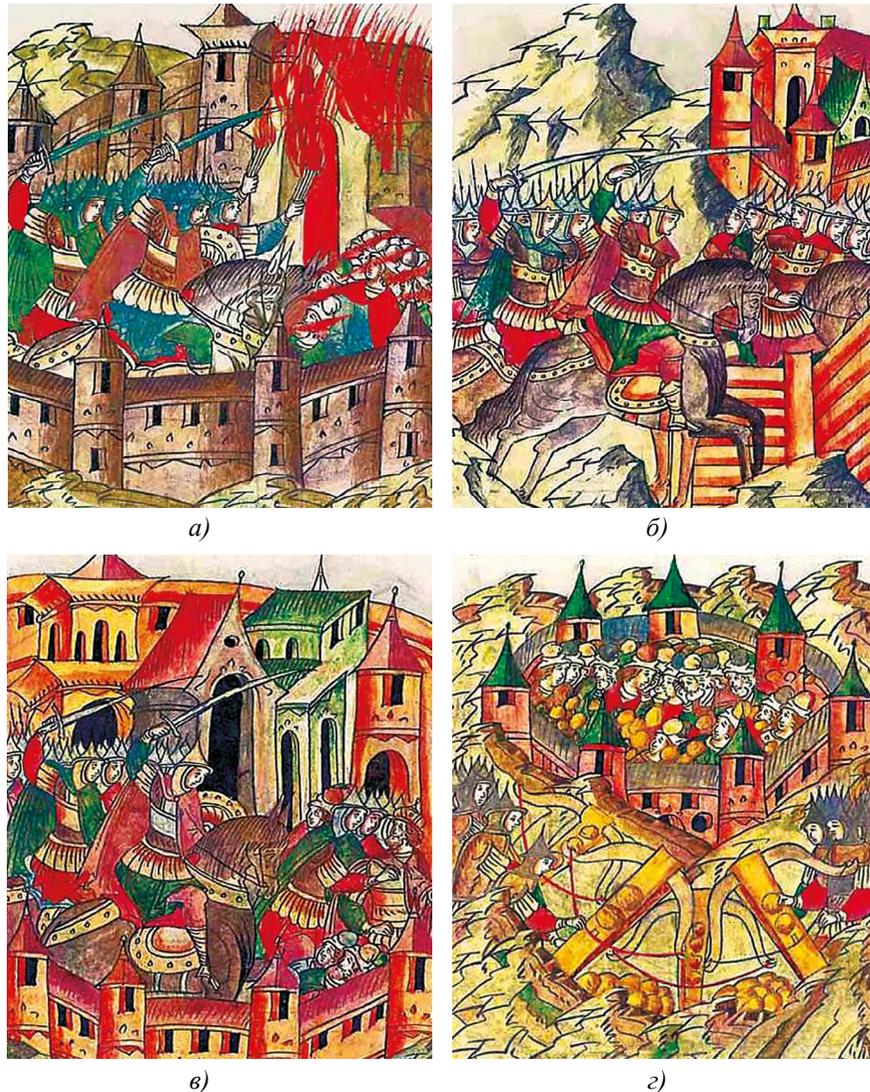

Рис. 6. Монгольское завоевание Руси. Миниатюры лицевого летописного свода XVI в. [81, с. 338, 345, 347, 363]: а) разорение Рязани Батыем; б) сражение у Коломны; в) взятие и разорение Москвы; г) осада Владимира

Весной 1238 г. монголы уходят на юг, в Половецкое поле. Следует отметить, что о захвате монголами половецких степей как в Поволжье, так и в Северном Причерноморье, известно очень мало. Е.П. Мысков [77, с. 14] считает это одной из важнейших проблем в истории Золотой Орды, которая все еще далека от своего окончательного решения. О нашествии Батия на Русь подробно пишут русские летописи, ее разгромленные и сгоревшие города дают археологический материал о тех страшных событиях. Половцы и асы не оставили подобных письменных источников, у них не было больших укрепленных городских поселений, потому и остается война в Половецком поле, представляющая для нас особый интерес, практически неизвестной. Приходится довольствоваться теми крохами информации, которые встречаются у восточных авторов, да анализировать редкие, беглые и случайные упоминания в русских летописях, на фоне огромной национальной катастрофы мало уделявших внимания делам в далеком Половецком поле.

Кое-какие известия о тех событиях имеются у Рашид ад-Дина [76, с. 39]. После взятия Козельска Менгу и Кадан осенью выступили в поход против черкесов и зимою убили тамошнего правителя по имени Тукара, война перекинулась в степи Северного Кавказа. Далее, по Рашид ад-Дину, состоялся поход Шибана, Бучека и Бури в страну Крым, а «Берке отправился в поход на кипчаков и взял [в плен] Арджумака, Куран-баса и Капарана, военачальников Беркути» [76, с. 39]. Текст Рашид ад-Дина, посвященный этому этапу войны в степях, оставляет тягостное впечатление какой-то путаницы с датами и последовательностью событий. Вот пример: «...в нокай-ил, год собаки, соответствующий 635 году хиджры (г.х.) [24 августа 1237–13 августа 1238 гг.], осенью Менгу-каан и Кадан выступили в поход против черкесов...» [76, с. 39]. Но осень года собаки — это осень 1237 г., когда объединенное войско чингизидов (включая тумены Менгу и Кадана) шло на Рязанское княжество, воевать в это время еще и на Северном Кавказе Менгу и Кадан никак не могли. Не позволяют прояснить ситуацию и русские летописи, в 1238 году татары в русских пределах больше не появлялись, и, по словам Лаврентьевской летописи, «...того лета было мирно» [17, с. 324]. В описании событий «войны в степях» остается держаться мнения наших исторических авторитетов, «аки слепой плетня».

По С.А. Плетневой, известный половецкий хан Котян еще в 1237 г. обратился к венгерскому королю Беле IV с просьбой о предоставлении убежища, обещая креститься со всей ордой и стать вассалом венгерской короны [83, с. 179]. До конца 1238 г. монголы ведут «неизвестную» войну с асами и половцами в степях. Зимой 1238/1239 года летописи отметили разгром Мордовской земли, Муррома, Гороховца. С приходом весны монголы уходят из лесов северо-востока, настает черед левобережной Южной Руси, после

короткой осады 3 марта 1239 г. пал Переяслав [84, с. 16]. Укрепление на городище разоренного тогда Переяслава возобновил только 350 лет спустя князь Острожский, получив на это грамоту-разрешение польского короля Стефана Батория от 6 марта 1585 г. [85, с. 8].

Осенью того же года Котян, со своей ордой (около 40 тыс. воинов) и 10 тыс. асов, уходят в Венгрию. Король лично торжественно встретил хана и его орду на границе [86, с. 211]. Согласие сейма венгерских баронов, созванного Белой IV для принятия непростого решения о предоставлении половцам убежища на землях между Дунаем и Тисой [87, с. 234; 88, с. 4–5], очевидно, последовало раньше. Любопытна дальнейшая история «команов» в Венгрии. Огромная кочевая масса в сотни тысяч голов лошадей и крупного рогатого скота нанесла ущерб пашням, огородам и виноградникам, сравнимый с кочевым набегом. Котян и его непосредственное окружение стали христианами (насколько ревностными и искренними — другой вопрос), но подавляющее большинство половцев не торопились расставаться с религией и образом жизни предков. Во внутренней политике венгерский король использовал команов, как противовес своевольным местным баронам. Половецкая верхушка была приближена ко двору, хан стал именоваться на латинский манер «*dominus Cumanorum*» — Правитель Куманов [88, с. 11–13].

Вся эта средневековая «евроинтеграция» не принесла счастья владыке половецких степей: Котян был обвинен в измене, связях с русскими и монголами и казнен в Пеште (одном из городов-спутников, образовавших Будапешт, современную столицу Венгрии). Орда Котяна взбунтовалась и пошла разорять и жечь венгерские селения. Попытки примирения оказались безуспешными, большинство половцев ушло в соседнее Болгарское Царство, где уже со середины XII в. правила половецкая династия [88, с. 12].

Команы были влиятельной силой в венгерском королевстве. Пик их влияния приходится на правление Ладислава IV, оставшегося в истории Венгрии под именем Ласло-Половца [88, с. 13]. При нем команская знать заполонила двор, модными стали половецкие обычаи, одежда и образ жизни, далекий от канонов христианства. Оттесненная венгерская аристократия, чьи владения подвергались половецким набегам, придала конфликту религиозный оттенок и обратилась за помощью к папе Николаю III, направившему для разбора ситуации своего посланника (легата). Церковь сказала свое веское слово: в 1279 г. Ладислав IV был вынужден, под угрозой отлучения, выпустить воззвание, призывающее половцев «встать на путь истинный»: оставить почитание идолов, поголовно креститься, перейти к оседлому образу жизни. Половецкая знать получала земельные надель и становилась вассалами короля, равными в правах с венгерской аристократией. В 1282 г. вновь взбунтовавшиеся половцы терпят поражение от королевского войска

и уходят на ордынские земли в улус Ногая, в Приднестровье. Уже оттуда, три года спустя, они совершили, совместно с ордынцами, набег на Венгрию, разорив ее до самого Пешта [88, с. 22].

В 1290 г. папа Николай IV в очередной раз был вынужден обратиться к венгерскому королю, побуждая его заставить половецких подданных осесть наконец на землю, убедить уже крещенных команов уничтожить своих идолов. Со смертью Ладислава IV в 1290 г. влияние половцев при королевском дворе уходит в прошлое. К концу XIV — началу XV века вышедшие из наших степей половцы стали в Венгрии оседлым населением и полностью обратились к христианской вере [88, с. 23–24].

Часть бывшей орды Котяна, во главе с ханом Тегаком, в 60-е годы XIII в. перешла на службу Даниилу Галицкому, а позднее, возможно, вернулась в родные степи Северного Приазовья под власть монголов [21, с. 82]. Именно с Тегаком связывают богатейшее половецкое захоронение Чингульского кургана у села Заможное в Токмакском районе Запорожской области, открытое в 1981 г. В.В. Отрощенко и Ю.Я. Рассамакин в своей статье [89, с. 34] признают отсутствие прямых доказательств такой связи, а некоторые авторы скептически относятся к «версии о Тегаке», объясняя европейскую компоненту в инвентаре Чингульского комплекса торговыми связями Золотой Орды с Южной Европой через генуэзские и венецианские колонии Крыма [90, с. 68–72].

Следует отметить, что в летописном сообщении, где упоминается половец Тегак, имя это написано через «ять» в первом слоге. В Ипатьевской летописи, в соответствии с ее старейшим списком XV в., под 6761 (1253) г. читаем: «Данило же поиде с братомъ Василкомъ и со снѣмъ Львом, и с Половци, со сватомъ своимъ, Тѣгакомъ, и приде к Пиньскоу» [13, с. 559]. Такое написание этого имени (через «ять») фигурирует во всех известных изданиях Ипатьевской летописи (1843, 1871, 1908 гг.). В современной русской орфографии «ять» передается буквой «е», и в исторической литературе давно утвердилось написание «Тегак», но последнее время в некоторых публикациях на русском языке это имя встречается и в странной форме «Тигак» [91, с. 338, 341; 92, с. 308, 313, 318–320; 93, с. 232].

Такая форма имени (Тігак) принята в работах на украинском языке [21, 89], впервые она появилась в начале XX в. у М.С. Грушевского (см., например, репринт издания 1905 г. его «Истории...» [94, с. 547]) и тиражировалась с тех пор в переводах Ипатьевской летописи на украинский язык Т. Кострубы (Львов, 1936) [95, с. 41], Л.Е. Махновца (Киев, 1989) [96, с. 410] и опирается на современную украинскую орфографию [97, с. 814]. Таким образом, эта спорная транскрипция половецкого имени является явным украинизмом, в работах на русском языке ее использование необосновано.

Вернемся к событиям осени 1239 г. 18 октября татары, под предводительством Менгу-хана, взяли и сожгли Чернигов: «...и градъ взяша

и запалиша огонь, епископа оставиша жива и ведоша во Глоуховъ ... » [13, с. 535].

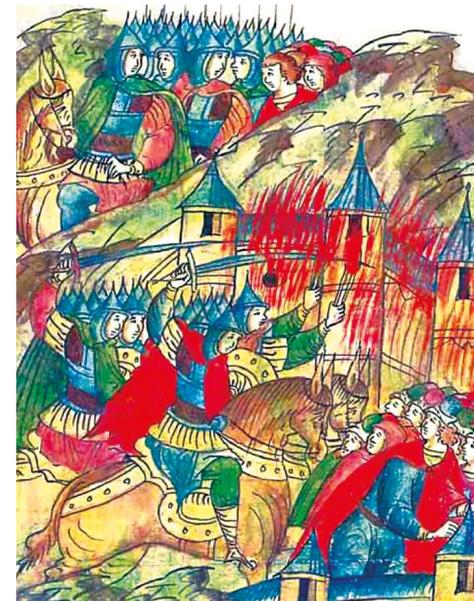
Зимой 1239/1240 гг. татары, во главе с Менгу-ханом, подошли к Киеву по черниговской дороге с северо-востока, с Левобережья, и впервые увидели «мать городов русских» [78, с. 197; 98, с. 116]. Осады в тот раз не было, Менгу-хан не чувствовал себя достаточно сильным для взятия такого крупного города, как Киев.

В конце 1239 г. войско Батыея, преследуя остатки половцев, вторглось в Крым [78, с. 197], к исходу декабря ордынская конница достигла Судака (Сурожа, Сугдеи) [12, с. 597].

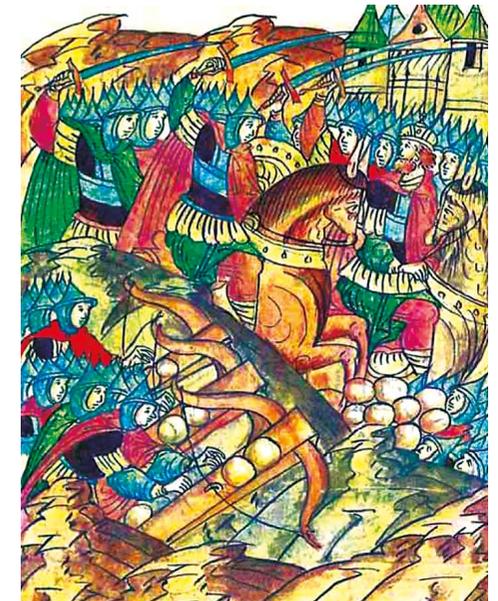
Рашид ад-Дин сообщает о походе монголов весной 1240 г. на Северный Кавказ к Дербенту: «...наступил год мыши, 637 г.х. [3 августа 1239–22 июля 1240 г.]. Весною, назначив войско для похода, они [чингизиды] поручили его Букдаю и послали его к Тимур-кахалка [Железным Воротам, Дербенту] с тем, чтобы он занял и область Авир...» [76, с. 39].

Осенью 1240 г. татары через земли Черных Клобуков в Поросье, подошли к Киеву. Киевский князь Михаил Всеволодович бежал от монгольской угрозы в Венгрию еще год назад, после чего «на столе» оказался Ростислав Мстиславич Смоленский, которого изгнал Даниил Галицкий, передавший «бразды правления» в Киеве своему воеводе Дмитру [13, с. 535]. Бату осадил Киев большими силами («в силѣ тяжкѣ, многомъ множествомъ силы своеи»), у юго-восточных Лядских ворот заработали «пороки» (стенобитные машины) монголов. Осажденные пытались оборонять образовавшийся пролом, киевляне оказывали ожесточенное сопротивление и в самом городе. Воевода Дмитр был ранен, последние защитники Киева укрылись в Десятинной церкви. Стены храма рухнули (возможно, от действия монгольских «пороков»), погребя под собой множество киевлян [78, с. 197]. Киев пал 6 декабря (по другим данным, 19 ноября) 1240 г. Подробности осады и штурма сообщает Ипатьевская летопись [13, с. 536–537], но не преувеличил ли летописец (как полагают некоторые современные «продвинутые» авторы) масштабов «погрома Батыева» в Киеве? Нет! Иоанн дель Плано Карпини, посол папы Иннокентия IV к «татарам и народам Востока», посетивший Киев пять лет спустя, зимой 1245/1246 года, так описал свои впечатления от бывшей столицы Руси: «...город был весьма большой и очень многолюдный, а теперь он сведен почти ни на что: едва существует там двести домов, а людей тех держат они [татары] в самом тяжелом рабстве» [73, с. 47].

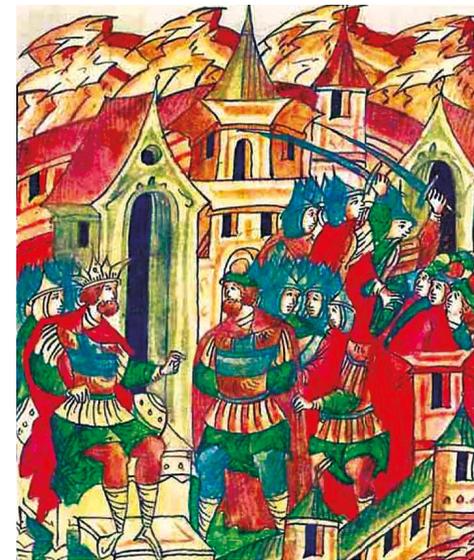
Далее монгольская лавина обрушилась на Галицко-Волынские земли. Взяты были Колодыжин, Каменец, Изяславль, Владимир Волынский, Галич. Устояли хорошо укрепленные города Данилов и Кременец [78, с. 198]. Ипатьевская летопись рисует страшную картину последствий нашествия

а)

б)

в)

г)

Рис. 7. Монгольское завоевание на юге Руси и в Польше. Миниатюры лицевого летописного свода XVI в. [81, с. 421, 424, 457]: а) падение Переяслава; б) битва у Чернигова; в) взятие и разорение Киева. Миниатюра из *Hedwig Codex* (1353) [99]: г) битва под Легницей

в Галицко-Волынской земле: «...пришедшоу ко Берестью, и не возмогоста ити в поле от смрада ради множества избьеных, не бѣ бо на Володимѣрѣ не осталъ живьи: церкви исполнена троупья, иныя церкви наполнены быша троубья и телесь мертвых» [13, с. 539].

В странах Европы не было недостатка в предупреждениях о возможном нашествии, но объединить свои силы и оказать татарам консолидированное сопротивление их правители не смогли. Первой жертвой монголов стала Польша, по сообщениям польских источников, первые набеги на ее города отмечены в январе — феврале 1241 г. [86, с. 215–216], вскоре после падения Киева, когда еще шла война в Галицко-Волынской земле. Татары захватили Люблин и Сандомир. В середине марта последовал новый удар: краковские и сандомирские войска были разгромлены под Хмельником, а 28 марта пал Краков, в городе удалось удержать только собор Св. Андрея. 9 апреля 1241 г. состоялась печально известная битва под Легницей.

Монголы одержали победу над объединенным войском князя Генриха Благочестивого, включавшем польских, французских и немецких рыцарей, а также ополчение из простолудинов. Генрих Благочестивый пал на поле битвы, чешский король Вацлав I, спешивший на подмогу, опоздал всего на один день. Сам город Легницу татары взять не смогли, устояли в Нижнешленской земле также Одмухов и Ратибор, захватчики понесли в Польше большие потери.

Бату с основными силами находился в это время в Венгрии, куда он пришел в начале марта через Верецкий перевал в Карпатах. Другое татарское войско шло южнее, через территорию современной Молдавии и Румынии. В битве на реке Шайо 11 апреля 1241 г. объединенные силы Белы IV и хорватского герцога Кальмана были разбиты, следом пал Пешт, подвергшийся разгрому и опустошению.

Венгерский король неоднократно обращался с призывами о помощи и к папе, и к европейским государям, но весомой поддержки не получил. Длившийся конфликт между папой Григорием IX и германским императором Фридрихом II привел к тому, что последний двинулся в июне 1241 г. в военный поход не против нехристей-татар, а против папы. Не оказали помощи Венгрии и ее ближайшие соседи, Венеция и австрийский герцог, при дворе которого пытался укрыться Бела IV вместе с семьей.

Более года монголы бесчинствовали в Венгрии, на востоке Чехии, в современной Словакии. Спасаясь от преследования татар, Бела IV укрылся на одном из островов у побережья Адриатического моря. Монголами был взят Загреб, но устояли Сплит и Дубровник. По сообщению Рашид ад-Дина, где-то здесь, в Восточной Европе (место до сих пор выяснить не удалось), откочевавшие ранее в Венгрию половцы сразились с монголами: «После этого, в год барса, соответствующий 639 г.х. [12 июля 1241–30 июня 1242 г.], кипчаки

в большом числе пошли войною на Кутана и на Сонкура, сына Джучи, [которые], дав сражение, разбили кипчаков» [76, с. 45]. Паника царила в Европе, но и силы вторжения таяли в борьбе с многочисленным и совсем не мирно настроенным населением. Вековые традиции каменного строительства в европейских странах, развитые навыки защиты крепостей и замков, превращали для татар штурм каждого укрепленного европейского города в трудное и кровопролитное мероприятие.

Великий каган Угедей умер 11 декабря 1241 г., но весть об этом докатилась из глубины азиатских степей до берегов Адриатики только весной 1242 г. Благодаря Рашид ад-Дину [76, с. 42–43], мы знаем не только точную дату кончины правителя монголов, но и ее причину: «Каан очень любил вино и постоянно находился в опьянении, и допускал в этом отношении излишества. [Это] с каждым днем его все больше ослабляло; сколько ни старались приближенные и доброжелатели удержать его, [это] не удавалось. Наперекор им он [еще] больше пил. Ночью, во время сна, каан от чрезмерного [количества] выпитого вина скончался». Угедей был не единственным чингизидом, склонным «глубоко заглядывать в стакан», тем же «недугом» страдал позднее хан Хулагу, монгольский правитель Ирана.

В соответствии с бытующим у монголов порядком престолонаследия, всем чингизидам следовало ехать на курултай, чтобы с общего согласия определить имя нового великого кагана. Весной 1242 г. Бату повернул от берегов Адриатики на восток, монголы уходили из Европы. Чем было вызвано это отступление, и отступление ли это было? Историки так и не нашли однозначного ответа на эти вопросы. Ведь на курултае Бату, в конечном итоге, так и не поехал, сославшись на болезнь. Да и само избрание великого кагана (им стал хан Менгу, сын Толуя) состоялось лишь в августе 1246 г., а до того времени фактически правила вдова умершего правителя Туракина-хатун [82, с. 11]. Если у Бату и было первоначально желание участвовать в курултае, то он мог поступить как Хулагу, воевавший в конце 1241 г. у Дамаска и Алеппо (в современной Сирии): не отводить войска, а уехать самому, передав командование одному из соратников [86, с. 222]. Поэтому смерть Угедея большинством историков рассматривается лишь как повод (но не причина) ухода монголов из Европы. В качестве причин указывают на разлад среди чингизидов, уход туменов Гуюка и Менгу, а также огромные потери монголов в ходе завоевания Руси и стран Европы. Все это действительно уменьшило военный потенциал завоевателей, но Менгу и враждовавшего с Батыем хана Гуюка Угедей отозвал в 1240 г. [76, с. 40], еще до похода в Европу. Главным, по-видимому, было ощущение непрочности завоеванного, сознание необходимости упрочить власть, выстроить какую-то систему управления огромным конгломератом захваченных, но до конца еще не покоренных стран и народов.

Отступление монголов не было поспешным, Бату возвращался не через уже завоеванные страны, а более южным маршрутом: через Боснию, Сербию, Болгарию, что выглядело, скорее, как продолжение завоевательного похода. Зимой 1242/1243 годов монголы прошли через низовья Дуная, Молдавию, нижнее течение Днепра и степи Северного Приазовья: «...по прежней дороге мимо Меотидских болот ушли в Татарию» [100, с. 56–57].

К сожалению, ни в окрестностях Розовки, ни на всей территории района, никакие находки, которые можно было бы достоверно связать с монгольским завоеванием первой половины XIII в., пока не обнаружены.

По мнению М.В. Ельникова [21, с. 50], археологическими свидетельствами возвращения войск Батюга через наши степи являются захоронения монголов на острове Березань (в устье Днепра) и близ села Карга в Херсонской области (к востоку от современного Скадовска), а также погребение монгольского нойона первой половины — середины XIII в., случайно обнаруженное в 1845 г. у села Терпение (на правом берегу Молочной, севернее Мелитополя) [101, с. 79].

Да и по общеизвестным находкам на о. Березань, а также у сел Терпение и Карга, за последние сто лет многократно упомянутым в литературе, накопилось много неясной, а то и просто ошибочной информации.

Серебряные украшения монгольского воинского пояса из раскопок 1904 г. Э.Р. фон Штерна на о. Березань, которые М.Г. Крамаровский считал утерянными и описывал по сохранившимся негативам 1908 г. фотоархива ИИМК (в отчетах о раскопках Э.Р. Штерна они вообще не упомянуты) недавно были идентифицированы специалистами в отделе Востока Государственного Эрмитажа, как принадлежащие к комплексу находок в погребении XIII–XIV вв. из Западной Сибири [104, с. 48–49; 103, с. 368–370]. Таким образом, «монгольские находки с о. Березань» были просто результатом затянувшегося почти на столетие недоразумения.

В 1845 г. при грабительских раскопках погребения у с. Терпение Мелитопольского уезда Таврической губернии, именуемого в литературе «погребением монгольского нойона», были найдены серебряные с позолотой передняя и задняя луки седла и золотой поясной ковш (см. рис. 8, а). Находки хранятся в настоящее время в Государственном Эрмитаже, обстоятельства раскопок неизвестны, неизвестно к сегодняшнему дню и точное местонахождение раскопанного в 1845 г. кургана. М.Г. Крамаровский считает, что найденные луки были частью парадного женского монгольского седла, недостаточно обоснована и датировка находок первой половиной XIII в., они могут быть и более поздними [106].

а)

б)

Рис. 8. Находки первой половины XIII в. в Северном Причерноморье, традиционно связываемые с монгольским нашествием:
а) ковш из погребения у с. Терпение Мелитопольского уезда [102, табл. СХVII];
б) находки из с. Карга Днепровского уезда [103, с. 151].

По находкам 1901 г. из разрушенного погребения близ с. Карга Днепроовского уезда (см. рис. 8, б) также имеется ряд вопросов. Они описаны в ряде работ [102, табл. СХVII; 103, с. 151; 104, с. 48], хранились в 1903–1927 гг. в Харькове, и в целом принадлежность всего комплекса к кругу монгольских или золотоордынских древностей сомнений не вызывает. Неясной остается сама принадлежность комплекса (погребальный инвентарь или клад). Велики и расхождения в датировке находок: по Е.А. Никольской (1927) — XIII–XV вв. [103, с. 150], по М.Г. Крамаровскому (2001) — вторая половина XIII в. [104, с. 48]. Времени возвращения монголов из европейского похода через Северное Причерноморье (зима 1242/1243 гг.) соответствует только очень широкая датировка Е.А. Никольской, включающая весь золотоордынский период.

Монгольское завоевание Волжской Булгарии, Руси и Половецкого поля свершилось. С зимы 1242/1243 гг. безраздельными хозяевами в степях Северного Приазовья стали монголы, наши места вошли в состав одного из их владений — Улуса Джучи.

3. Краткая история Улуса Джучи / Золотой Орды

Прежде чем рассматривать находки золотоордынского времени в Северном Приазовье, где и расположены земли Розовского района, считаем необходимым изложить в самом сжатом виде историю Улуса Джучи и Золотой Орды, дать общее представление об их границах и территории.

Подавляющее большинство населения Золотой Орды (кроме жителей возникших позднее городов), занималось кочевым скотоводством, поэтому влияние природной среды и климата на жизнь и благосостояние кочевников было очень существенным. Проведенные в последние годы исследования позволили оценить климат в отдельных регионах восточно-европейской степи в то время (XIII–XIV вв. н.э.). Например, в Волго-Донском междуречье на территории современной Волгоградской области климат в целом характеризовался повышенной атмосферной увлажненностью (палеоклиматический оптимум). Однако уже во второй половине XIV в. началась постепенная аридизация (иссушение), продолжавшаяся и в XV в.; наступило некоторое похолодание, начался малый ледниковый период XIV–XIX вв. [107, с. 21–22; 108, с. 118, 127]. Отмечено небольшое (в пределах 1–2 м) понижение уровня Азовского моря (специалисты называют это корсунской регрессией), которое затруднило в XIII–XVII вв. судоходство в мелководном Таганрогском заливе, наиболее посещаемой тогда рыбаками и торговцами восточной части Азовского моря [109, с. 49–50].

Более или менее значительные массивы леса на юге Левобережья Днепра были приурочены к речным долинам. Ниже днепровских порогов и на о. Хортица существовал большой массив лесостепи и леса (запорожцы позднее называли эти места «Лес Великого Луга»). Появление золотоордынских городов на Днепре и Конке, по мнению многих исследователей, не могло не нанести большой ущерб лесам: много древесины потребовалось для строительства, ремесленного производства, отопления, обжига кирпича и керамики. Широколиственные рощи и заросли кустарников встречались по долинам Конки, Берды, Миуса. Территория же Розовского района представлена, в основном, высокими сухими водоразделами, поэтому наличие леса в окрестностях Розовки в течение последних 2000 лет практически исключено.

В золотоордынское время чисто степной ландшафт населяли в наших местах дикая лошадь (тарпан), сайга, заяц, лиса, волк; из птиц — дрофа и стрепет. На лесостепных участках встречались зубр, европейский тур, лось, благородный олень, косуля, дикий кабан, но численность крупных копытных уже ко времени монгольского завоевания снизилась, а зубры и туры стали совсем редкими [110, с. 86].

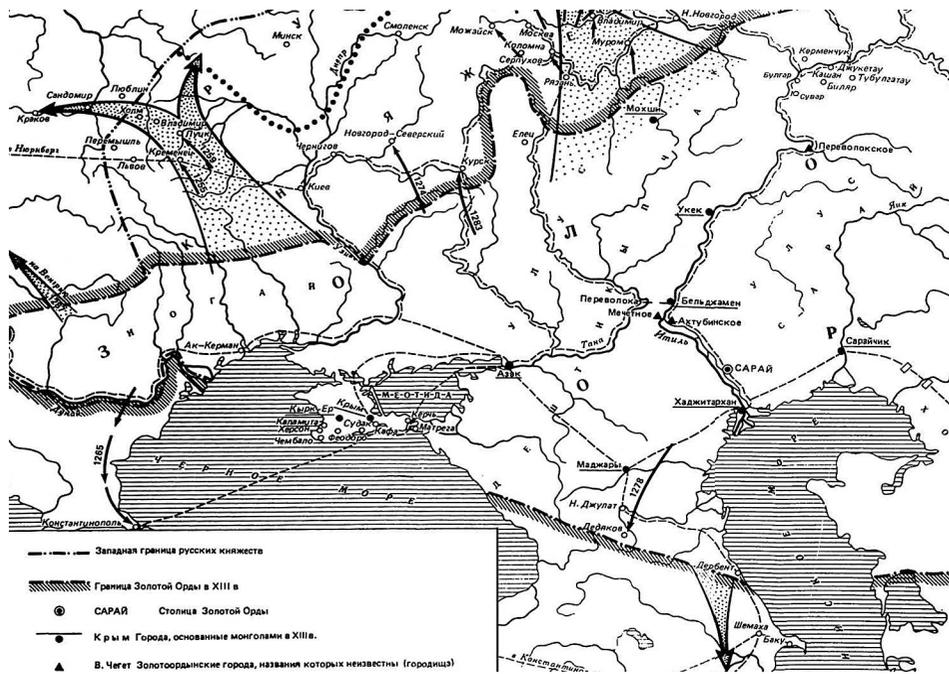

Рис. 9. Границы западной части Улуса Джучи /Золотой Орды в XIII в. (по В.Л. Егорову, фрагмент карты) [111, с. 27–47]

Определение границ Улуса Джучи и Золотой Орды является достаточно сложной задачей, особенно для XIII в., из-за недостатка письменных источников [111, с. 27–28; 112, с. 265]. Впервые она была в общих чертах решена в известной книге В.Л. Егорова [111, с. 27–46], см. карту на рис. 9. При этом автор руководствовался информацией европейских путешественников середины XIII в. Плано Карпини и Гильома Рубрука [73], а также соображениями о тогдашних ландшафтах. В состав Монгольской империи были прямо включены преимущественно степные местности, пригодные для кочевого животноводства, остальные завоеванные территории стали зависимыми от монголов землями. На севере, в лесной зоне, остались зависимые русские княжества, платившие Монгольской империи дань и исполнявшие различные повинности. На юго-западе граница Улуса Джучи проходила по левому (северному) берегу нижнего Дуная, в него вошла вся полоса степей от Дуная до южного Казахстана, степная часть Крыма (кроме Крымских гор и южного берега полуострова), степи Северного Кавказа на юг до Дербента (см. рис. 9). Многие горные районы Кавказа сопротивлялись монголам долгие десятилетия, их покорение продолжалось до конца XIII в.

В ходе монгольского завоевания половцы (кипчаки, куманы), остатки торков и печенегов, населявшие степи от Дуная до Волги и Яика, частично бежали в Венгрию и русские княжества, но часть их осталась в родных степях и была включена в состав населения Улуса Джучи. Возвращение половцев в степи Северного Причерноморья и Приазовья продолжалось во второй половине XIII в., в этом были очень заинтересованы правители монгольских улусов, так как сама по себе степь без зависимого кочевого населения для них не представляла интереса ни в хозяйственном, ни в военном отношении [21, с. 85–87].

Островками оседлой жизни остались города на южном берегу Крыма и востоке полуострова (см. рис. 9). Принадлежавшие ранее Византии, после взятия крестоносцами Константинополя (1204 г.) эти города стали объектами экспансии Венеции, фактически получившей монопольное право колонизации в Причерноморье. Главной опорной базой венецианской экспансии был Судак (Сурож, Солдайя). Непосредственно перед монгольским нашествием крымские города торговали с половцами и платили им дань, но уже в конце 1239 г. у стен Судака появились монголы [113, с. 172; 114, с. 178].

Другой категорией оседлого населения в степи между Днепром и Доном накануне и после монгольского нашествия были, вероятно, жители небольших селений в низовьях этих рек, часть таких селений могла пережить завоевание. Этнический состав был там, скорее всего, довольно пестрым: аланы и болгары (потомки бывшего населения Хазарского каганата), печенеги и половцы, обедневшие и выпавшие из кочевой жизни и иерархии, потомки славян из русских княжеств [21, с. 89–90; 115, с. 123–124; 116, с. 140; 117, с. 298]. Оседлое население всегда занимало самую низшую ступень в средневековой иерархии Степи, так было и при господстве в Северном Причерноморье печенегов, так было и позднее при половцах [30, с. 112–113, 122–123]. Так оно и осталось после монгольского завоевания; сменились лишь хозяева степи, ими стали монголы, пополнившие оседлое население своими пленниками и возложившие на него обязанность обслуживания переправ через реки. В конце июля 1253 г. Гильом Рубрук по пути из Крыма на Волгу переправлялся через Танаид (Дон) в его низовьях: «...не за много дней до праздника блаженной Марии Магдалины достигли большой реки Танаида, которая отделяет Азию от Европы <...>. В том месте, где мы пристали, Бату и Сартах [Сартак] приказали устроить на восточном берегу поселок (*casale*) русских, которые перевозят на лодках послов и купцов. <...> Мы потребовали животных у жителей поселка, те ответили, что имеют льготу от Бату, а именно: они не обязаны ни к чему, как только перевозить едущих туда и обратно...» [73, с. 109].

Благодаря записям П. Карпини [73, с. 69–70], можно определить, на какие более мелкие улусы делился в последние годы правления Бату

(он умер около 1255 г. [77, с. 48]) Улус Джучи. В степях западнее Днепра кочевал Коренца (Куремса), которого сменил там позднее (в правление Берке) Бурундай. Неясно, был ли Коренца чингизидом или выслужившимся темником (командиром тумена, отряда в 10000 воинов), но Карпини называет его в ряду вождей, наряду с Берке и Мауцы, указывая, что он — самый младший из них [73, с. 45]. Степями Левобережья и северного Крыма владел Мауцы (Мовал, Могол, Могучей), в монгольской иерархии стоявший выше Коренцы и, вероятно, брат Бату, т.е. чингизид [21, с. 66; 73, с. 70; 77, с. 46]. По Дону кочевал Картан, женатый на сестре Бату, принадлежавший к «золотому роду» на правах гургена (зятя) [73, с. 70]. Между Доном и Волгой располагались кочевья Сартака, сына Бату, на Северном Кавказе кочевал Берке (брат Бату, в 1254 г. Бату переместил его за Волгу). На Волге (Итиль, Едиль) и в степях междуречья Волги и Урала находились личные владения (домены) самого Бату. Они простирались на север и включали Волжскую Булгарию; в низовьях Волги Бату разместил свою ставку, из которой вырос затем г. Сарай, первая столица Улуса Джучи (Сарай ал-Махрусе, Селитренное городище у современной Астрахани).

После смерти Бату Улусом очень недолго правили его преемники: Сартак (1256) и Улагчи (1256–1257/1258), не оставившие заметного следа в истории. При них улус оставался неотъемлемой частью Монгольской империи, правители его назначались из Каракорума по воле великого хана (тогда, кагана Менгу) [118, с. 302]. Менгу (Мунке — это монгольский вариант его имени), сын Толуя, был выбран каганом при поддержке Бату на курултае в Каракоруме в 1251 г. (сам Бату на курултай не ездил, послал брата Берке). На том же курултае было принято решение о продолжении завоеваний: покорение Южного Китая (там все еще правила местная династия Сун) было поручено сыну Толуя Хубилаю. Участвовать в этом походе решил и Менгу; другой сын Толуя, Хулагу, направлялся на завоевание Аббасидского (Багдадского) халифата (территории современных Ирана, Сирии, Ирака и Азербайджана) [9, с. 395]. Поход Хулагу был общеимперским мероприятием, поэтому и от улуса Бату к нему присоединились войска под командованием чингизидов Балакана и Тутара [77, с. 54]. В 1258 г. был взят Багдад, а багдадский халиф аль-Мустасим, «столп ислама», казнен. На завоеванных территориях возник улус Хулагу, будущее государство Ильханов.

Следующим правителем Улуса Джучи был Берке (1258–1266 гг.), официально принявший ислам еще при Бату, но среди населения улуса и даже монгольской верхушки мусульманство тогда еще не получило широкого распространения. Даже племянник Берке Сартак характеризовался в некоторых источниках как христианин несторианского толка [72, с. 19; 119, с. 199–200]. Впрочем Г. Рубрук считал интерес Сартака к христианству достаточно поверхностным [73, с. 113, 116–117].

И Бату, и Берке негативно относились к походу Хулагу: во-первых, все завоеванные земли западнее Амударьи по завещанию Чингисхана должны были войти в Улус Джучи (Бату), а каган Менгу после завоевания закрепил их за Хулагу; во-вторых, Берке, как правоверный мусульманин, не мог одобрять варварский разгром Багдада и казнь халифа. Так были посеяны семена вражды Золотой Орды с государством Ильханов (Хулагидов), последующие события только усугубили раздор, результатом чего стали продолжительные войны между ними. Когда в 1259 г. при осаде одного из городов в Китае погиб каган Менгу, началась борьба за освободившийся трон его братьев Хубилая и Ариг-Буги, причем Берке поддержал в этой борьбе Ариг-Бугу, а победителем, в конечном итоге, стал Хубилай (в 1264 г.). Отношения Берке с имперским центром (вскоре переместившимся из Каракорума в Ханбалык) были окончательно испорчены. Формально оставаясь в рамках империи, Берке вел фактически самостоятельную политику: воевал с Хулагу (союзником Хубилая), установил дипломатические отношения с Египтом и возродившейся в 1261 г. Византией.

С конца 1260 г. Египтом и Сирией правил султан Бейбарс I, кипчак, захваченный в плен монголами при завоевании Дешт-и-Кипчак и проданный в рабство в Сирию; в Египте он был отдан в мамлюки (воины, набиравшиеся из рабов) [6, с. 433]. Благодаря своему военному дарованию он стал одним из мамлюкских эмиров; осенью 1260 г. войско султана Котуза, одним из военачальников которого был Бейбарс, разгромило в битве при селении Айн-Джалут в Палестине монгольский отряд Кит-Буги, остановив завоевания Хулагу в Сирии и Палестине. В октябре 1260 г. Бейбарс убил Котуза, и эмиры мамлюков провозгласили Бейбарса новым султаном Египта [77, с. 93]. Правил Бейбарс I до 1277 г., при нем и его преемниках из мамлюкской династии бахритов Египет был союзником Золотой Орды в ее войнах с иранскими ильханами.

Заметным событием в правление Берке стало образование в Сарая в 1261 г. Сарайской епархии русской православной церкви; митрополит Киевский (находившийся тогда во Владимире) Кирилл III поставил епископом сарайским и переяславским Митрофана. Епархия «окормляла» всех православных (от пленников и рабов до приезжавших русских купцов и князей) на территории от Сарая вверх по Волге и Дону. В 1459–1461 гг. епископскую кафедру перенесли в Москву и переименовали епархию в «Сарскую и Подонскую», а ликвидирована она была только в 1764 г. [17, с. 331; 21, с. 94; 120, с. 24].

В 1265 г. по приказу Берке состоялся военный поход в Византию (совместно с войсками болгарского царя Константина Тиха), который едва не привел к взятию Константинополя, но окрестности столицы императора Михаила VIII Палеолога были разграблены [77, с. 96–98; 82, с. 41–42].

Михаил VIII был вынужден лавировать между Ордой и Хулагидами, одинаково опасными для его возрожденной империи.

В это время продолжалась война Берке в союзе с правителем Египта султаном Бейбарсом I против улуса Хулагу, хотя сам Хулагу умер в январе 1265 г., а новым ильханом стал его сын Абага [6, с. 433]. Военные действия начались на Кавказе в 1262 г. и шли без особых территориальных приобретений с переменным успехом. По Рашид ад-Дину, в сражении 13 января 1263 г. на Тереке войско Хулагу было разгромлено, новая битва на Куре в 1265 г. не выявила победителя. В описании этих событий Рашид ад-Дин неоднократно упоминает в войске Берке военачальника Ногаю [72, с. 74–76], который сыграл позднее заметную роль в истории Золотой Орды. По сообщению Рукн-ад-Дина Бейбарса [6, с. 101], уже в последние годы правления Берке Ногай стал беклярибеком (начальником всех войск). Вероятно, это произошло после смерти Бурундая [121, с. 240], последовавшей в ходе тогдашней войны с хулагидами. Достаточно логичным выглядит предположение, что Ногай получил также и владения, принадлежавшие ранее Бурундаю: степи Причерноморья, простиравшиеся к западу от Днепра [122, с. 169]. Как беклярибек и правитель самой западной области (правого крыла) Улуса Джучи, Ногай возглавлял поход 1265 г. на Византию.

По смерти бездетного Берке (1266 г.) его сменил Менгу-Тимур (внук Бату, сын Тукана) [77, с. 102–104]. При нем Улус Джучи обрел полную самостоятельность как государство, с этого времени можно обосновано называть его Золотой Ордой, как это и принято в отечественной исторической традиции. Известна монета (чекан Крыма), датированная самым началом его правления (665 год хиджры, 1267 г.), в надписи на которой Менгу-Тимур назван не просто ханом, а каганом: «Каан справедливый Менгу-Тимур», а ниже — родовая тамга Джучидов [123, с. 10] (см. рис. 11, в). И это при том, что монеты с именем тогдашнего «законного» кагана Хубилая в Улусе Джучи нам неизвестны. Такое мог позволить себе только независимый от воли Каракорума/Ханбалыка правитель. Формальное признание независимости Улуса Джучи от империи последовало в 1269 г. на курултае в долине р. Талас [124, с. 71; 125, с. 62–63].

10 августа 1267 г. Менгу-Тимур выдал ярлык (жалованную грамоту) русской православной церкви, документально подтвердив ее привилегии в отношении налогов и повинностей, защиту духовенства и церковных имуществ [126, с. 83–85; 127, с. 7–44]. В оригинале ярлык до нашего времени не дошел, но известен его перевод начала XV в. на русский язык. Тогда перевод этот был включен в собрание ханских ярлыков русским митрополитом, сохранившееся, например, в составе сборника П.П. Дубровского, содержащего новгородский летописный свод, доведенный до 1539 г. [128, с. 263–264].

В правление Менгу-Тимура (1267–1282) продолжилась линия внешней политики, выбранная при Берке: союз с мамлюкским Египтом и война с ильханами (хулагидами), как «цветисто» выразился по этому поводу персидский хронист Вассаф: «...Менгу-Тимур < ... > разостлал с Абакаханом ковер старинной вражды» [72, с. 82]. Война в Закавказье шла достаточно интенсивно, но с переменным успехом, нанося огромный ущерб как международной торговле, так и экономике каждого из противников. После победы в одной из битв Менгу-Тимура над Абагой (1270 г.) военные действия прекратились до 1288 г. Спорные территории (северная часть современного Ирана и Азербайджан) явно уже не стоили потерь и издержек, вызванных многолетней войной, но отношения Золотой Орды с хулагидским Ираном оставались враждебными и напряженными.

В русском летописании Менгу-Тимур упоминается в связи с его походом 1277–1278 гг. на Кавказ против аланов и других горских народов (см. рис. 9), в котором приняли участие и вассальные русские князья (ростовский князь Глеб с братом Константином и др., а также их бояре и дружинники). 8 февраля 1277 г. главный «ясский» город Деяков был взят и сожжен [129, с. 75]. По мнению В.Л. Егорова, Деяков, позже восстановленный и разросшийся в XIV в. в крупный золотоордынский центр — это современное городище Верхний Джулат у с. Эльхотово в Северной Осетии [111, с. 121].

В правление ханов Тула-Менгу (1282–1287) и Тула-Буга (1287–1291) начинается возвышение Ногаия, одного из крупных военачальников правого крыла, занимавшего при этих ханах пост беклярибека (начальника всех войск Золотой Орды). Оба хана были возведены на трон при прямой поддержке Ногаия, но впоследствии им же и свергнуты. Новый ставленник Ногаия — хан Токта (1291–1312), один из сыновей Менгу-Тимура, выступил против беклярибека, но это едва не привело к расколу государства на две части. Еще в 70-е годы XIII в. Ногай встал во главе фактически самостоятельного государства в Причерноморье [118, с. 303], хотя формальных попыток стать правителем Золотой Орды он никогда не предпринимал.

С происхождением Ногаия долгое время не было полной ясности: высказывались мнения, что он не был чингизидом [130, с. 84, 86], что дед его (Мовал, Могол, Мауцы), владевший при Бату степями от Днепра до Дона и севером Крыма, являлся побочным сыном Джучи (от наложницы) [131, с. 2–3], из-за чего, якобы, не мог претендовать на трон Золотой Орды. Наиболее обоснованной источниками представляется точка зрения, что Ногай все же был полноправным джучидом; представители «золотого рода», по свидетельству Рашид ад-Дина, даже признавали его «ака» (старшим в роду) [76, с. 83]. Из-за принадлежности Ногаия к «золотому роду» хан Токта приказал казнить убившего его русского воина: «Простой народ, да не убивает царей!» (Рукн-ад-Дин Бейбарс, Ибн Халдун) [6, с. 114, 383]. По мнению

В.В. Трепавлова, Ногай, став беклярибеком, был уже не только начальником войск, но и, в какой-то мере, по исторической традиции, соправителем хана Золотой Орды, начальствующим над ее правым (западным) крылом, оставаясь в то же время вассалом хана. Но та же историческая традиция не позволяла беклярибеку претендовать на трон Золотой Орды, закрепленный за потомками Бату [8, с. 129–132].

В 60–70-е гг. XIII в. Ногай значительно расширил свои владения вдоль северного берега Дуная [111, с. 33–34], все заметнее было его влияние на Балканах. Около 1272 г. Ногай женился на внебрачной дочери Михаила VIII Палеолога Ефросинье, и византийский император посылал ему богатые подарки, больше напоминающие дань: «Между тем дерзость тохарцев [татар] мы еще удерживали — не мужеством войск, а дружественными, или лучше сказать, рабскими пожертвованиями, — вступали с ними в родственные связи и посылали им подарки, иногда превосходные и величайшие» [132, с. 165; 133, с. 189].

Назревавший годами конфликт хана Токты с Ногаем перерос, наконец, в настоящую войну: «...Токте не понравилось быть подвластным ему [Ногаю]; он старался сразиться с ним и хлопотал о войне с ним» [6, с. 111]. Первую битву, состоявшуюся в 1298 г. на правом берегу Дона у впадения в него р. Аксай, (где-то в окрестностях современного г. Новочеркасск), Токта проиграл. Остатки его разгромленного войска переправились на левый берег Дона, чему Ногай не препятствовал. После поражения Токты власть Ногая распространилась и на Левобережье Днепра (включая Северное Приазовье), и на степи Северного Крыма. В 1299 г. Ногай делает попытку утвердиться в городах на южном берегу Крыма, принадлежащим «генуэзским франкам». После убийства его внука Актаджи, прибывшего в Каффу для сбора налогов, Ногай послал в Крым большое войско в главе с эмиром Маджи. Каффа была разграблена и сожжена, погрому подверглись также Херсонес, Чуфут-Кале и Керчь. Однако на этом успехи Ногая закончились, возмущенные всевластием и произволом беклярибека и его сыновей Джеки, Теки и Турая, многие союзники Ногая перешли на сторону Токты. В сражении, состоявшемся в 1300 г. где-то западнее Узи (Днепра) «в местности Куканлык» (см. рис. 10) войско Ногая и его сыновей было разгромлено, а сам он убит [6, с. 111–112]. Еще пару лет продолжались мятежи и борьба между сыновьями и близкими родственниками Ногая за власть в его бывшем улусе, но уже к 1302 г. единство Золотой Орды было восстановлено.

«Смута», вызванная деятельностью Ногая, завершилась, но она стоила Орде первых потерь зависимых территорий: провозгласили свою независимость Болгария и Сербия, прежние вассалы Ногая на Балканах. Токте необходимо было наладить разрушенное междуусобной войной управление в государстве, восстановить хозяйство и торговлю.

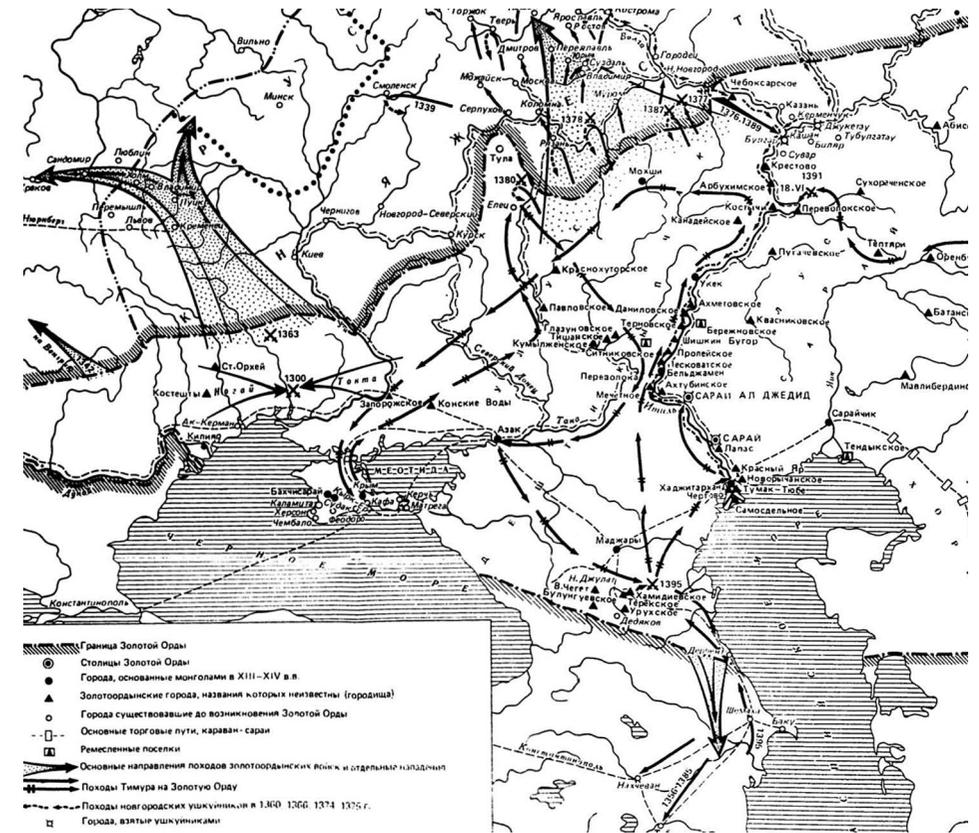

Рис. 10. Границы западной части Золотой Орды в XIV в. (по В.Л. Егорову, фрагмент карты) [111, С. 47–74]

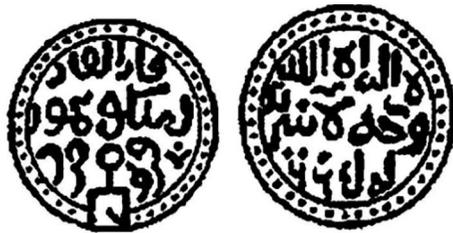
Важнейшим мероприятием Токты стала унификационная денежная реформа 710 года хиджры (1310/1311 гг.). Основой денежного обращения были серебряные дирхемы и медные пулы (более мелкая, разменная монета) (рис. 11). В XIII в. дирхемы чеканились в разных городах Золотой Орды (Булгаре, Сарае, Укеке, Солхате, Маджаре и др., см. рис. 9 и 10). Они отличались не только по внешнему виду, но и по весу серебра и обменному курсу, что затрудняло денежное обращение и торговлю. При Токте началась чеканка сарайского дирхема по твердо установленной весовой норме и обменному курсу, этот дирхем постепенно вытеснил к середине XIV в. из денежного обращения бывшее многообразие монетного ордынского серебра. Местная чеканка дирхема практически прекратилась, хотя выпуск медных пулов для нужд мелкой торговли продолжался. В целом монетная реформа Токты оказалась насколько удачной, что сарайский (позднее — новосарайский и гюлистанский) дирхем ходил до конца XIV в. [4, с. 80–81; 77, с. 148].

а)

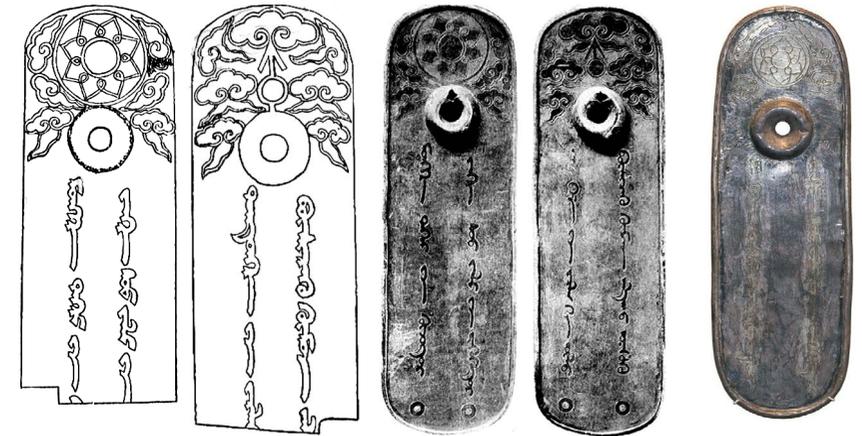
б)

в)

Рис. 11. Монеты Золотой Орды: а) серебряные дирхемы, б) медные пулы (из свободного доступа в интернете); в) дирхем Менгу-Тимура (1267 г.) [123, с. 10]

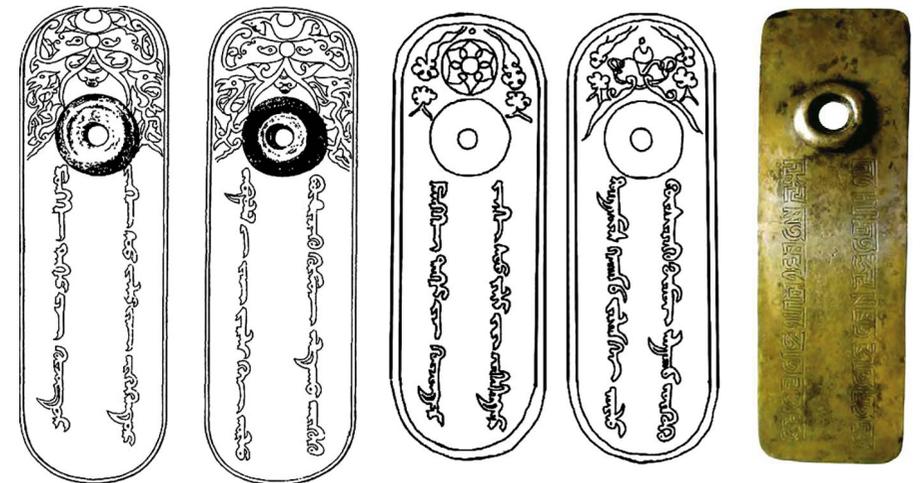
Монгольские и золотоордынские правители, в знак делегирования своей власти и наделения особыми полномочиями, выдавали некоторым лицам (военным, чиновникам, послам и т.п.) особые металлические пластинки с надписью — пайцзы (см. рис. 12). Это был своеобразный аналог современных верительных грамот. К настоящему времени найдены пайцзы шести правителей Золотой Орды, в том числе и пайцза хана Токты (рис. 12, а).

а)

б)

в)

г)

д)

е)

Рис. 12. Пайцзы ханов Золотой Орды и династии Юнь в Китае (серебро, позолота): а) Токта (1290–1312), найдена близ г. Камышин (Поволжье) в конце XIX в. [134, с. 135–136]; б) Узбек (1313–1341), куплена в начале XX в. на Нижегородской ярмарке [134, с. 136]; в) Кильдибек (1361–1362), найдена в составе «Симферопольского клада» 1967 г. [105, с. 391]; г) Абдуллах (1363–1369), с. Грушевка, Екатеринославской губернии, 1848 г. [134, с. 136–138]; д) Токтамыш (1379–1407), с. Красный Яр Астраханской области, 1990-е гг. [135, с. 30]; е) пайцза наградная монгольской династии Юань в Китае, Забайкалье, 1853 г. [105, с. 394]. Надписи уйгурским письмом: а) — д); надпись монгольским квадратным письмом: е)

В правление Токты почти прекратилась война с хулагидами, граница Золотой Орды с государством ильханов не менялась, но отношения с ильханом Газаном оставались напряженными. В 1304 г. были восстановлены

дипломатические контакты с Египтом, Токта и султан Калаун регулярно обменивались письмами и посольствами [77, с. 149].

Из главных гражданских начальников в последние годы правления Токты известен Кутлуг-Тимур, наместник Хорезма. Как пишет ал-Айни, Кутлуг-Тимур был «...старший эмир из эмиров, <...> распоряжался управлением государства, устройством дел его и сбором податей его» [6, с. 515].

По сообщению летописи Ибн Касира, хан Токта умер в январе 1313 г. [6, с. 277], а летом 1313 г. на трон Золотой Орды вступил Узбек, внук Менгу-Тимура и сын Тогрула (брата Токты). Тогрул, отец Узбека, был убит 1291 г. в результате заговора Токты и Ногая, детство Узбека прошло на Северном Кавказе, воспитан он был в мусульманском духе.

Узбек пришел к власти благодаря поддержке Кутлуг-Тимура (его двоюродного брата, наместника в Хорезме), а также главной жены его отца ханши Баялун, побочной дочери византийского императора Андроника II [6, с. 301–302; 125, с. 108–109]. После воцарения Узбека Кутлуг-Тимур стал беклярибеком, а на Баялун Узбек женился, для чего потребовалось специальное решение (фетва) мусульманских правоведов [6, с. 324].

Правление Узбека (1313–1341 гг.) считается временем расцвета Золотой Орды и периодом ее наибольшего могущества. Утвердилась эта точка зрения во многом благодаря арабским и персидским хронистам, ревностным мусульманам, почитавшим Узбека, сделавшего ислам государственной религией в Орде [118, с. 305]. Хан официально принял ислам вскоре после своего прихода к власти, по Симеоновской летописи: «...тогда Тохта царь умре, а новый царь Озбяк сел на царстве и обесерменился...» [129, с. 88]. В составе Золотой Орды имелись территории, где ислам был религией большинства населения (Хорезм, Волжская Булгария, Нижняя Волга); население городов также было преимущественно мусульманским. Кочевая степь не только при Узбеке, но и сто лет спустя, продолжала «поклоняться идолам», и ее все так же обращали в «магометанскую веру» [136, с. 144]. Исламизация встретила сопротивление и среди ордынской аристократии: «Он [Узбек] умертвил несколько эмиров и знатных лиц и убил множество бахшей [буддийских лам] и волшебников» [6, с. 197]. Репрессии против знати были связаны не только с исламизацией, но и с существенной перестройкой всего аппарата управления государством. В результате реформы была сведена к минимуму власть удельных Чингизидов, которых Узбек постепенно заменил на своих наместников. Курултай для решения важнейших вопросов больше не собирались, наследование власти в Орде шло теперь напрямую (от отца к сыну). Золотая Орда была поделена на четыре улуса (Сарай, Хорезм, Крым и Дешт-и-Кыпчак) и 70 тюменов. Улусы возглавляли ставленники хана улусбеки, тюмены (области) — эмиры, входившие в состав дивана. Завершением внутригосударственных преобразований

стало объявление новой столицы, города Сарай ал-Джедид (Царево городище в Ленинском районе Волгоградской области). Улус Сарай до распада Золотой Орды продолжал оставаться центральным улусом государства. В период правления хана Узбека появляется большое количество новых городов, некоторые из них превращаются в центры областей [137, с. 160–161]; это время расцвета в Орде торговли с Востоком и Западом.

При Узбеке в состав судов кроме эмиров (правителей областей), судивших по традиционному монгольскому праву, были введены кади и мусульманские правоведы, руководствовавшиеся нормами ислама. Такой суд при дворе улусбека Хорезма Кутлуг-Тимура описал арабский путешественник Ибн Баттута, посетивший Хорезм в 1333 г. [6, с. 311–312].

В правление Узбека состоялся ряд военных походов (против ильханов, на Балканы, в Литву), которые были не особенно удачными: они не принесли Орде новых территорий и не прибавили ей новых вассалов [125, с. 119–120; 123]. Напротив, на западе отошли к Великому княжеству Литовскому (ВКЛ) бывшие вассалы Орды Киевское княжение и Волынь (1320–1322 гг.). Частичный контроль над Киевом Орде удалось позднее восстановить (в Киеве совместно правили вассал Гедимина князь Федор и ордынский баскак), но в 1339 г. под власть ВКЛ перешел Смоленск [125, с. 120–121].

Власть над «русским улусом» (северо-восточными русскими княжествами) Узбек твердо держал в руках все годы своего правления, его действия служат хорошей иллюстрацией для возникшего гораздо позднее термина «монголо-татарское иго». Он властно вмешивался в многолетние конфликты между Москвой и Тверью, по своему произволу наделял «ярлыками» и смещал великих князей, посылал на Русь карательные «рати», казнил и миловал русских князей [125, с. 111–117].

В своих решениях и действиях хан Узбек часто был импульсивен, непоследователен и подвержен эмоциям, что сказывалось и на судьбе его сановников. Кутлуг-Тимур, его двоюродный брат, сколько сделавший для Узбека, пользовавшийся его доверием и расположением, пробыл беклярибеком всего несколько лет, затем был заменен Иса-гургеном и отправлен в почетную ссылку править Хорезмом (где его и застал Ибн Баттута). Затем Кутлуг-Тимур был возвращен ко двору и снова стал беклярибеком, чтобы его опять сменил через время Иса-гурген [125, с. 125].

Тимур, старший сын хана Узбека, умер в 1330 г. Старшая жена хана Баялун не вернулась в Орду из Византии после ее поездки в Константинополь к отцу в 1332 г. Новой старшей и любимой женой Узбека (в русском летописании — «царицей») стала Тайдула, родившая ему двух сыновей: Тинибек и Джанибека. Первоначально наследником трона считался Тинибек, но затем он чем-то прогневал отца и наследником был объявлен младший сын

Джанибек, имя которого (вместе с Узбеком) чеканилось на золотоордынских монетах в 1340–1341 гг. [125, с. 124–125, 333].

Узбек умер после длительной болезни в 1341 г. Пайцза хана Узбека (рис. 12, б), найденная где-то на Волге, была куплена в начале XX в. на Нижегородской ярмарке [134, с. 136], точное место ее находки так и осталось неизвестным.

С правлением Узбека достаточно обоснованно связывают появление в Москве такой исторической реликвии, как шапка Мономаха. Первоначально, это был драгоценный татарский женский головной убор, принадлежавший сестре Узбека Кончаке (в крещении — Агафье). Агафья вышла замуж за брата московского князя Ивана Калиты Юрия Даниловича, долго жившего в Орде. Она умерла в плену у тверского князя Михаила (1317 г.), а Юрий Данилович был убит в Орде в 1325 г. тверским князем Дмитрием (сыном Михаила). Детей у Юрия и Агафьи не было, поэтому единственным наследником их имущества оказался Иван Калита, в сокровищницу которого и попала «золотая шапка», которой короновались русские цари до принятия Петром I императорского звания. Первоначально «золотая шапка» имела свисающие золотые навески, крест на ней и опушка из соболиного меха появились только в XVII в. [138, с. 22–28].

В 1342 г. при поддержке Тайдулы Джанибек стал ханом Золотой Орды, при этом были убиты его родной брат Тинибек и Хыдрбек — сын Узбека от другой жены [6, с. 263]. При Джанибеке продолжилось распространение ислама в Орде, строились мечети и медресе (духовные училища). В его правление произошли военные конфликты в Тане (Азаке) с венецианцами (в 1343 и 1349 гг.) и с генуэзцами в Каффе (1344–1346 гг.). Эти локальные конфликты нанесли огромный ущерб торговле Генуи и Венеции, а не очень успешные военные действия против этих городов при Джанибеке свидетельствовали о падении мощи и влияния Золотой Орды. На западе обострились отношения с Польшей и Литвой, стремившимися расширить свои территории за счет юго-западных русских княжеств, вассалов Орды.

Чувствительный удар Орде нанесла эпидемия чумы, занесенной в 1346 г. из Китая в Северное Причерноморье и Поволжье по торговым путям. Троицкая летопись так описывает под 6854 годом (1346) чуму в Орде: «Того лета бысть казнь от бога на люди под восточною страну в Орде и в Орначи, и в Сарае, и в Бездеже, и в прочих градах и странах и бысть мор велик на люди, на Бессермены и на Татары, и на Ормены, и на Обезы, и на Жиды, и на Фрязы, и на Черкасы, и на прочая человеки, тамо живущая в них. Толь же силен бысть мор в них, яко не бе мощно живым мертвых погребати» [139, с. 368]. Подтверждают размеры бедствия в Орде и арабские источники: «...приключилась в землях Узбековых чума, обезлюдели деревни и города; потом чума перешла в Крым, из которого стала исторгать ежедневно

по 1000 трупов» [6, с. 530, примеч. 1]. Сильно пострадали тогда от чумы Сирия, Египет, Византия. Венецианские и генуэзские суда привезли «черную смерть» в Западную Европу, через ганзейские города и Скандинавию чума несколько лет спустя пришла в Новгород и Псков, весной 1353 г. от нее умерли московский князь Семен (Симеон) Гордый и русский митрополит Феогност. Ярлык на великое княжение владимирское Джанибек выдал другому сыну Калиты Ивану Красному (младшему брату Семена) [125, с. 132].

В начале своего правления Джанибек нарушил старую традицию, которая шла еще от Чингисхана: не облагать налогами и сборами служителей церкви. В 1342 г. с русского митрополита Феогноста стали требовать в Орде «дань полетнюю» (ежегодные платежи), он заплатил 600 руб., о чем свидетельствует летописное сообщение [140, с. 174–175]. А вот ханша Тайдула (мать Джанибека), пользовавшаяся большой властью и влиянием (ее баскаки сидели в Туле, она получала долю торговых сборов с Азака и т.п.), имела устойчивую репутацию «христианской заступницы» [127, с. 46].

Джанибек остался верен другой «династической традиции» — войне с хулагидами. С 1355 г. в Персии царил смута, государство ильханов распалось на ряд провинций, правители которых были лишь марионетками могущественных местных эмиров. В 1356 г. Джанибеку удалось захватить Азербайджан, но в походе он опасно заболел. Хана тайно от войска отравили в Сарай, наместником в Азербайджане остался его сын Бердибек, войском при нем командовал эмир Ахиджук. В Орде не смогли вылечить Джанибека, не помогло и участие русского митрополита Алексия, имевшего у татар славу целителя и вызванного к больному хану Тайдулой. Оставив Азербайджан на попечение Ахиджука, Бердибек бросился в Сарай, чтобы не опоздать к наследованию трона. Азербайджан был потерян Ордой всего лишь через год после его завоевания при Джанибеке [125, с. 137–139].

По сообщению Хайдера Рази, Джанибек умер 22 июля 1357 г., но не от болезни, а был убит по приказу Бердибека [72, с. 214]. Приход Бердибека к власти сопровождался убийствами его родственников, включая малолетних, по Троицкой летописи: «В лето 6865 (1357). < ... > Того же лета Бердыбек царь в Орде седе на царстве, а отца своего убил и братью свою побил» [139, с. 376].

В ноябре 1357 г. Бердибек выдал ярлык (жалованную грамоту) и пайцзу находившемуся тогда в Орде митрополиту Алексию, ярлык подтверждал освобождение от дани и другие льготы русской православной церкви [127, с. 72–115]. Известна также (в переводе на итальянский язык) жалованная грамота Бердибека (1358 г.) итальянским колониям в Причерноморье [74, с. 111; 141, с. 195].

Правление Бердибека оказалось коротким, это было время заметного ослабления Золотой Орды. По сообщению Патриаршей (Никоновской)

летописи уже в 1359 г. он был убит: «В лето 6867 (1359). Того же лета во Орде убиен бысть царь Бердибек < ... >; и испи тую же чашу, ею же напоил отца своего и братью свою» [23, с. 230–231].

После смерти Бердибека в Золотой Орде началось смутное время, которое в русском летописании названо «замятней великой»: «А в орде тогда замятня бысть велика...» [142, с. 10]. За 20 лет от смерти Бердибека (1359 г.) до прихода к власти Токтамышша (1379 г.) в Золотой Орде сменилось не менее 20 ханов, история этого периода остается и сейчас недостаточно изученной, а письменные источники содержат противоречивую информацию. Даже имена всех этих «правителей на час» у разных авторов различны, оспаривается и хронология их правления. Приведем имена золотоордынских ханов времени «великой замятни» по известной работе М.Г. Сафаргалиева (1960 г.): «Кульпа, Навруз, Хидыр, Тимур-Ходжа, Ордамуюк, Абдуллах, Кильдибек, Мир-Пулад, Мурат, Булат-Тимур, Пулад-Ходжа, Азиз, Хаджи-Черкес, Хасан, Алп-Ходжа, Коганбек, Арапшах, Мухаммед-Булак, Тулюнбек, Урус, Токтакия, Тимурмулюк и Токтамышш» [74, с. 112]. Имена правителей установлены по упоминаниям в русском летописании, у арабских и персидских хронистов, по отчеканенным в их правление монетам. Надены пайцзы Абдаллаха, Кильдибека и Токтамышша (рис. 12, в, г, д).

В Орде шла ожесточенная борьба за власть, в которой приняли участие не только потомки Джучи и Бату, но и чингизиды других династических линий. В этой междоусобице погибла Тайдула (столь влиятельная при Джанибеке, Бердибеке и «приложившая руку» к разжиганию ордынского кризиса), а в первые годы «замятни» замечен стал «темник» (позднее — беклярибек) Мамай. Он не был чингизидом и не мог претендовать на трон Золотой Орды, но имел титул гургена (зятя) и был женат на дочери Бердибека [6, с. 389].

После смерти Бердибека, как пишет Ибн Халдун: «...(верховной) власти не стало, а эти (эмиры) правили самостоятельно в провинциях...». Золотая Орда фактически распалась на ряд независимых и враждующих улусов: Урус контролировал Хорезм, Мамай — Крым, нижнее течение Днепра, Приазовье и Азак. В низовьях Волги сидел Хаджи-Черкес, за область Сарая шла постоянная борьба. Мамай со своими подставными правителями удержаться там не смог, его постоянной «вотчиной» стал Крым и прилегающие к нему Причерноморье, Подонье и Приазовье. Из охваченного междоусобной войной Поволжья население отхлынуло на запад, в области, контролируемые Мамаем, плотность населения там заметно увеличилась [6, с. 390–391; 63, с. 468–472; 143, с. 147; 144, с. 204–206].

«Замятня» нанесла непоправимый ущерб экономике и военной мощи Орды, чем не замедлили воспользоваться ее соседи и вассалы.

Осенью 1362 г. великий литовский князь Ольгерд (сын Гедимины) в битве на Синих Водах разгромил «трех царьков татарских» (Кутлубака, Качибея

и Дмитра) и их орды, «власть татарская» была изгнана из Подольской земли [51, с. 318; 145, с. 130]. На карте (рис. 10) из работы В.Л. Егорова [111, с. 47–74] эта битва ошибочно датирована 1363 г. Упомянутые А. Гваньини и Густынской летописью «три царька татарских» — это крымские эмиры-темники, сторонники Мамая Кутлуг-Буга (наместник Солхата), Хаджи-Бек (наместник Кырк-Ера) и Дмитрий (правитель вассального княжества Феодоро). После битвы на Синих Водах под власть Великого княжества Литовского перешли почти все ордынские территории на правом берегу Днепра (кроме полосы вдоль черноморского побережья). По мнению Ф.М. Шабульдо, эта битва состоялась на р. Синюха (левый приток Южного Буга) у современного с. Торговица в Кировоградской области [146, с. 105]. В 1366 г. Польша захватила Волынь, в 1370 и 1377 гг. Московское и Нижегородское княжества провели два успешных похода против ордынских земель на Каме и у г. Болгар [74, с. 123].

Осложнились дела Орды с вассальным «русским улусом»: тверской и московский князья Михаил Александрович и Дмитрий Иванович в 1371 г. признали себя вассалами «князя Мамая и царя его» и согласились выплачивать «выход» (дань) в уменьшенной размере, но с 1373 г. дань уже, скорее всего, вообще не платилась [74, с. 126]. Татарские набеги на Русь встречали теперь вооруженное сопротивление русских ратей. 2 августа 1377 г. состоялось неудачное для русских сражение на р. Пьяне, Нижний Новгород и его окрестности были разграблены татарами [129, с. 118–119]. Через год Мамай послал «князя» (эмира) Бегича с большим войском на великого князя Дмитрия Ивановича (будущего Донского) «и всю землю Русскую». 11 августа 1378 г. на р. Вожа (в пределах Рязанского княжества) Дмитрий полностью разгромил ордынское войско, татарский лагерь был захвачен, среди «избитых князей» татарских был и сам Бегич [129, с. 126–127].

1379–1380 гг. стали периодом последних успехов Мамая: он подчинил Северный Кавказ и Астраханский улус Хаджи-Черкеса. С востока Мамаю не грозил больше хан Урус (он умер, а его преемники увязли в войне с Токтамышем). Все улусы западнее Волги оказались под властью Мамая, а удачный поход против Нижегородского и Рязанского княжеств вернул их правителей в его подчинение [74, с. 133]. Успехом Мамаю было и заключение в это время союза с врагом Москвы великим князем литовским Ягайло (сыном Ольгерда, который по Кревской унии стал в начале 1386 г. еще и польским королем Владиславом II Ягелло) [125, с. 170; 147, с. 97, 114–115]. Казалось, что есть все условия, чтобы силой оружия подчинить московского князя Дмитрия Ивановича, находившегося «в розмирье» с беклярибеком, и вернуть былую власть над «русским улусом», обеспечить в Орду былой «выход» — поток серебра в тех размерах, которые были при Узбеке и Джанибеке.

Летом 1380 г. Мамай начал свой поход на Русь, собрав достаточно многочисленное войско (но никак не 200–400 тыс. воинов, о которых говорится в русском летописании), сильно завышенной в летописях представляется и численность противостоявшей ему русской рати, составленной коалицией князей во главе с Дмитрием Донским [74, с. 133–134]. Решающее столкновение (Куликовская битва) состоялось 8 сентября 1380 г. в верховьях Дона, на его правом притоке р. Непрядва (близ современного села Монастырчино Кимовского района на юге Тульской области). Скоротечное сражение закончилось полным разгромом Мамаю, ни Ягайло, ни Олег Рязанский, его союзники, на поле битвы так и не появились; лишь небольшая часть татарского войска вместе с беклярибеком спаслась бегством [74, с. 135–136; 125, с. 170–171].

В 1380 г. важные события произошли и в Сарая: недолго правивший там Арабшах (Арап-шах, Арапша) уступил трон Золотой Орды пришедшему с востока Токтамышу (потомку Тука-Тимура, тринадцатого сына Джучи [72, с. 60–61], поддерживаемому многие годы мугущественным среднеазиатским правителем бывшего улуса Джагатаем эмиром Тимуром) [74, с. 139–142].

Восточные хронисты вообще не упоминают о Куликовской битве, все события бурного 1380 г. излагают весьма сжато и конспективно, по Ибн Халдуну: «Токтамыш же отправился дальше и, завладев уделом Урусхана, <...> отправился в Сарай. Тут находились правители Урусхана, но он отнял его у них; он возвратил себе те владения, которые у него отнял Мамай. Он завоевал удел Хаджи-Черкеса в Астрахани, отобрал все, что было в руках узурпаторов, изгладил следы их и выступил в Крым, против Мамаю, который бежал перед ним. Долго не получалось сведений о нем (Мамае), а потом подтвердилось известие о гибели его. И соединилась власть над Сараем и его уделами в руках Токтамыша...» [6, с. 391].

В русском летописании достаточно подробно освещены события осени 1380 (6888) г., когда Мамай, вернувшийся в степи у низовий Днепра после поражения в Куликовской битве, был разгромлен «на Калках» Токтамышем. Сообщения об этой, еще одной битве, приуроченной к Калке (Калкам) и состоявшейся почти через 150 лет после первого столкновения с монголами, имеются в Новгородской IV [148, с. 82–83], Троицкой [139, с. 420–421], Устюжских [149, с. 36, 77] летописях, в Софийском временнике [46, с. 367], летописи по Воскресенскому списку [142, с. 41], летописи Авраамки [150, с. 118–119] и Пискаревском летописце [151, с. 128].

Поскольку речь идет о Калках и событиях, возможно, связанных с Северным Приазовьем, остановимся на этом подробнее. Вот типичное изложение событий, взятое из Пискаревского летописца: «Тогда же Мамай не во мнозе убежа и прибежа в землю свою в мале дружине, <...> и со-

бра остаточную свою силу, еще восхоте итьти изгоном на Русь. И сице ему умыслившю, и се приде к нему весть, что идет на него неки[й] царь с востока, именем Тактамыш, из Синие орды. Мамай же, иже на ны рать уготова, и с тою ратью готовою поиде противу его, и сретошася на Калках, и бысть им бой, и царь Тактамыш победи Мамаю и прогна его» [151, с. 128]. Многие эмиры Мамаю и часть его войска перешли на сторону Токтамыша, победителю досталась «казна», орда-базар (кочевая ставка) Мамаю и его «царицы».

Какую полезную информацию по месту расположения «Калок» можно извлечь из этих упоминаний? Токтамыш двинулся к месту битвы с востока, из низовьев Волги, завоевав перед этим Сарай и улус Хаджи-Черкеса (Хаджитархан, т.е. Астрахань) летом 1380 г. [74, с. 142]. Мамай вышел ему навстречу из Кучугурского городища в 30 километрах южнее современного Запорожья [21, с. 156], поэтому встретиться и сразиться они могли, скорее всего, в низовьях Дона или Северном Приазовье. В большинстве исторических работ именно на Северное Приазовье указывают, как на место этой битвы Мамаю с Токтамышем [21, с. 156; 41, с. 167; 130, с. 322]. Однако в известной работе М.Г. Сафаргалиева [74, с. 143] встреча Мамаю с Токтамышем перенесена более чем на 300 километров к северу, в бассейн Ворсклы, на ее левый приток Коломак (Колмак). В обоснование этой точки зрения (изложенной В.Г. Ляскоронским еще в 1907 г. [152, с. 7–11]) М.Г. Сафаргалиев приводит два аргумента. Во-первых, в бассейне Ворсклы встречаются, по его мнению, названия, связанные с Мамаем: Мамай-Сурка и Мамаево урочище, во-вторых, Мамай хотел встретить противника у литовской границы, рассчитывая на помощь своего союзника Ягайлы, почему и двинулся из низовьев Днепра на север, к Ворскле. М.В. Ельников, прекрасно знакомый с топонимикой Запорожья, с недоумением отвергает первый аргумент [21, с. 156], справедливо отмечая, что Мамай-Сурка и Мамаево урочище находятся на нижнем Днепре, а никак не в Полтавской области. Второй аргумент также не выглядит очень убедительным: если Мамай хотел встретить Токтамыша поближе к литовской границе, то для этого не надо было далеко уходить на север, литовский рубеж был у него буквально «под боком»: граница Великого Княжества Литовского с Ордой севернее порогов проходила в конце XIV века прямо по Днепру [111, с. 65].

И последнее об аргументах М.Г. Сафаргалиева. Изложив все свои доводы в пользу версии о Ворскле, как месте битвы, где потерпел поражение Мамай, он уже в следующем предложении пишет [74, с. 143], опровергая сам себя: «Разбитый у днепровских порогов, Мамай бежал в Крым». Где — Ворскла на Полтавщине, и где — Днепровские пороги?!

Остается резюмировать, что столкновение Мамаю с Токтамышем «на Калках» в 1380 г. состоялось, скорее всего, именно в Северном Приазовье. Весомых аргументов против этого утверждения в настоящее время не видно.

К сожалению, краткость и стереотипный характер летописных сообщений не позволяют более точно локализовать место столкновения «на Калках».

По сообщениям русских летописей [46, с. 367; 151, с. 128], Мамай был убит в конце 1380 г. в Каффе, где он пытался с горсткой оставшихся верными ему эмиров и «со множеством золота и серебра» укрыться от преследования Токтамыша после событий «на Калках». В некоторых современных работах [153, с. 189–192; 154, с. 30] излагаются другие версии смерти Мамаю: 1) пленение его на «Калках» и последующее убийство по приказу Токтамыша; 2) убийство Мамаю сторонником Токтамыша Урик Тимуром при переправе через р. Конка (Йылкы-су) (якобы, после примирения Мамаю с Токтамышем, когда последний гостил в ставке «бега» Мамаю у впадения Конки в Днепр, в области Великого Луга). Первая версия основывается на сообщении среднеазиатского хрониста XVI в. Утемиш-Хаджи [155, с. 118], вторая — на труде «Основа летописей» крымского историка середины XVIII в. Абдулгаффара Кырыми [156, с. 65–66].

Таким образом, Токтамыш практически восстановил Золотую Орду и принялся наводить в ней порядок, возобновляя вассальные зависимости и наказывая непокорных. В 1382 г. состоялся его поход на «русский улус», Нижегородское и Рязанское княжества вновь вернулись «под руку» Орды. Лишившаяся союзников Москва была захвачена после короткой осады 26 августа 1382 г., Дмитрий Донской вынужден был оступить в Кострому, войска Токтамыша захватили также Серпухов, Переяславль и Коломну. Возобновлена была уплата «ордынского выхода», старший сын московского князя Василий Дмитриевич был отправлен в Орду в качестве заложника. Впрочем, Дмитрий Иванович сохранил за собой московский «великняжеский стол», а после его смерти (в 1389 г.) новым московским великим князем, по воле Токтамыша, стал Василий Дмитриевич, получивший в 1392 г. и ярлык на Нижегородское княжество, чего потомки Калиты добивались многие годы [125, с. 197].

Уже в 1384 г. началась полоса войн Токтамыша с его бывшим покровителем Тимуром (Тимур-Аксаком, Тамерланом), правившим в Самарканде в области Мавераннахр (бывшем улусе Джагатаю в Средней Азии). Одним из подстрекателей этих конфликтов в Средней Азии, Иране и Азербайджане называли эмира Идигу (Едигея русских летописей), входившего в ближний круг Токтамыша, а затем бежавшего к Тимуром [74, с. 145, 148, 150–151]. Несмотря на некоторые первоначальные успехи Токтамыша, уже к 1389 г. стало ясно, что он проигрывает.

В феврале 1391 г. начался первый поход Тимуром против Золотой Орды, кульминацией которого стала битва 18 июня того же года на р. Кундурче (левом притоке Волги, впадающем в нее севернее Самарской излучины), полностью проигранная Токтамышем [111, с. 220]. Захваченная Тимуром

добыча была огромной, но велики были и его потери. «Железный хромец» (Тимур-Аксак) не пошел далее на беззащитные города Золотой Орды, а стал приводить в порядок свое войско и вернулся в Самарканд [72, с. 171–172]. Этот поход Тимуром не нанес большого ущерба экономике, торговле Орды и ее городам (война шла в пустых степях за Волгой), даже военный потенциал Орды в результате поражения не был существенно ослаблен.

Токтамышу нужен был реванш, в 1394 г. посланное им войско вторглось через Железные ворота (у Дербента) в Ширван (на севере современного Азербайджана). Тимур вытеснил золотоордынские силы за Дербент, а весной 1395 г. двинулся в новый поход на Золотую Орду. Масштабное и ожесточенное сражение состоялось 15 апреля 1395 г. на Тереке (у впадения в него р. Сунжа [157, с. 54–55]), победа досталась Тимуром ценой огромного напряжения всех его сил. Остатки войск Токтамыша отступили на север; преследуя их Тимур прошел место переволоки между Волгой и Доном, а севернее он взял и разгромил золотоордынский город Укек (остатки городища на окраине Саратова). Следом такая же судьба постигла г. Мохши (у современного с. Наровчат в Пензенской области). Отсюда Тимур направился на юго-запад к Днепру, уничтожил золотоордынские города в его низовьях на Левобережье [111, с. 106, 107, 221]. Тогда, скорее всего, и были разгромлены золотоордынские города на Днепре и Конке; от них остались: Кучугурское городище (по М.Е. Ельникову — г. Орду), городища Мамай-Сурка и Белозерское [154, с. 30–31], а также городище Конские Воды (поселение Мечеть-Могила) у впадения в Конку р. Жеребец, ее правого притока [158, с. 19–23].

Из причерноморских степей Тимур прошел до Ельца на юге Рязанского княжества, взял его и сжег; затем повернул к г. Бельджамену (на правом берегу Волги у современного пос. Дубовка Волгоградской области). Пройдя вниз по Дону, разорил Азак (Тану) и вернулся на зимовку в степи Северного Кавказа. Зимой 1395/1396 гг. Тимур выступил к городам Хаджитархан (Астрахань) и Сарай ал-Джедид, они были взяты, разграблены и сожжены. Весной 1396 г. войско Тимуром через Дербент отошло в Азербайджан [111, с. 109, 222].

Город Маджар (остатки городища на берегу р. Кума у г. Прикумска Ставропольского края) был разгромлен, скорее всего, зимой 1395/1396 гг. во время похода сына Тимуром мирзы Мираншаха на черкесов, хотя подробно описавшие поход персидские авторы (Низам-ад-дин Шами, Шереф-ад-дин Йезди) и не упоминают прямо названия этого города [72, с. 122, 180; 111, с. 122].

Второй поход «железного хромца» против Золотой Орды завершился. На сей раз Тимур нанес Орде невосполнимый ущерб: были разорены города и селения, уничтожены основы оседлой жизни. Часть населения угнали в рабство или переместили за Волгу и в Среднюю Азию, рухнули торговые связи,

были разграблены сокровища, накопленные в ордынских центрах почти за полтора столетия. Чтобы восстановить все это требовались огромные людские и материальные ресурсы, политическая воля и сильная единая власть, но ничего этого в Золотой Орде тогда уже не было. Печальными следствиями похода Тимура 1395–1396 гг. стали голод, эпидемия и эпизоотия (мор скота) в степях Причерноморья и Северного Кавказа [72, с. 182; 159, с. 162].

Тимур посадил в 1395 г. на трон Золотой Орды в Сарае своего ставленника Куюрчак-оглана (сына Урус-хана), а бывшие эмиры Токтамышша, бежавшие с поля битвы на Тереке, провозгласили в Крыму ордынским ханом Таш-Тимура (потомка сына Джучи Тука-Тимура) [74, с. 166–167]. Независимые правители не замедлили появиться и других местах: Едигей — за Яком (р. Урал), Кутлуг-Тимур — в низовьях Волги в Хаджитархане (Астрахани). Вскоре власть над Крымским улусом вернул Токтамыш с помощью крымской знати, щедро наделенной им тарханами и ярлыками, но его вытеснили из Крыма объединившиеся Кутлуг-Тимур и Едигей. Токтамыш был вынужден в 1397 г. бежать к Витовту, по Второй Софийской летописи: «...а Тахтамыш сослался с Витовтом, прибежа в Киев со двумя сыны и царицами» [160, с. 130]. Прибывшие с ним татары были поселены у Канева и Черкас, а сам Токтамыш получил «в держание» г. Лиду со всеми городскими доходами [74, с. 178].

В 1398 г. состоялись переговоры Токтамышша с Витовтом, результатом стал какой-то документ (договорная грамота или ярлык), содержание которого не раз излагалось в русских летописях [161, с. 225–227]. По Никоновской летописи в 1399 г. Кутлуг-Тимур направил посольство к Витовту с требованием выдачи Токтамышша и получил отказ. Война стала неизбежной, и, выступая на нее, Витовт так изложил свои далекоидущие планы: «...поидем пленити землю Татарскую, победим царя Темир-Кутлуя, возьмем царство его и разделим богатство и имение его, и посадим во Орде на царстве его царя Тахтамышша, и на Кафе, и на Азове, и на Крыму, и на Азтархани, и на Заяицкой Орде, и на Казани; и то будет все наше и царь наш, а мы не точию Литовскую землею и Полскою владети имамы, и Северою, и великим Новымгородом, и Псковом, и Немцы, но и всеми великими княжениями Русскими, со всех великих князей Русских учнем дани и оброки имати, а они нам покорятся и служат, и волю нашу творят, якоже мы хотим и повелеваем им» [159, с. 172].

Этим планам не суждено было сбыться: в середине августа 1399 г. Витовт и Токтамыш потерпели сокрушительное поражение в битве на Ворскле (где-то в ее верхнем течении [112, с. 256]) от Тимур-Кутлуга и подоспевшего к месту сражения Едигея. В летописи упоминается использование в сражении огнестрельного оружия. Виновником поражения называют Токтамышша, перечислены погибшие представители русско-литовской знати. Преследуя отступающего Витовта, Тимур-Кутлуг дошел до Киева, взял

с города «откуп» в 3000 руб., а округу его разорил, пострадали и другие места на юге ВКЛ [74, с. 179–180; 159, с. 173–174; 161, с. 230–231]. Поражение ослабило Витовта, продвижение Литвы на юго-восток остановилось. Токтамыш бежал из Литвы, как-то пробрался в Сибирь, где основал новый удел (Тюменский юрт, ставший позднее основой Сибирского ханства) и был убит близ современной Тюмени в 1406 г. [74, с. 182]. Гибель Токтамышша стала следствием его постоянных войн в Южной Сибири с Едигеем, который еще в начале 90-х гг. XIV в. создал за р. Урал свое собственное владение — Мангытский юрт, позднее получивший название Ногайской Орды.

Тимур-Кутлуг умер в 1399 г., новым ханом при Едигее стал Шадибек [74, с. 180], в 1407 г. замененный Пулад-беком. В конце 1408 г. беклярибек Едигей предпринял поход на Русь, взял Коломну, Переяславль, Нижний Новгород, Дмитров и осадил Москву. Великий князь Василий Дмитриевич (Василий I) отступил в Кострому, а Едигею вскоре пришлось снять осаду Москвы (ограничившись «откупом» в 3000 руб.), так как оставленный без защиты Сарай был захвачен сыном Токтамышша Керим-Берды, а Пулад свергнут. Едигей быстро исправил ситуацию, но после этих событий беклярибеком стал его брат Иса [125, с. 222–223].

Последнее десятилетие жизни Едигея прошло в ожесточенной борьбе с потомками Токтамышша, Едигей был убит в 822 г. хиджры (1419/1420 гг.), но потомки его правили Ногайской Ордой и ее остатками вплоть до XVIII в. [125, с. 224–226].

В первой половине XV в. распад западного крыла Орды продолжился, причинами были как ожесточенная борьба в ней за власть «всех против всех», так и заинтересованность внешних политических игроков (Русь, ВКЛ, Польша), готовых поддерживать в своих интересах одни улусы, орды и юрты против других, не допуская лишь их консолидации.

В начале 20-х гг. XV в. в западной части бывших золотоордынских земель утвердился хан Улуг-Мухаммед, родственник Токтамышша, поддерживаемый Витовтом. Судя по чеканке монет, Улуг-Мухаммед утвердился сначала в Крыму, а затем распространил свою власть на Астрахань и Булгар [74, с. 196–197, 199–200]. По сообщению египетского хрониста ал-Айни в 1426–1427 гг. Крымом, прилегающими территориями и Астраханью на короткое время завладел Девлет-Берды (сын Таш-Тимура и брат Гияс-ад-Дина), но уже в 1428 г. все эти владения вернулись под власть Улуг-Мухаммеда [6, с. 533–534].

В 1428–1429 гг. к бесконечным войнам и борьбе за власть в западных областях Орды, по свидетельству ал-Макризи, прибавились сильная засуха и эпидемия чумы [6, с. 442]. Все эти бедствия способствовали уходу татар на земли Московского государства и в Литву, где к концу правления Витовта (1430 г.) осело уже 40 тыс. татарских воинов, а с учетом членов их семей число переселившихся в ВКЛ татар явно превысило 100 тыс. чел.

[74, с. 234–235]. После смерти Витовта (октябрь 1430 г.) Улуг-Мухаммед вмешался в разгоревшуюся в ВКЛ междоусобицу, состоялся поход татар на Литву (1431 г.), что окончательно испортило отношения с его давними литовскими союзниками.

В начале 1430-х гг. в западные области Золотой Орды пришел с востока Кичи-Мухаммед, потомок Тимур-Кутлуга, и утвердился в Астрахани и в степях Северного Кавказа, в связи с этим положение Улуг-Мухаммеда очень усложнилось. Следующие годы шла борьба этих двух Мухаммедов: Улуг (большого) и Кичи (маленького) [74, с. 237].

Не позднее 1433 г. в Крыму появился литовский ставленник Хаджи-Гирей, сын Гияс-ад-Дина, потомка Таш-Тимура. Хаджи-Гирей родился в Литве, куда бежал его отец после неудачной борьбы за власть. Это первое пребывание Хаджи-Гирея в Крыму оказалось недолгим: вскоре (в 1434 г.) он вынужден был бежать назад в Литву, уступив Крымский юрт Сеид-Ахмеду [74, с. 240–241].

Свидетелем противостояния Улуг-Мухаммеда с Кичи-Мухаммедом стал венецианский купец Иосафат Барбаро, живший в Тане (Азак, Азов) с 1436 по 1452 г. Он не только наблюдал в 1437 г. движение орды Кичи-Мухаммеда мимо Таны, но и встретился с самим Кичи-Мухаммедом и его военачальником Наурузом (сыном Едигея): «Случилось, что именно я должен был отправиться с подарками; мы повезли ему хлеб, медовое вино, бузу — иначе пиво — и другие вещи, числом до девяти. Войдя в мечеть, мы застали царевича возлежащим на ковре и опирающимся на военачальника Науруза. Царевичу было года двадцать два, а Наурузу — лет двадцать пять». Любопытно, что И. Барбаро называл Улуг-Мухаммеда «императором», а Кичи-Мухаммеда — только «царевичем из рода татарских императоров». Незадолго до этого Науруз с частью орды ушел от Улуг-Мухаммеда, которому служил в качестве военачальника (беклярибека?), и присоединился к «царевичу» в том же качестве [162, с. 140–143].

Дела «императора» Улуг-Мухаммеда, растерявшего улус и союзников, пошли совсем плохо, он ушел на север к русским границам и захватил в 1438 г. г. Белев. Улуг-Мухаммед пытался вести переговоры с московским великим князем, но был выбит из города. Конечным итогом «сидения» Улуг-Мухаммеда близ русских границ стал захват им Казани и основание там Казанского ханства (около 1440 г.) [74, с. 244–245, 255].

Приблизительно с этого времени оставшиеся владения Кичи-Мухаммеда стали называть в источниках Большой Ордой. Юрт Большой Орды включал к тому времени степи от Северного Кавказа и Астрахани до русских границ в верхнем течении Дона. На западе он простирался до Днепра (за Днепром уже кочевали татары Сеид-Ахмеда), на востоке — до Волги. До 1443 г. Кичи-Мухаммед вытеснил из Крыма Сеид-Ахмеда, но часть местной

татарской аристократии образовала оппозицию Кичи-Мухаммеду и обратилась в Литву с просьбой снова «отпустить в Крым» Хаджи-Гирея, обещая ему престол «на царстве Перекопском» (в самостоятельном Крымском ханстве). Таким образом, при своем «втором пришествии» Хаджи-Гирей стал с помощью Литвы крымским ханом в 1443 г. и поддерживал добрые отношения с ВКЛ. В 1452 г. он разгромил орду Сеид-Ахмеда, кочевавшую у южных границ ВКЛ (западнее Днепра) и доставлявшую немало хлопот своими набегами на Подолию. Тогда Сеид-Ахмеду удалось спастись, но через несколько лет он вынужден был с ближайшими родственниками и немногими соратниками бежать в Литву, где его пленили и держали затем в заключении в замке Ковно [74, с. 258–259, 261–262].

В степях западной части Золотой Орды остались к тому времени два ее осколка: Крымское ханство и Большая Орда, враждующих между собой и соперничающих из-за остатков ее территориального наследия и былого авторитета.

В 1459 г. умер Кичи-Мухаммед, и началась борьба за власть в Большой Орде между его старшим сыном Махмудом и младшим сыном Ахматом (Ахмедом). В конечном итоге ханом Большой Орды стал Ахмат, Махмуд ушел в Астрахань и образовал там самостоятельное Астраханское ханство в 1466 г. С тех пор правителей этого ханства именовали «Махмудовыми детьми» [74, с. 263–266]. О сыне Махмуда астраханском «царевиче» Касиме упоминал русский купец из Твери Афанасий Никитин, посетивший в 1466 г. Астрахань на своем пути в Персию и Индию [163, с. 11–12, 34]. Посол Венеции Амброджо Контарини, побывавший в Астрахани в 1476 г. при возвращении из Персии через Русь, застал Касима уже полновластным ханом, причем он воевал в это время со своим дядей Ахматом, правителем Большой Орды [162, с. 220–221].

Не прекращалось в эти годы и противостояние между Крымским ханством и Большой Ордой, один из таких эпизодов попал в русское летописание под 1465 г. [164, с. 116–117; 165, с. 186]. «Царь» Махмуд (видимо, еще до его ухода в Астрахань) готовился к походу на Русь и находился с Большой Ордой на Дону, но на него напал и разбил его «царь» Хаджи-Гирей.

Ахмат во главе Большой Орды также вел достаточно воинственную политику в отношении Московского государства, к чему его подталкивал великий князь литовский и польский король Казимир IV. В 1472 г. нападение Ахмата на Алексин (на правом берегу Оки) в конечном итоге оказалось неудачным: город они сожгли, но были остановлены на Оке и отступили. Правивший тогда в Москве великий князь Иван III начал дипломатические контакты с крымским ханом Менгли-Гиреем I (сыном Хаджи-Гирея, умершего в 1466 г.) с целью заключения союза против общего врага — Большой Орды [84, с. 73–78].

После турецкого завоевания Менгли-Гирей в 1476 г. лишился власти в Крыму и был вывезен османами в Турцию, где и находился до 1478 г. В эти годы власть в Крыму оказалась в руках его брата Нур-Девлета, а затем — Джанибека, как-то связанного с Большой Ордой (сын Ахмата?) [166, с. 376–377]. В Воскресенской летописи под 1476 г. есть даже известие о победе Ахмата над Крымским ханством: «Того же лета посла царь Ахмат ордынский сына своего с татары, и взя Крым и всю Азигирееву орду, а сына Азигиреева съгна, его же турки посадиша» [142, с. 183]. В начале 1479 г. Менгли-Гирей при османском содействии возвращает себе власть над Крымом [166, с. 377] и заключает с Иваном III союз против Ахмата и польского короля Казимира IV [84, с. 77–78].

Поход Ахмата на Русь состоялся осенью 1480 г. и завершился «стоянием на Угре» (левый приток Оки) западнее современного г. Калуга. Простояв более месяца на берегу Угры, татары так и не переправились через нее. Не пришла и обещанная «подмога» от Казимира IV. Руки короля в то время были, в какой-то мере, связаны набегом татар на Подолию, который организовал Менгли-Гирей. В ноябре, после замерзания реки, Ахмат вынужден был уйти, его войско не готово было к зимней войне [84, с. 103–107, 111–113]. После его возвращения «в орду» зимой 1481 г., когда войско было распущено по улусам и Ахмат остался «с малыми людьми», на него напал «царь Ивак (Ибак?) нагайский и Орду взя; а самого безбожного царя Ахмата убил шурин его нагайский мурза Ямгурчей» [164, с. 203].

Уйти невредимым от сибирско-ногайского набега в январе 1481 г. удалось лишь беклярибеку Ахмата Тимуру, который, взяв с собой детей Ахмата, ушел в Крым к Менгли-Гирею и был принят им весьма благосклонно. Татары Большой Орды кочевали несколько лет без хана по степям Левобережья Днепра (по Самаре, Орели), но были «голодны и худы сии люди» (1482 г.) [8, с. 309].

Последнее 20-летие существования Большой Орды (1482–1502 гг.) — это время ее упадка, период соперничества и одновременных правлений в ней «детей Ахматовых»: Шейх-Ахмеда, Муртазы, Саид-Махмуда. Своим чередом шли и ее постоянные конфликты с Крымским ханством и Москвой, лишь с польско-литовскими правителями (Казимиром IV, Александром Ягеллоном) поддерживались более или менее дружеские отношения.

Москва и Крым внимательно следили в эти годы за Большой Ордой. Их дипломатическая переписка позволяет очертить территорию кочевания орды Шейх-Ахмеда и основные события ее тогдашней истории. Большая Орда кочевала в степях Северного Кавказа (под «черкасами», «на Пятигорье») в 1492, 1494, 1500 гг. [167, с. 149, 167, 211–212, 255, 332–333]. Отмечено кочевание орды Шейх-Ахмеда по Дону и Донцу, Осколу в 1486, 1492, 1501 гг. [167, с. 52–53, 140, 356–358, 366–368]. Довольно часто Большая Орда

кочевала по левым притокам Днепра: в 1486 г. — по Коломаку и Мерле, в 1491 г. — по Самаре и Овечьей Воде (Волчьей), в 1502 г. — по Орели, Самаре и Суле [167, с. 52–53, 110, 113, 416–418]. Орда Шейх-Ахмеда занималась примитивным земледелием («пашню пахала») на Северном Кавказе («на Куме») в 1492 г., но позднее это стало невозможным из-за столкновений с горскими народами. У Большой Орды остался один район земледелия на Левобережье Днепра по рекам Орели, Самаре и Волчьей (1491, 1502 гг.) [167, с. 113, 417–420]. Орда Шейх-Ахмеда была окружена врагами: ногайцами — с востока, «черкасами» — на Северном Кавказе, Крымским ханством — на юге, а западнее был Днепр. Шейх-Ахмед в 1500–1501 гг. обращался к турецкому наместнику в Каффе, а затем и к султану Баязету с просьбой разрешить кочевание по Днепру или западнее его, в степях под Аккерманом (Белгородом), но получил отказ [167, с. 321–322, 354]. Голод и исход подданных Большой Орды в Крым, Литву и Астрахань были частым явлением, Шейх-Ахмед терял контроль над своим улусом, люди уходили «куда глаза глядят» [167, с. 105, 167, 255, 263, 277–278, 417–420].

Финал наступил летом 1502 г.: где-то на р. Сула Менгли-Гирей разгромил Большую Орду, захватил ее орда-базар (кочевую ставку) и казну. По мнению О. Гайворонского, произошло это 15 июня у впадения Сулы в Днепр, где Шейх-Ахмед строил какое-то укрепление. Большая часть улуса Шейх-Ахмеда ушла к крымцам, а сам он бежал с родственниками и немногими верными «биями» [167, с. 417–420; 168, с. 78–79]. Осенью 1502 г. Шейх-Ахмед обещал Ивану III разорвать свои отношения с Литвой при условии, что Москва отвоюет Астрахань и передаст ему, но получил отказ. Вместо этого великий князь предложил ему переселиться на Русь и служить ей [8, с. 324; 167, с. 435]. До осени 1503 г. Шейх-Ахмед кочевал с ногаями, а затем пришел к Киеву и направился оттуда в Аккерман, чтобы перейти на территорию Османской империи. Красноречив ответ султана Баязета, переданный Шейх-Ахмеду через пашу: «...коим путем к нам есте пришли, тем путем и назад пойдите, вас мы не знаем, нам друг и брат Менгли-Гирей царь» [167, с. 478–479, 509–510, 516]. Все эти метания последнего правителя Большой Орды завершились в Литве, в замке Вильно: «Шиг-Ахмет сидит поиман в Вильне, в Вышнем городе, а братья его разосланы по иным городам...» (август 1504 г.) [167, с. 522]. Лишь в 1527 г. король Сигизмунд отпустил Шейх-Ахмеда к ногаям на Волгу, где хан вскоре и умер [8, с. 327–328].

Так закончилась история Большой Орды. Менгли-Гирей перевел часть ее улуса на кочевание южнее их обычных маршрутов между Днепром и Доном, т.е. в Северное Приазовье и к устью Днепра. Эти территории оставались в полной власти Крымского ханства почти 200 лет, вплоть до Азовских походов Петра I и русско-турецкой войны 1735–1739 гг.

4. Зарождение казачества

Продолжавшийся полтора века распад Золотой Орды и крах Большой Орды привели к тому, что заметная часть их населения оказалась вне жесткого государственного и вассального контроля. Люди просто «выпали» из существовавшей «десятичной» системы в налогообложении и войске, вынуждено или добровольно порвали свои родовые связи, покинули традиционные места кочевания. Так появились татарские казаки — беглецы и изгои, наемники и разбойники, «вольные люди», готовые служить за плату любой стороне.

Самые ранние упоминания о татарских казаках относятся к XIV в. В известном словаре «*Codex Cumanicus*» встречается термин «*cosac*» (в значении «страж») (1303 г.) [169, с. 118]. В записи 1308 г. на странице греческого Синаксария (богослужбной книги) из Сугдеи (Судака) упомянуты «*καζάκων*», некая ватага праздных бродяг и разбойников, живущих вне городской общины [12, с. 613]. В написанной по-арабски кипчакской рукописи из Египта «Сборник толкований тюркских, персидских, монгольских и фарси» (1343 г.) есть термин *qāzāq* (казак), означающий одиночку, бобыля, человека, лишённого чего-либо и никому не подчиненного, ни от кого не зависящего, вольного [170, с. 34–35]. В Уставе г. Каффа, принятом в Генуе 1449 г., подробно регламентировано распределение добычи, если она будет захвачена «казаками или оргузиями, или каффскими людьми» на суше. Здесь казаки и оргузии — наемная стража [85, с. 16–17]. Знаком с татарским казачеством был и польский хронист Ян Длугош (1415–1480), так описавший набег татар на Волынь в 1469 г.: «...множество татар, собранных из беглецов, грабителей и изгоев, которых они на своем языке называют казаками...» [8, с. 260]. Матвей Меховский (1457–1523) также считал сам термин «казак» татарским, означающим «бродягу пешего или конного», живущего добычей и никому неподчиненного [100, с. 72].

Во второй половине XV — начале XVI вв. татарское казачество стало достаточно массовым явлением, татары-казаки служили всем сторонам в тогдашних конфликтах. Летом 1492 г. «татарове, казаки ордынские» (Большой Орды) ватагой в 220 человек совершили набег на окрестности Алексина [142, с. 224–225]. В сентябре 1499 г. «татарове, ордынские казаки и азовские» напали на села под Козельском [164, с. 250]. В дипломатической переписке того времени [167, с. 105, 175, 209, 321–322, 478–479] упоминаются казаки азовские, казанские, мещерские, казаки Менгли-Гирея, заволжские казаки (Большой Орды). Зимой 1492/1493 гг. на службе у московского посла в Крыму состояли казаки с характерными именами: Кадыш, Афыз, Ахметек [167, с. 169]. Все пользовались услугами татарского казачества, но всех раздражала его независимость и своеволие. Весной 1503 г. турецкий

султан требует от Менгли-Гирея и азовского паши «привести в чувство» азовских казаков: «...казаков всех лихих переимати, да иных, государь, велел лихих казнити, а иных — в тюрьму пометати...» [167, с. 471].

Как татарские казаки поступали «кошами» на русскую службу также сообщает дипломатическая переписка Москвы с Крымом. В 1518 г. белгородские (из-под Аккермана) и азовские казаки через крымского бека Аппака обратились к великому князю Василию III с просьбой разрешить им «со своими женами, прикочевав, жити у Путивля и слугами быти, а твоего бы им недруга короля воевати». Вскоре согласие поселить татар у Путивля было получено, и бек Аппак объявил мирзе азовских казаков Меретеку, что великий князь им «дал место, где зимовати, и где летовати» у Путивля [171, с. 613, 618]. Очевидно, что этот кош азовских казаков вел тогда обычный кочевой образ жизни, но всегда готов был зарабатывать и войной («питаться казачьим хлебом»). История азовских казаков-татар в более поздний период подробно рассмотрена в статье И.А. Мустакимова [172].

Татарские казаки служили в Казанском ханстве [173], много их было в Литве и Польше [174]. Очень вероятно, что упомянутые А. Гваньини казаки, оказавшие в 1489 г. помощь в качестве проводников королевичу Яну Ольбрихту в его походе на восток Подолья [51, с. 347], были казаками татарскими.

Понятно, что по условиям своего возникновения и существования татарское казачество не могло быть этнически однородным. В его рядах с самого начала были небольшие «вкрапления» славян, черкесов, волохов и других этнических групп. Впоследствии, в XVI в., в низовьях Днепра и Дона стали мигрировать, в основном, выходцы из славянских стран. Поселяясь вместе с татарскими старожилами, они образовали общеизвестные объединения вольного казачества — будущие «войска» на Дону и на Запорожье. К концу XVI в., когда казачество в основной массе обрело славянский облик и христианскую веру, отпечаток той «татарской матрицы», на которой оно выросло, все еще был хорошо заметен. Вот что писал об этом более века назад А.В. Стороженко: «Христиане, конечно, преобладали в казацких рядах, но и татар там было не мало, а татарские нравы и обычаи оказывали на казацкие скопища такое влияние, что иногда казалось, будто все казаки — «татарской» веры» [85, с. 118]. Красноречивым проявлением «татарщины» в глазах Варшавы стало поведение на конвокационном (избирательном) сейме 1587 г. представителя запорожского казачества Яна Орышовского. Орышовский, одетый «по-гречески», во время чтения сейму его челобитной «посреди панов уселся прямо на землю «по-турецки», поджавши ноги» [85, с. 259]. Татарские корни имеют многие термины, связанные с казачеством (атаман, кош, есаул, бунчук и т.д.), многие детали одежды казаков и особенности их быта.

Более 70 лет назад в известной книге «Золотая Орда и ее падение» (1950) авторы высказали чисто умозрительное предположение, что «прототипом позднейшего казачества» являлись бродники [130, с. 203]. Бродники — славянское или смешанное оседлое население Половецкого поля, часть которого была христианами. Вся информация о бродниках крайне скудна, она построена на летописных сообщениях о битве на Калке [14, с. 63] и еще нескольких более ранних упоминаниях в русском летописании. Происхождение казачества от бродников до настоящего времени никак не подтверждается ни письменными источниками, ни археологией. Тем не менее во многих современных работах, посвященных зарождению запорожского и донского казачества, их истоком продолжают называть бродников (см., например, статью И.А. Мельничук [175, с. 18–19]). Хочется напомнить написанные более ста лет назад слова А.В. Стороженко: «Кзаки — не остатки каких-то древнеславянских вольных общин на пограничье русской оседлости...» [85, с. 156].

Позднейшее славянское (и православное по вероисповеданию) казачество выросло путем этнического замещения из казачества татарского, являвшегося естественным продуктом распада Золотой Орды.

5. Генуэзские и венецианские колонии в Северном Причерноморье

Важным связующим звеном между Золотой Ордой, югом Европы и странами Восточного Средиземноморья были генуэзские и венецианские колонии, существовавшие в XIII–XV вв. на золотоордынских территориях в Крыму и в Северном Причерноморье (рис. 13). Задолго до монгольских завоеваний Венецианская и Генуэзская республики вели выгодную морскую торговлю с Византией, Левантом (восточным побережьем Средиземного моря) и Египтом. Через Константинополь, Геную и Венецию шли по морю и суше в Европу восточные товары. Торговля была сказочно прибыльной, а потому сопровождалась острой конкуренцией между генуэзскими, венецианскими и византийскими купцами и мореходами.

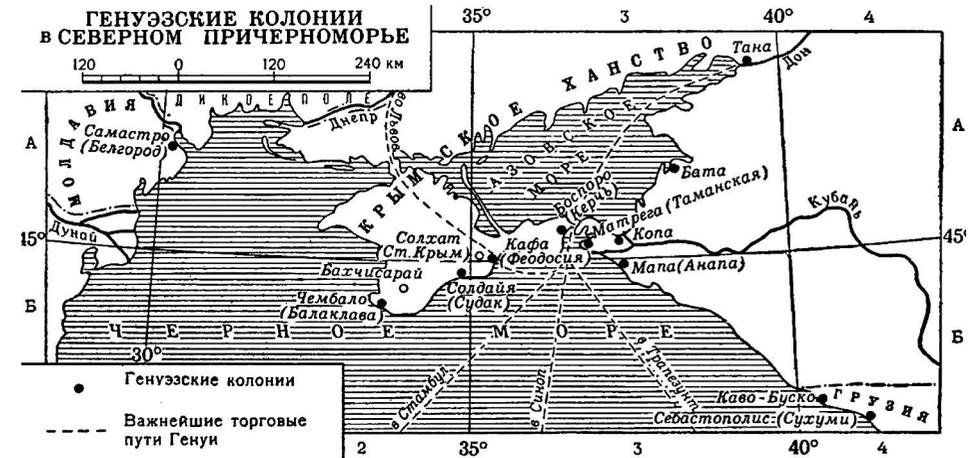

Рис. 13. Генуэзские колонии в Северном Причерноморье [176, с. 214–216]

В результате IV Крестового похода (1202–1204 гг.) вместо вождельных побед над сарацинами крестоносцами был захвачен Константинополь, на месте Византии появилась Латинская империя, чему в немалой степени способствовала Венеция. Она и получила главные «бонусы» в торговле и мореходстве на Черном море, где до этого доминировала Византия. Кроме территориальных приобретений в материковой Греции и на островах, Венеции достались «бесхозные» византийские поселения и порты на Черном море, где она не замедлила основать ряд своих торговых факторий.

В Крыму главным приобретением венецианцев стал Судак, который они называли Солдайей (в русском летописании — Сурож). В первой четверти XIII в. Судак вел торговлю с половцами, кочевавшими в северной

степной части Крыма, и даже находился от них в какой-то зависимости (платил дань) [73, с. 90; 166, с. 282, 292–291]. В конце 1239 г. в Крым пришли монголы [12, с. 597], и его степная часть напрямую вошла в состав Улуса Джучи. Ордынский наместник («синьор Солгата») находился в г. Солхат (Старый Крым), выросшем в середине XIII в. из селения при монгольском яме (станции ямской службы) [177, с. 19]. Зависимыми от татар, но сохранившими определенное самоуправление, остались города южного берега Крыма (Газария) и «замки», в которых жили готы, в горных районах полуострова. Об этом писал Г. Рубрук, прибывший морем из Константинополя в Солдайю в мае 1253 г. и проследовавший далее к Перекопу [73, с. 88–90].

В 1287 г. Солдайей управлял присланный из Венеции консул [114, с. 178], но закрепиться в Крыму венецианцам тогда не удалось: уже в начале XIV в. они были вытеснены из Солдаи своими торговыми конкурентами-генуэзцами [166, с. 359]. Республика Св. Марка, как именовали тогда Венецию, переключила свое внимание на Тану (в устье Танаиса-Дона) и Трапезунд (современный Трабзон на южном побережье Черного моря).

Конец венецианской гегемонии на Черном море наступил еще раньше, в 1261 г., когда была восстановлена Византийская империя. Перед взятием Константинополя император Михаил VIII Палеолог заключил с Генуей Нимфейский договор, рассчитывая на ее военную помощь на море. По этому договору Република Св. Георгия (Генуя) и Пиза получили право беспрепятственного прохода через проливы, возможность основания факторий на византийских территориях (включая и Константинополь) и ряд других привилегий [178, с. 201]. Позднее, стремясь как-то «уравновесить» возросшее влияние генуэзцев и их экспансию в Причерноморье, Михаил VIII в 1265 г. заключил с Венецией новый торговый договор. Запретительные статьи Нимфейского договора в отношении Венеции утратили силу [166, с. 318].

Главным опорным пунктом генуэзской колонизации стала Каффа (современная Феодосия), благодаря большой и удобной бухте и близости Солхата. К 1281 г. в Каффе уже был генуэзский консул, через несколько лет появился и нотариат, регистрировавший торговые сделки. На начальном этапе доля дорогих восточных товаров, поступающих в Каффу, была невелика. С Запада сюда везли сукно и серебро; из Греции, Трапезунда и Синопа — вино, оливковое масло и квасцы; вывозили из Каффы зерно, соль, кожи, осетровую рыбу и икру, рабов [166, с. 317–318].

Золотой век Каффы и расцвет ее торговли были еще впереди, но уже наступили и первые испытания для нее. В 1296 г. венецианский галерный флот захватил и сжег город. Едва генуэзцы успели вернуться в Каффу, как в 1299 г. в Крым пришло большое войско от Ногай, разорившее не только Каффу (за убийство там его внука Актаджи), но и Херсонес. Смута

в Орде, вызванная беклярибеком Ногаем, завершилась в первые годы XIV в. Единство государства было восстановлено, и хан Токта делал многое для оживления торговли, но в 1307 г. генуэзцев постиг новый удар. Токта велел арестовывать генуэзцев во всех своих владениях и отнимать их имущество из-за «высокомерия» выходцев из Генуи (по версии генуэзских источников) [166, с. 319]. По сообщениям Рукн-ад-Дина Бейбарса и ан-Нувейри [6, с. 120, 162], причина гонений на выходцев из Республики Св. Георгия была куда проще и прозаичнее. «Негоцианты» слишком увлеклись таким выгодным делом, как работоторговля: они продавали в рабство татарских детей из Орды в мусульманские страны. Генуэзцам пришлось бежать из Таны и Каффы, последняя даже пережила многомесячную осаду.

После смерти Токты (январь 1313 г.) в начале правления хана Узбека генуэзцы вернулись в Каффу и Тану. В 1316 г. Каффа была отстроена, а в 1318 г. она получила статус города, там было учреждено католическое епископство [166, с. 320]. Правление Узбека называют «золотым веком» Орды: пути через степи стали безопасными, работала система ямов. Все это создало благоприятные условия для торговли с Востоком, поток драгоценных восточных товаров шел морем в Европу через генуэзские колонии, Каффа в эти годы процветала.

Тогда же получил наибольшее развитие и сухопутный торговый маршрут из Таны через степи Приазовья во Львов и далее на запад, с переправой через Днепр ниже порогов и ответвлением на юг к Перекопу в Солхат и Каффу. Западный участок этого маршрута в европейских источниках называли Татарской дорогой («*Via Tatarica*») [179, с. 77].

Весной 1334 г. Каффу посетил арабский путешественник Ибн Баттута [180, с. 125–128]. Он приплыл морем из Синопа в Керчь, а дальше двинулся по суше в Каффу и Солхат. Ибн Баттута называет Каффу большим и красивым городом с прекрасными базарами, впечатлила его и гавань Каффы, «одна из известнейших гаваней мира», в ней стояло тогда «до 200 судов военных и грузовых». Путь от Солхата до Азака (Таны) пролегал через 18 ямских станций, путешественник проехал степи Северного Приазовья на телеге (арбе), но подробного описания пути не оставил. Он описал переправы через два рукава в дельте Дона перед прибытием в Азак. Оттуда через г. Маджар Ибн Баттута прибыл 6 мая 1334 г. в кочевую ставку Узбека в местности Бештау (в 4 днях пути от Маджара, в Пятигорье). Путешественник записал татарское название кочевой ставки — Урду, но при этом подчеркнул, что это — «город, движущийся со своими жителями», кочевье, а не какое-то постоянное поселение или стационарный город [180, с. 128–132].

В последние годы правления Узбека (умер в 1341 г.) община Каффы не только росла и богатела, но и строила крепостные стены и башни, и довольно скоро вся эта фортификация очень пригодилась генуэзцам.

В сентябре 1343 г. в Тане после бытовой ссоры венецианец Андреоло Чиврано убил ордынского подданого Ходжу Омара, в разгоревшийся конфликт оказались вовлечены все бывшие тогда в Тане «латыняне», они были вынуждены бежать на стоявших в гавани судах [181, с. 204]. Последствия этого конфликта (кроме торговых убытков и потери недвижимости) были неисчислимы. Тана была осаждена и захвачена татарами, из нее изгнали всех «латынян», не успевшие бежать были убиты или пленены. Беженцы из Таны укрылись за стенами Каффы, что вызвало ее длительную осаду (1344–1346 гг.) войсками хана Джанибека, а навигация в Тану прервалась на 5 лет. В Византии и Италии ощущалась нехватка хлеба и соленой рыбы, повысились цены на пряности и шелк, подорожали рабы [181, с. 208]. Татарам не удалось тогда взять снабжаемую с моря Каффу, среди осаждавших началась эпидемия чумы. «Черная смерть» из Причерноморья перекинулась в Египет и в Европу.

Конфликт с Золотой Ордой Генуе и Венеции удалось завершить в 1347 г. Затем последовала война между бывшими союзниками (1350–1355 гг.), которая завершилась компромиссом, но Генуя продолжила укреплять свои позиции в регионе [166, с. 323].

«Великая замятня» и ослабление центральной власти в Орде создали некоторые проблемы в торговле, но открывали перед генуэзцами определенные перспективы экспансии. В середине XIV в. они закрепились на западе Крыма в Чембало (Балаклаве) рядом с запустевшим Херсонесом, а в 1357 г. в Чембало началось строительство генуэзской крепости. Длительная борьба генуэзцев за селения (казалии) на южном берегу Крыма (в полосе от современного Фороса до Ялты и Алушты) завершилась в 1387 г. формальным признанием Ордой их полной власти над Солдайей и этими территориями [166, с. 323–324].

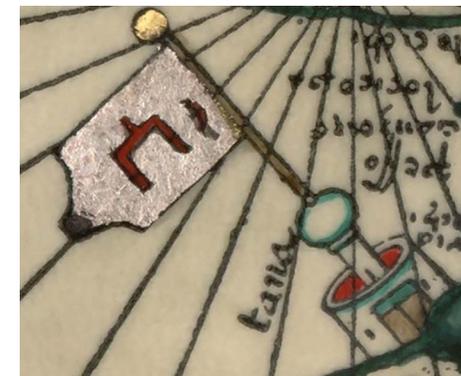
Поход Тимура против Токтамыша 1395–1396 гг. ознаменовался разгромом многих золотоордынских городов (Маджар, Азак, города на левом берегу в низовьях Днепра), но, как показал в своей работе В.Л. Мыц [182, с. 120], Крым и его города миновала тогда горькая «чаша сия».

Следует отметить, что, несмотря на частые конфликты с татарами, генуэзцы в колониях почти до конца XIV в. безусловно признавали своим сюзереном очередного правителя Золотой Орды, во владениях которого находились их колонии. Об этом говорят тамги джучидов, помещаемые на гербы их городов-колоний и вымпелы-обозначения этих городов на картах того времени (см. рис. 14). Условия деятельности колоний (и их существование вообще) в Золотой Орде определялись жалованными грамотами (ярлыками) ее правителей и наместников отдельных территорий. Ярлыки XIV в. дошли до нас лишь в переводах на итальянский язык и латынь, подлинники были написаны уйгурскими буквами на тюркском (половецком) языке. Известны,

по крайней мере, 10 ярлыков венецианцам в Тане, выданные Узбеком (1333), его женой Тайдулой (1358), Джанибеком (1342, 1347), Бердибеком (1358) и наместниками в Солхате (1356, 1358). Сохранились два ярлыка наместников Солхата генуэзской Каффе (1380, 1381) [141, с. 195].

а)

б)

Рис. 14. Тамга джучидов, правителей Золотой Орды:

а) на гербе г. Каффы (XIV в.)

(фото автора, 2014 г., Феодосийский музей древностей);

б) на карте Каталонского атласа (1375 г.) при обозначении г. Тана (Азак, Азов)

В XV в., когда центральная власть в распадавшейся Орде исчезла, генуэзцы уже относились к татарам и их правителям без прежнего «пиетета». Летом 1434 г. генуэзское наемное войско по воле тогдашнего консула Каффы двинулось в поход на Солхат (Крым), но было разгромлено татарской конницей. Тогда Каффа воевала с княжеством Феодоро за Чембало и Каламиту, не очень считаясь с мнением Солхата (правителем Крымского юрта в то время, очень недолго, был Хаджи-Гирей) [166, с. 325–326].

Переломным моментом для причерноморских колоний стал 1453 г., когда султан Мехмед (Мухаммед) II захватил Константинополь, и Османская империя установила контроль над Проливами, критически важными для европейского мореходства в Черном море. С этого времени дела генуэзских колоний в Причерноморье стремительно пошли «под уклон», а Генуя не могла оказать им необходимой помощи.

Каффа и все колонии были за символическую плату переданы в управление генуэзскому банку Св. Георгия (ноябрь 1453 г.), но это мало помогло делу. Летом 1454 г. у Каффы появился турецкий флот под командованием

Темир-Кая, и ее консул вынужден был признать зависимость колонии от татарского хана, ежегодно платить ему дань и выдать заложников. В том году в Причерноморье был неурожай, и колонии ждали голода, осенью в Каффе начались беспорядки. В начале 1455 г. Каффа подписала договор с Мехмедом II и обязалась платить ежегодно дань в 3000 венецианских дукатов, но в финансах колонии в 1455–1456 гг. царил полный беспорядок, в Каффе было отмечено «морское поветрие» [183, с. 111–116, 122, 139–144]. Положение генуэзских колоний в Северном Причерноморье продолжало ухудшаться, в 1470 г. дань Каффы турецкому султану повысилась до 4000 дукатов.

В мае и июне 1474 г. Каффу посетил по пути из Венеции в Персию Амброджо Контарини, венецианский посол к персидскому правителю Узун Хасану. Персия была тогда союзником Венеции в войне с турками, но 10 августа 1473 г. персы потерпели серьезное поражение от Мухаммеда II и вынуждены были уйти из Малой Азии. А. Контарини должен был убедить Узун Хасана возобновить давление на османов с востока. Описание тогдашней Каффы у Контарини получилось весьма поверхностным, он был вынужден скрывать свое присутствие в колонии от генуэзского консула, так как Каффа тогда старалась не раздражать султана и платила ему дань. Год спустя, возвращаясь из своей миссии в Персию, А. Контарини узнал, что Каффа пала и захвачена турками: «Предоставляю другим судить, сколь велик был удар от подобной новости. Мы совершенно не знали, какое принять решение, и пребывали в полной растерянности» [162, с. 93–95, 213–214, 237–238].

Развязка наступила летом 1475 г. 31 мая огромный турецкий флот под командованием визиря Гедика Ахмед-паши пришел в Каффу и высадил десант, начались осада и обстрел города. Каффа пала уже 6 июня, очень способствовали этому беспорядки в крепости: армяне и греки требовали сдачи города. Многие европейцы были казнены турками прямо в городе, других продали в рабство. Ограблено было купечество, последний консул Каффы стал рабом на галерах; массарий, передавший ключи от города туркам, был повешен за ребро в Стамбуле. Уцелевшие жители Каффы стали подданными султана. Следом войско и флот Гедика Ахмед-паши захватили на Тамани Матрегу и Копу. В Крыму долго и упорно сопротивлялась Солдайка, к концу года пал Мангуп и христианское княжество Феодоро прекратило свое существование [166, с. 328–329].

Тана (татарский Азак, теперь — г. Азов) была крайним северо-восточным пунктом итальянской колонизации Северного Причерноморья, для генуэзцев и венецианцев это был «край света» в золотоордынских степях. Путь в Тану был долог и тернист, а ее существование среди татарской кочевой стихии часто напоминало жизнь рядом со спящим вулканом. Прибыльная торговля с Золотой Ордой и Востоком, которая шла через

Тану, заставляла мириться со всеми этими трудностями и опасностями. «Латыняне» до последней возможности держались за Тану, восстанавливали ее после погромов. И только завоевание турками Константинополя и всего черноморского побережья, превратившее Черное море в «турецкое озеро», положило конец европейским плаваниям в Тану.

Средневековый татарский г. Азак располагался на небольшом возвышенном участке южного берега основного русла р. Дон близ впадения его в Азовское море. Это место (у впадения в Дон речки Скопинка) не затапливалось при паводках, к нему был легкий доступ из степи с юга, а в Азовское море можно было выйти по южному, самому судоходному руслу Дона [184, с. 386].

По результатам археологических раскопок, Азак вырос из поселения оседлого населения, перемещенного в низовья Дона в первые десятилетия существования Улуса Джучи. В составе этого населения отмечены русские и выходцы с Северного Кавказа, присутствие кочевников в догородской период Азака (1250–1260 гг.) не прослеживается. Население, судя по большому количеству фрагментов торговой тары (амфор), было вовлечено в активные торговые контакты [185, с. 261–262].

Первое упоминание Таны в письменных источниках относится к октябрю 1269 г. Тана была упомянута в инструкциях правительства Генуи ее послам в Рим к Папе, как посреднику в мирных переговорах с Венецией. Генуэзцы связывали свое согласие на договор с Венецией с запретом для венецианцев плавать в Тану и просили Папу быть гарантом этого [186, с. 8–9]. Такой запрет естественен и понятен, как проявление конкуренции, если только генуэзцы и венецианцы к тому времени уже присутствовали и торговали в Азаке (Тане).

Генуэзцы 1289–1290 гг. вели широкую торговлю в Тане, но консула и нотарию там у них не было, так как сделки оформлялись через нотарию Каффы. Известны ранние плавания венецианцев в Черном море в 1206–1232 гг., где они шли по путям византийских мореходов, а в 50-е гг. XIII в. они уже торговали с Ордой. Для плаваний в Азовском море венецианцы использовали в качестве исходного пункта Солдайка [186, с. 8–9, 14].

В 1304–1311 гг. наличие в Тане генуэзского консула и нотарию засвидетельствовано в ряде актов документов. Несколько лет спустя, чтобы восстановление Каффы шло быстрее, Генуя запрещает своим купцам зимовать в Тане и владеть там домами [186, с. 15].

В 1300–1325 гг. Азак быстро расширялся, его площадь за это время выросла в 20–25 раз, в правление Узбека размеры города достигли максимума [184, с. 389].

Это было время расцвета местной и транзитной торговли венецианцев и генуэзцев в Тане. Венецианское консульство возникло в начале

На портолане достаточно ясно читаются Херсонес, Судак, Каффа, Тана (в устье Дона), Копа (в устье Кубани), Матрега (на Тамани), Боспоро (*Uospro*) в Керченском проливе. На северном побережье Азовского моря к западу от Дона показаны устья двух рек (Миус и Кальмиус? Еланчики?). На портолане это побережье украшено более чем десятью топонимами (с востока на запад: *porto pissano*, *cabali*, *rossa*, *popacom*, *locachi*, *pallastra* и т.д.). Одно название даже выделено красным — *cotnania* (*comania*?). Учитывая крайнюю мелководность этой части моря, считать все это портами или даже удобными якорными стоянками у берега никак невозможно. Скорее, это названия местностей, прибрежных селений, возможно, мест сезонного торгового или просто заметных и узнаваемых элементов рельефа, хорошо видимых с моря. По поводу топонима «*porto pissano*» есть определенные основания считать, что это поселение выходцев из Пизы, основанное в 1261 г. западнее устья Дона (у современного села Синявское Ростовской области). Оно было разрушено татарами в 1343 г. и уже не восстанавливалось [190, с. 118–119].

Следует упомянуть о современных попытках «привязать», используя данные письменных источников и, в какой-то мере, археологию, топонимы портоланов с северного побережья Азовского моря к современной географической карте. По мнению А.В. Колесника, в восточной части Северного Приазовья на Беглицкой Косе в устье Миусского лимана находился пункт *portorosso*, у п. Седово (х. Кривая Коса) — *paracoma*, в Ляпинской балке (восточная окраина г. Мариуполь) — *locacha*, возле с. Белосарайка — *pallastra* [191, с. 262].

С конца XV в., когда все берега Черного моря оказались во власти Турции и ее вассалов, прекратилось там европейское мореплавание, и актуальная географическая информация из этого региона практически перестала поступать в Европу. На европейские карты Причерноморья XVI–XVII в. продолжали наноситься топонимы, заимствованные из более ранних портоланов, ставшие уже явным анахронизмом и часто располагавшиеся на этих картах по произволу не очень информированных картографов. Не избежал подобной судьбы и «хоровод» топонимов с северного берега Азовского моря, который мы видим на генуэзском портолане П. Весконтте.

Имелись ли в XIII–XV вв. колонии генуэзцев и венецианцев в золотоордынских городах нижнего течения Днепра или в селениях того времени на северном побережье Азовского моря?

По мнению запорожского археолога М.В. Ельникова, нет пока оснований связывать золотордынские городища низовий Днепра с генуэзскими колонистами. Большое количество поливной гончарной керамики крымского производства на этих памятниках объясняется интенсивной торговлей с Крымом [192, с. 61]. По этой же причине на золотоордынских городищах нижнего Днепра иногда встречаются и генуэзские монеты [193, с. 42].

Поиски следов генуэзских и венецианских колоний на северном побережье Азовского моря археологами проводятся уже почти столетие, не стали исключением и последние непростые годы [36, с. I, VIa — VIb; 194, с. 41–42]. Выявлен там ряд поселений времен Золотой Орды (о них подробно ниже), во многих местах находили фрагменты керамики (включая тарную), монеты Крымского ханства и Орды. Все это — признаки торгового пути вдоль побережья и того ямского пути из 18 станций между Солхатом и Азаком, которым прошел в 1334 г. Ибн Баттута, но никаких достоверных следов существования там стационарных венецианских или генуэзских колоний пока не обнаружено.

Все изложенное выше не помешало писать о существовании таких колоний как об установленном факте не только в нерецензируемых интернет-изданиях, но (увы!) и в некоторых учебных пособиях для средней школы. Вот цитата из «Истории родного края» (Донецк, 1998), учебного пособия для 6–9 классов: «В конце XIV в. устье реки Кальмиус (современный Мариуполь) также возникло итальянское поселение. Итальянцы вели торговлю с местными кочевниками, содержали рыбные промыслы...» [195, с. 81].

6. Памятники Золотой Орды в Северном Приазовье

6.1. Золотоордынские города

Наиболее впечатляющими археологическими памятниками Золотой Орды являются ее степные города. Лучше всего этот яркий феномен охарактеризовал известный историк и археолог Г.А. Федоров-Давыдов: «...в южнорусской степи, далеко от ислама, вдруг пышно распускается совершенно чуждаяномадам яркая урбанистическая восточная средневековая культура, культура поливных чаш и мозаичных панно на мечетях, арабских звездочетов, персидских стихов и мусульманской духовной учености, толкователей Корана и математиков-алгебраистов, изысканно тонкого орнамента и каллиграфии» [196, с. 118].

Города Золотой Орды до времени «великой замятни» (60–80 гг. XIV в.) не были укреплены, не имели крепостных стен, рвов и валов. На этот примечательный факт указывают письменные источники [6, с. 241; 197, с. 280], подтверждает его и археология [4, с. 75; 198, с. 232, 234]. Города защищала военная мощь государства, поэтому оборонительный вал и ров были сооружены вокруг Нового Сарая (Сарай ал-Джедид) только в 1360 г., во время смуты, когда центральная власть ослабла. В периферийных городах строительство укреплений запрещалось центральной властью, чтобы хан всегда мог беспрепятственно реализовать свою волю силой оружия и подавить сепаратизм окраин.

К сожалению, золотоордынские города не обнаружены пока в Северном Приазовье на территории Донецкой области. Появившаяся в начале 2000-х гг. среди донецких и мариупольских археологов и историков информация об открытии А.И. Приваловым (1949–2002) в 2000 г. у с. Старая Ласпа Тельмановского района золотоордынского городища с укреплениями («крепости с шестью башнями») так и не получила пока надежного подтверждения. Это городище (поселение?) археологически не изучалось, и можно лишь констатировать факт наличия на нем золотоордынской керамики. Сам А.И. Привалов вскоре трагически погиб во время раскопок кургана Кирсан-Оба в Тельмановском районе Донецкой области, и результаты его изысканий у Старой Ласпы так и не были опубликованы, но информация о них все же попала в некоторые тогдашние публикации [199, 200, с. 27].

В Запорожской области по левому берегу нижнего течения Днепра известны к настоящему времени (и исследованы в той или иной степени) несколько городищ Золотой Орды, датированных XIV в.

Наиболее известное из них — городище Большие Кучугуры (Кучугурское). До заполнения Каховского водохранилища (1955 г.) городище находилось на возвышенности среди заболоченных плавней (Великого

Луга) у левого берега Днепра, а в настоящее время оно расположено на нескольких островах посреди водохранилища в 30 километрах к югу от г. Запорожье [201, с. 487–488].

По предположению М.В. Ельникова, это — золотоордынский город Орду (известный по отчеканенным там монетам второй половины XIV в.) [154, с. 30]. Аргументом в пользу этого предположения он считает ярлык хана Бюлека (ставленника Мамае Мухаммед-Булака) русскому митрополиту Михаилу, выданный 28 февраля 1379 г., когда «на Великолузе речном орда кочевала» [127, с. 201, 203, 214]. Оставим пока в стороне тот факт, что ярлык известен нам только в позднем (XV в.) переводе на русский язык (оригинал был, скорее всего, написан уйгурским алфавитом на тюркском языке) и будем считать, что «Великий луг речной» и есть плавни по Днепру и Конке ниже Хортицы, что очень вероятно. А вот использованный русским переводчиком в данном контексте термин «орда» явно означает не стационарный город, а лишь кочевую ставку правящего хана. Термин «урду», как обозначение кочевой ставки хана-правителя, зафиксировал еще Ибн Баттута [180, с. 132]. Из текста ярлыка следует (если его русский перевод соответствовал оригиналу) только то, что кочевая ставка хана Бюлека находилась в феврале 1379 г. в Великом Луге. Причем здесь именно Кучугурское городище, остается непонятным, оно ведь было там не единственным. Выражение «чекан орды» в монетных легендах значит лишь то, что официальным местом пребывания хана-правителя, имевшего суверенное право на «сикк» (чеканку монеты), была кочевая ставка (орда, урду), что и фиксировалось на монетах.

Кучугурское городище под именем «*Kurzemal*» упоминает посол Эрих Ляссота, направленный римским императором Рудольфом II к запорожцам в 1594 г. [202, с. 52–53]. В «Книге Большому чертежу» (около 1627 г.) это городище под именем Мамаев Сарай помещено на Крымской стороне (левом берегу Днепра) в 30 верстах ниже впадения в него р. Московка [47, с. 111]. Это дает некоторые основания считать Кучугурское городище административным центром контролируемой Мамаем территории в 60–70 гг. XIV в., но предложенное название существовавшего города так и остается спорным, чего не отрицает сам М.В. Ельников [201, с. 488].

Памятник интенсивно изучался в 1951–1953 гг. перед затоплением местности и позднее, когда культурный слой уже подвергался размыву. Собрано несколько тысяч золотордынских монет (от правления Узбека до Мухаммед-Булака). Исследованы мечеть с остатками минарета, хозяйственно-жилые комплексы с печами, канами и суфами, баня-хаммам, остатки большого многоквартирного дома. Наиболее широко представлены монеты времен «великой замятни»: ханов Абдуллаха и Мухаммед-Булака, отчеканенные в Орде и Новом Маджаре. В 1977–1981 гг. на островах, где располагалось городище, работали экспедиции Запорожского областного

краеведческого музея (ЗОКМ). Обнаружены остатки стен и развалы кирпича, фрагменты поливной и неполивной керамики, из монет — медные пулы Токтамыша. На самом северном острове выявлены руины зданий богатой феодальной усадьбы, комплекс предварительно датирован концом XIV — началом XV вв. [201, с. 487–488].

Городище Веселое расположено на правом берегу р. Конка, недалеко от места ее современного впадения в Каховское водохранилище (у с. Веселянка Запорожского района Запорожской области). Городище исследовалось Д.И. Яворницким в 1901–1903 гг., среди находок — фрагменты гончарной поливной и неполивной керамики, обработанные каменные плиты и характерный квадратный кирпич (татарская плинфа), предметы конской сбруи, монеты Мухаммед-Булака и Кильдибека, а также два дирхема конца XIV — начала XV вв. [201, с. 486–487].

Ниже по течению Днепра на левом берегу Каховского водохранилища находятся в 5 километрах друг от друга еще два городища золотоордынского времени, частично наложившиеся на более древние скифские памятники. Городища эти приурочены к традиционному месту переправы через Днепр, позднее именуемому Никитинским перевозом.

Каменское городище расположено в черте г. Каменка-Днепровская Запорожской области, в районе современной пристани на дюнном мысу, называемом Каменскими Кучугурами. В 1899–1900 гг. здесь вел раскопки Д.Я. Сердюков (Мелитопольский музей), были обнаружены обгоревшие остатки строений из характерного квадратного кирпича, фрагменты обгоревшего дерева. Небольшие раскопки Ф.Н. Киранова (1929 г., Никопольский музей) в районе пристани выявили остатки построек из характерного кирпича-сырца, было найдено несколько джучидских, польских и генуэзских монет, которые и дали тогда повод подозревать существование здесь генуэзской колонии. Весьма любопытна случайная находка (2002 г.) у пристани следов чугунолитейного производства, но их дата по радиоуглероду (начало IX в.) слишком ранняя для золотоордынских находок. Имеющиеся на памятнике скифские валы могли вторично использоваться и во времена Золотой Орды [201, с. 491–493].

В селе Великая Знаменка, расположенном рядом с Каменкой Днепровской, находится известное Знаменское городище, также упомянутое Э. Ляссотой под именем Мамай-Сурка (*Mamaisor*) в описании его пути из Сечи в 1594 г. [202, с. 51]. Раскопки велись в основном с целью исследования скифского памятника (там в 40–50-е гг. XX в. работала Скифская степная экспедиция под руководством Б.Н. Гракова). В 1952 г. раскопками Н.Н. Погребовой были выявлены остатки четырех кирпичных зданий времен Золотой Орды, их фундаменты стояли прямо на скифской каменной кладке. Были раскопаны остатки деревянных строений Крымского ханства

(датированные по серебрянной монете 1743–1748 гг.), поставленные на руинах большого золотоордынского здания (датировка по пулу Абдуллаха на уровне его фундамента) [201, с. 493–494].

На западе Северного Приазовья в Запорожской области ближайшим к окрестностям Розовки городищем времен Золотой Орды является изучавшийся в последние годы археологический памятник Конские Воды. Левобережную его часть (по берегам Конки) называют поселением Мечеть-Могила (XIV в.), расположено оно на левом берегу Конки в 600 метрах к юго-западу от с. Юрковка Ореховского района Запорожской области. В соседнем селе Кирово Ореховского района, на правом берегу Конки у впадения в нее р. Жеребец, находится золотоордынский могильник (XIV в.). По местным преданиям на холме Мечеть-Могила стояла в старину татарская крепость, а возле нее был аул с мечетью. Речка Жеребец на картах XVIII в. обозначена как р. Мечетная (правый приток Конских Вод) [201, с. 483].

Руины строений у впадения Мечетной в Конские Воды упоминаются в письменных источниках с XVII в. В «Книге Большому чертежу» указано: «А по правой стороне Конских Вод, от Днепра 60 верст, 7 кешеней татарских мечетей» [47, с. 110]. В некоторых списках «Книги...» слово «мечетей» отсутствует, и речь идет о 7 татарских кешенэ (мавзолеях, надгробных сооружениях). В октябре 1680 г. по пути в Крым московские послы полковник Василий Тяпкин и дьяк Никита Зотов (грамотей, будущий дядька-наставник Петра I) отметили на Конке руины татарских строений: «На тех же Конских Водах видели мы капище бусурманское, каменное строение старожитного поселения, и от давних лет развалилось. А от крымских послов слышали, что те жилища бывали в старину крымских татар, при Мамае хане» [203, с. 573]. Осенью 1739 г. немецкий военный врач на русской службе И.Я. Лерхе возвращался в составе армии П.П. Ласси из очередного крымского похода. 9 сентября, когда армия пришла на Конские Воды, он записал в своем дневнике: «...дошли до Конской воды, где она уже была широкой рекой. Здесь стояло 5 мечетей, две из которых еще были целы, в форме свода, остальные же были наполовину разрушены; некоторые из кирпича, другие из каменных блоков, [они были] сооружены довольно искусно» [204, с. 56]. Мечети на Конских Водах обозначены на карте Д. де Боскета (1751 г.) [205, с. 250, 252]. В ходе русско-турецкой войны 1768–1774 гг. военно-инженерная команда под руководством генерал-поручика М.А. Деденева проводила изыскания на местности вдоль Конки и Берды для сооружения укреплений Днепровской линии. В конце сентября 1769 г. эта команда сделала рисунок фасада (см. рис. 16) и сняла план одной из более или менее уцелевших мечетей на Конских Водах при устье р. Мечетной [205, с. 250, 252; 206; 207].

Приведенный в книге А.В. Макидонова [208, с. 52, 53] ранее не публиковавшийся фрагмент из дневников путешествия академика И.А. Гильденштедта осенью 1773 года по рекам Берде и Конке (в переводе А.В. Макидонова) позволяет довольно точно локализовать мечети на Конских Водах. Находясь 10–16 октября в Никитинской крепости на правом берегу Конки у впадения в нее р. Жеребец, Гильденштедт пишет: «В устье реки Жеребец, на восточной стороне ее два и на западной стороне одно, стоят старинные сооружения, которые русские называют татарские мечети, и подобные им в окрестности могут быть еще». Он подчеркивает сходство этих восьмигранных, с круглыми куполами, зданий с виденными им татарскими памятниками в Маджарах (Северный Кавказ) и считает их «мавзолеями неких татарских мурз». В непосредственной близости от этих мавзолеев находились руины еще одного здания, облицованного изнутри зеленым и черным мрамором, возможно, мечети.

Рис. 16. Руины золотоордынского здания у впадения р. Жеребец в Конку. Рисунок инженерной команды генерал-поручика М.А. Деденева, 28 сентября 1769 г. [205, с. 254; 206]

Камень и кирпич с золотордынских строений использовались уже при сооружении укреплений Днепровской линии (1770-е гг.) [158, с. 20; 205, с. 255]. В конце XVIII в. — XIX в. шло заселение степей Новороссии, спрос

на тесанный камень и обожженный кирпич в безлесном краю был велик. Это и определило судьбу подавляющего большинства золотоордынских строений: они были разобраны на строительные материалы [143, с. 128].

Гермоген, бывший епископ Таврический и Симферопольский, в описании Таврической епархии (1887 г.) указывал, что у с. Белицкое на Конке (первоначально — Аул, сейчас — Юрковка) на холме, называемом Москов или Мечеть, была татарская деревня с мечетью [209, с. 222]. Уроженец с. Жеребец (позднее, Кирово) краевед Ф.К. Лутай отметил в своей статье (1927 г.) руины татарских строений в селе в двух верстах от впадения р. Жеребец в Конку, а на западной околице — остатки еще двух строений, «большой и малой мечетей». Указал он и на татарские руины на левом берегу Конки у Юрковки [210, с. 20–21].

На рубеже 60–70 гг. XX в. запорожский краевед В.Г. Фоменко (1900–1976) на основании анализа письменных источников, картографического материала и местных случайных находок констатировал наличие на р. Конка у сел Юрковка и Кирово значительного золотордынского памятника. Поэтому его и называют первооткрывателем городища Конские Воды. В своей неопубликованной статье В.Г. Фоменко отмечал, что упоминаемые в письменных источниках многочисленные «мечети» тех мест являются мусульманскими надгробными сооружениями типа мавзолея (кешене) и настаивал на «...срочной необходимости организации раскопок в местах нахождения тех кишеней...» [211, с. 238–245].

До 90-х гг. XX в. археологические разведки и раскопки у Юрковки и Кирово не проводились. В 1993 г. сотрудниками Запорожского областного краеведческого музея (ЗОКМ) И.Р. Тихомоловой и З.Х. Попандопуло на холме Мечеть-Могила (к юго-западу от Юрковки) был заложен разведочный шурф на месте обнаруженной годом раньше грабительской ямы. Обнаружены остатки кирпичного строения на каменном фундаменте и большое количество декоративной облицовочной плитки из кашина (разновидность фаянса восточного происхождения, распространенного в городах Золотой Орды).

Систематическим раскопкам предшествовали случайные находки. В 1993 г. в ЗОКМ поступила из Кирово деталь архитектурного декора здания из резного известняка (рис. 17, поз. 1), украшенная растительным орнаментом, отмеченным на золотоордынских памятниках Крыма [212, с. 108–109]. В 2005 г. в Юрковке была найдена капитель колонны из резного известняка с растительным орнаментом (рис. 17, поз. 2), относящаяся ко времени Золотой Орды [213, с. 284–285, 288]. Запорожским национальным университетом (ЗНУ) в 2007 г. были проведены археологические разведки на холме Мечеть-Могила (окопнута заселенная площадь, выделено несколько возвышений с развалами квадратной татарской плинфы и кашинной плитки, найдены фрагменты чугунного

котла и керамики). На правом берегу Конки в с. Кирово установлено местонахождение руин одного из мавзолеев [212, с. 109].

Систематические раскопки памятника начались в 2008 г. одним из отрядов археологической экспедиции ЗНУ и продолжались в последующие годы, когда к работам присоединилась археологическая экспедиция «Юггидроархеология» института археологии национальной академии наук Украины (ИА НАНУ).

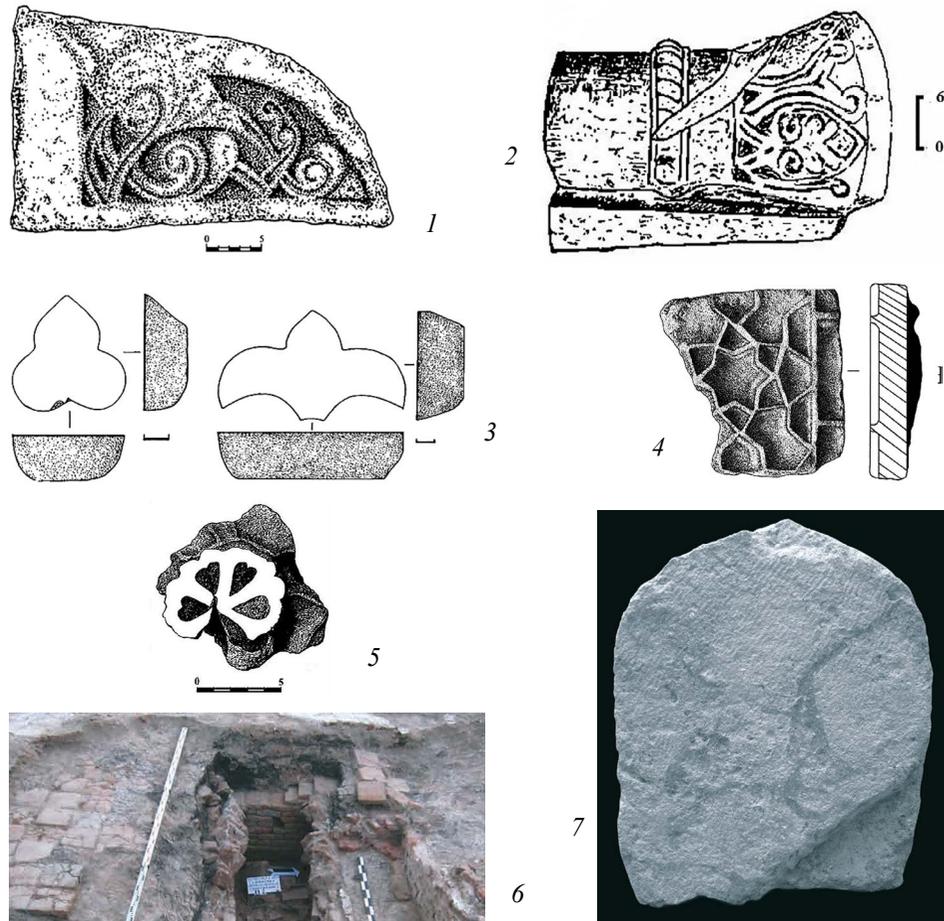

Рис. 17. Находки на городище Конские Воды:

1. Архитектурная деталь строения (резной известняк). Кирово, 1993 [214, с. 105];
2. Капитель колонны (резной известняк). 2005 [213, с. 288];
3. Кашинные плитки с цветной поливой. 2010 [214, с. 106];
4. Фрагмент ганчевого панно. 2012 [215, с. 175];
5. Кашинная плитка с цветком. 2013–2014. [218, с. 53];
6. Мусульманское погребение в мавзолее. 2016. [217, с. 48];
7. Фрагмент мусульманского надгробия (известняк). 2015. [216, с. 49]

Проведенные в 2008–2020 гг. раскопки шли, в основном, у Мечеть-Могила в левобережной части городища Конские Воды (рис. 18, А, поз. d), и они дали следующие результаты. Раскопано двухкамерное культовое строение-мавзолей, включающее погребальную площадку (гурхана) и пристроенный к ней позднее молитвенный зал. Здание построено из характерного золотоордынского квадратного кирпича-плинфы на фундаменте из обработанных плит местного известняка. Стены здания были украшены декоративными ганчевыми (алебастровыми) панно (рис. 17, поз. 4), в которые вставлялись кашинные плитки различной формы, покрытые цветной поливой, иногда с вырезанным на них рисунком (рис. 17, поз. 3, 5). На погребальной площадке выявлено два ограбленных погребения в кирпичных склепах: взрослого мужчины (рис. 17, поз. 6) и ребенка. Над детским погребением было надгробное кирпичное сооружение (мастаба), а к взрослому погребению относится, вероятно, надгробие стрельчатой формы размерами 0,47 × 0,37 × 0,22 м из светлого известняка (рис. 17, поз. 7). В склепах фиксируются остатки дерева от гробовищ и железные гвозди [214, с. 105–106; 215, с. 175–176; 216, с. 48–49; 217, с. 48; 218, с. 52–54; 219, с. 183–187; 220, с. 61–63].

Эти годы отмечены рядом интересных случайных находок, в том числе и важных для датирования памятника (рис. 18, Б и В).

На левом берегу Конки в западной части с. Юрковка найдена база (основание) колонны из известняка (рис. 18, А, поз. с) [219, с. 182–183].

На правом берегу р. Жеребец (рис. 18, А, поз. б) найдены два фрагмента бронзовых зеркал и медная золотоордынская монета (пул). Первый фрагмент зеркала (рис. 18, Б, поз. 1), содержит часть круговой рельефной благожелательной арабской надписи шрифтом «наسخ», аналог этого зеркала известен из городища Большие Кучугуры (поз. 1а — фрагмент зеркала наложен на его аналог). Такие золотоордынские зеркала датированы второй половиной XIII в. — XIV в. Второй фрагмент зеркала, украшенный орнаментом, относится к достаточно распространенному типу, аналоги его найдены на могильниках Нижнего Поднепровья и на городище Большие Кучугуры (фрагмент и аналог на рис. 18, Б, поз. 2, 2а). Медный пул плохой сохранности (рис. 18, Б, поз. 3) относится к анонимным пулам конца правления Джанибека, отчеканен в Сарай ал-Джедид (1351/1352 гг.) [219, с. 180–182; 221, с. 231–236].

В 2017 г. стало известно о находке местными жителями на левом берегу р. Жеребец трех более поздних золотоордынских монет (рис. 18, А, поз. в). Медный пул (рис. 18, Б, поз. 4) чекана Азака близок к азербайджанским пулам Абдуллаха. Две остальные серебряные монеты чеканены в Орде (в кочевой ставке-орде?). Первая монета — дирхем Абдуллаха (1368/1369 гг.) (рис. 18, Б, поз. 5). Второй дирхем отчеканен в 1375/1376 гг. в правление Мухаммед-Булака (рис. 18, Б, поз. 6) [219, с. 181–182].

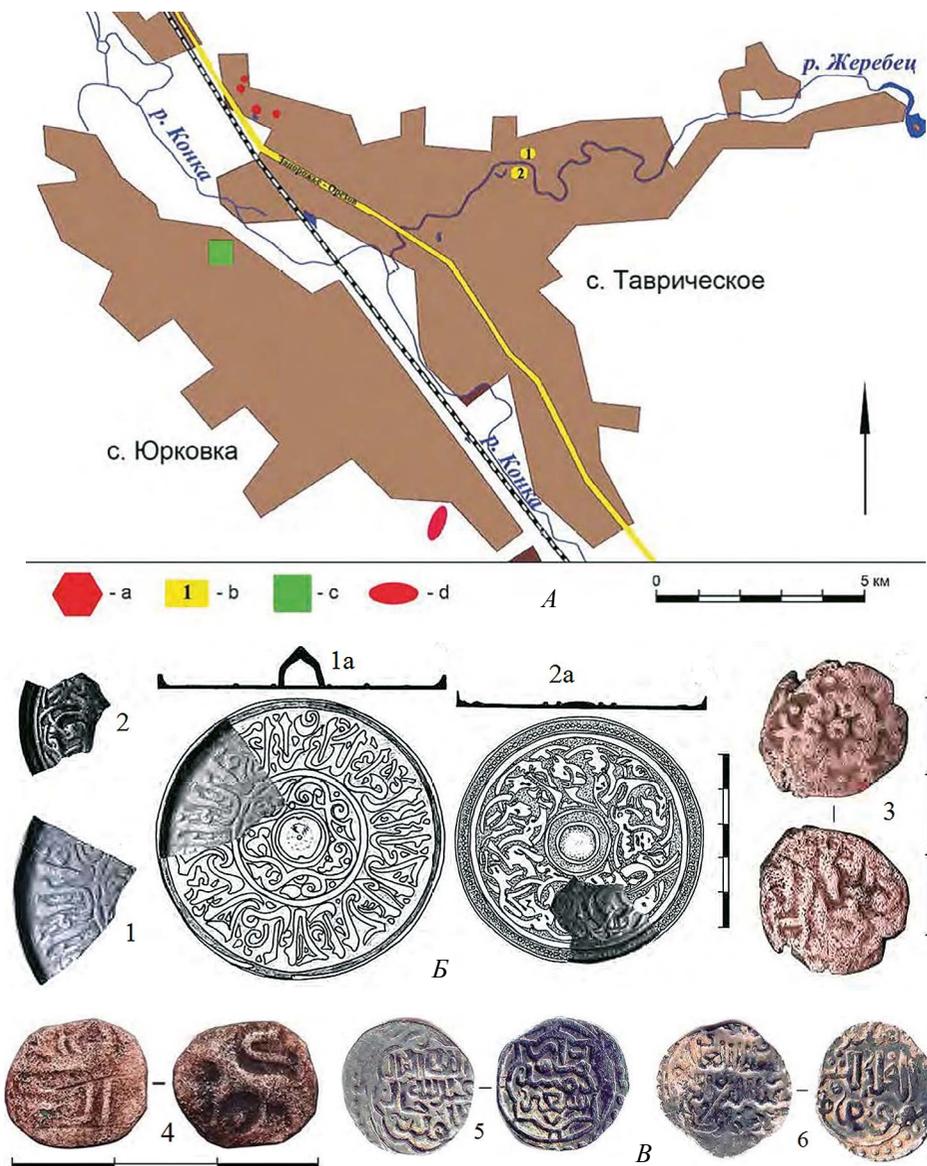

Рис. 18. Находки на городище Конские Воды

А. План местности у впадения р. Жеребец в Конку [219, с. 181]:

a — возвышения с битым кирпичом; b — случайные находки монет и фрагментов зеркал; c — база колонны; d — остатки строений на холме Мечеть-Могила.

Б. Случайные находки на правом берегу р. Жеребец [219, с. 182]:

1, 2 — фрагменты зеркал; 3 — медная монета.

В. Случайные находки на левом берегу р. Жеребец [219, с. 182]:

4 — медная монета (пул); 5, 6 — серебряные монеты (дирхемы)

Проведенные на Конке и Жеребце в 2008–2020 гг. исследования дают основания считать сделанные там находки относящимися к одному археологическому памятнику — городищу Конские Воды (название золотоордынского города остается неизвестным, имя для городища предложил в начале 80-х гг. XX в. В.Л. Егоров) [111, с. 86, карты 1, 2]. Ранее, в сводной работе по памятникам золотоордынского периода в Нижнем Поднепровье, у впадения р. Жеребец в Конку указаны два памятника: могильник XIV в. Конские Воды и городище (?) Мечеть-Могила [201, с. 483].

Золотоордынский город на Конке был основан в середине XIV в. [219, с. 187], когда население на нижнем Днепре и в Северном Приазовье выросло за счет миграции, вызванной прокатившейся ранее по степям эпидемией чумы и начинавшейся на Волге междоусобицей («замятней»). Подобно многим золотоордынским центрам, город на Конке, скорее всего, был уничтожен во время похода Тимура в 1395 г., хотя и нельзя пока исключать более поздние попытки его частичного восстановления.

6.2. Поселения времен Золотой Орды

Основные известные к настоящему времени крупные и достаточно изученные очаги золотоордынской оседлости находятся далеко к северу от Приазовья, на Северском Донце близ г. Славянск. Это Царино городище у с. Маяки, группа археологических памятников у пгт. Райгородок и золотоордынские поселения на Северском Донце. Часть поселений в этих местах существовала и в домонгольское время, города и селения пережили бурный рост во второй половине XIV в. и разгром во время похода Тимура в 1395 г. [63, с. 444–467]. Очаги «татарской оседлости» отмечены С. Герберштейном на Северском Донце (Малом Танаисе) и в первой половине XVI в. [223, с. 181].

Степи Северного Приазовья весь золотоордынский период были заселены кочевниками, лишь в полосе вдоль побережья Азовского моря отмечены оседлые поселения, приуроченные к ямскому и торговому маршруту между Крымом и устьем Дона, по которому прошли Г. Рубрук (1253 г.) и Ибн Баттута (1334 г.) [73, с. 108–109; 180, с. 128].

За пределами прибрежной полосы золотоордынские поселения в Северном Приазовье, скорее всего, представлены сезонными кочевыми стойбищами, которые посещались номадами многократно или использовались ими для зимовки. Такие поселения-кочевья выявлялись при разведках по скоплениям фрагментов золотоордынской керамики, зачастую там же фиксировались находки салтово-маяцкой культуры, но изучены подобные памятники в археологическом отношении пока недостаточно [223, с. 18, 23].

Ближайшим к окрестностям Розовки подобным поселением-кочевьем является золотоордынское поселение Раздольное в среднем течении Кальмиуса. Расположено оно на правом берегу реки у с. Раздольное Старобешевского района. При раскопках обнаружены остатки двух легких наземных сооружений, скорее всего, покрытых шкурами или войлоком (по контуру края покрытия были прижаты камнями, эти кольцевые выкладки и обнаружались при раскопках). Из керамики найдены фрагменты красноглиняных золотоордынских кувшинов (рис. 19, п. 1), обломки амфор с процарапанными знаками (граффити) (рис. 19, п. 2).

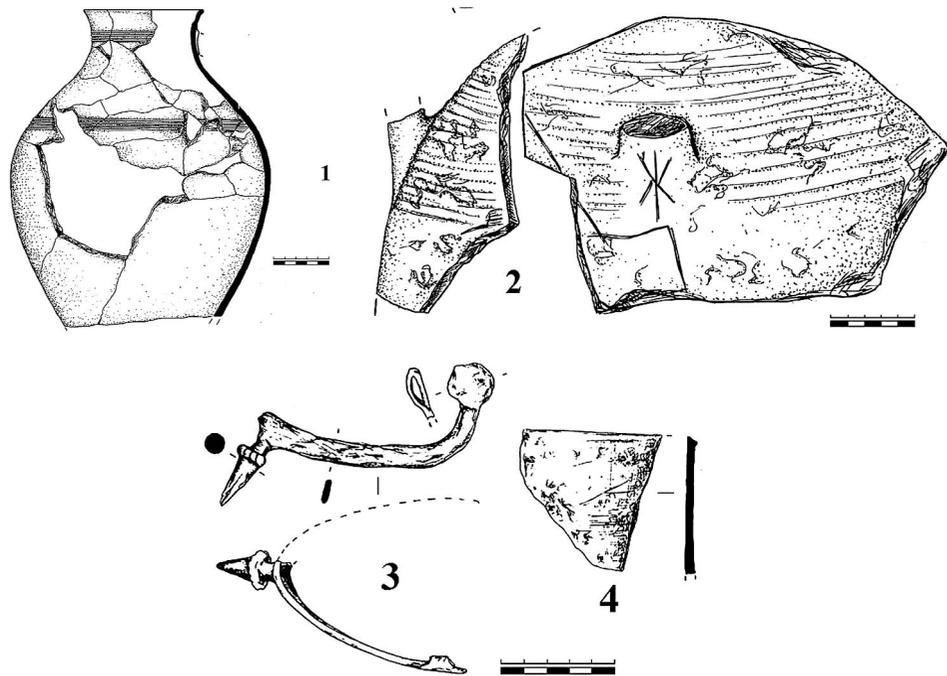

Рис. 19. Находки с кочевья-поселения Раздольное на Кальмиусе [63, с. 420, 422]:

1 — красноглиняный кувшинообразный сосуд;

2 — фрагменты амфор с граффити;

3 — обломок железной шпоры; 4 — фрагмент чугунного котла

Амфоры — один из основных видов торговой транспортной тары того времени, доля амфорных обломков среди керамики на Раздольном гораздо выше, чем на городищах и поселениях у Северского Донца. Находок из металла немного: обломок железной шпоры (рис. 19, п. 3) и фрагмент стенки чугунного котла (рис. 19, п. 4), подобранный на каменной осыпи у края поселения. Интересно, что П. Карпини отрицал использование шпор татарами [73, с. 30], а Г.А. Федоров-Давыдов отмечал, что шпор в кочевнических

погребениях обнаружено очень мало [61, с. 21]. На Раздольном найдено также железное шило и куски медных пластин, бусина из горного хрусталя, пряслица из обломков керамики. Костные остатки представлены двумя лошадиными черепами и множеством других колотых костей животных. Все это — свидетельства кочевого быта, отсутствуют какие-либо предметы, связанные с развитым ремеслом и земледелием.

Это поселение-кочевье датируется концом XIII или началом XIV в. [63, с. 417–418]. Раздольное — многослойный памятник, кроме золотоордынских находок, о которых шла речь, там присутствует материал эпохи бронзы и хазарского периода (салтово-маяцкая культура) [224, с. 279, 281].

В протяженной балке Хан-Тарама (на правом берегу Кальмиуса севернее с. Гранитное) среди многочисленных кочевых стоянок хазарского времени выявлена полужемляничная золотоордынская постройка, в которой логично видеть зимовище, укрытое в глубокой балке от степных ветров [63, с. 417; 224, с. 282–283].

По местным преданиям, записанным во второй половине XIX в. [225, с. 109], южнее Розовки, где-то в районе Каменных Могил, существовал «татарский город», якобы разрушенный запорожцами. Если там в действительности существовало «татарское» (золотоордынское) поселение-кочевье, то, скорее всего, оно было расположено в верхнем течении р. Каратыш на участке от южной границы заповедника «Каменные Могилы» до северной окраины с. Украинка. В 1996 г. Н.С. Котова обнаружила и исследовала там многослойное поселение Украинка I (0,5 км к северу от с. Украинка), находки при раскопках относятся к различным культурам эпохи бронзы и салтово-маяцкой культуре [226, с. 8–9]. На склонах долины Каратыша к северу от Украинки I в 2012–2013 гг. также отмечены случайные находки, отнесенные к салтово-маяцкой культуре [31, с. 73–76, 82–85], но золотоордынские находки из этих мест пока неизвестны.

Из золотоордынских поселений, приуроченных к северному берегу Азовского моря, ближе всего к окрестностям Розовки находится поселение Ляпинская балка и связанный с ним одноименный грунтовый могильник. Оба указанных памятника исследовались археологами, результаты раскопок опубликованы [227, с. 345–362; 228, с. 363–406; 229, с. 140–141].

Поселение Ляпинская балка расположено у восточной окраины г. Мариуполь на правом (западном) склоне балки Водяной или Ляпинской в 1,5 километрах к северу от выхода балки к берегу моря. Место это не один год распаивалось и использовалось под огороды, а также подвергалось террасированию, в связи с чем верхний слой почвы на памятнике был нарушен. Памятник двухслойный: нижний культурный слой — эпоха поздней бронзы (срубная культура), верхний — средневековье (салтово-маяцкая культура и золотоордынские находки). Средневековый культурный слой формировался

прямо над горизонтом эпохи бронзы, а остатки каменных сооружений срубной культуры выходили на поверхность во время существования средневекового поселения. К золотоордынскому времени относятся две обнаруженные хозяйственные ямы и кострище. Следов каких-либо строений этого периода при раскопках не выявлено, возможно, на поселении тогда существовали только легкие наземные сооружения, или остатки золотоордынских строений уничтожили распашка и террасирование. Границы поселения отмечены неглубоким рвом, за ним находки золотоордынской керамики прекращаются [227, с. 345, 348, 350].

Часть золотоордынских находок с раскопок поселения представлена на рис. 20. Основная масса находок — фрагменты керамики: обломки амфор и кувшинообразных сосудов. Один такой крупный красноглиняный кувшин восстановлен почти полностью (рис. 20, поз. 1).

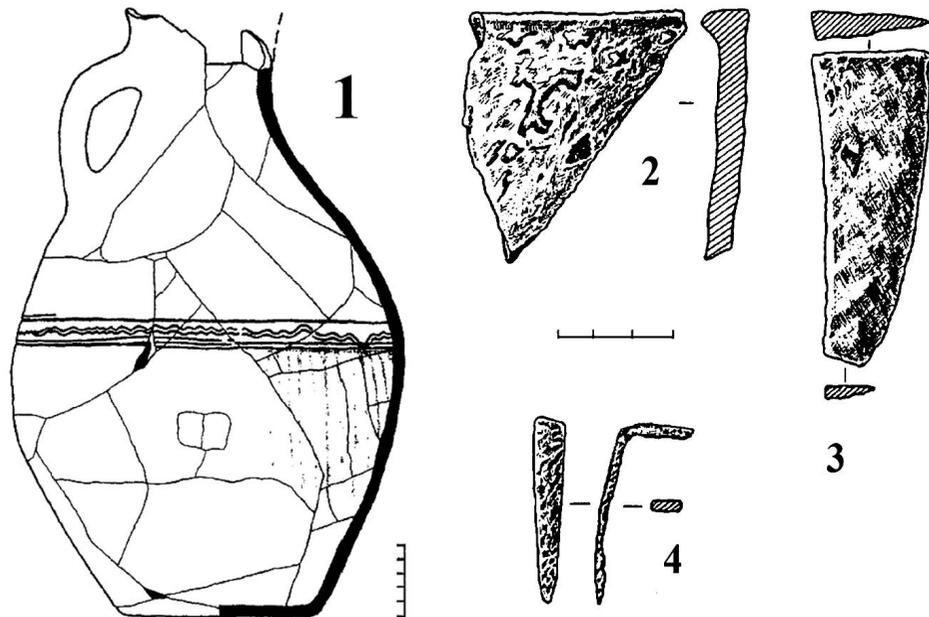

Рис. 20. Золотоордынские находки с поселения Ляпинская балка (восточная окраина Мариуполя) [227, с. 355, 358]:

1 — красноглиняный кувшин; 2 — фрагмент стенки чугунного котла; 3 — обломок сабли; 4 — фрагмент железной пластины

Около четверти керамического материала составляют многочисленные обломки амфор с дуговидными ручками, на некоторых обломках имеются процарапанные после обжига граффити. Предметы из кости (кроме костей

барана со следами рубки в одной из хозяйственных ям) представлены двумя астрагалами с прочерченными на них знаками. Металлических предметов совсем немного: фрагмент венчика чугунного котла (рис. 20, поз. 2), обломок сабли (поз. 3) и фрагмент железной пластины или скобы (поз. 4) [63, с. 434–436; 227, с. 353, 359]. Золотоордынские находки с поселения Ляпинская балка не столь многочисленны, как с богатых памятников на Северском Донце, но их здесь больше, чем на расположенных недалеко поселениях-кочевьях (например, на Раздольном). Нет никаких признаков занятия населения земледелием, зато костные остатки свидетельствуют о скотоводстве. Высокий процент обломков транспортной тары (амфор) в керамике указывает на связь поселения с торговым маршрутом, а грузила из фрагментов керамики говорят о рыболовном промысле. Расположенный неподалеку грунтовый (безкурганый) могильник (о нем речь ниже), связанный с поселением, — весомое доказательство оседлости. Обнаруженный при раскопках фрагмент чугунного котла (рис. 20, поз. 2) позволил датировать поселение Ляпинская балка второй половиной XIV в. [227, с. 359].

Все эти особенности поселения Ляпинская балка вполне объяснимы, если предположить, что поселение сложилось у действовавшего яма (станции) на торговом пути, где путешествовавшие могли сменить лошадей, покормиться, что-то купить или продать.

Гораздо более интересный и разнообразный золотоордынский материал дали раскопки некрополя (могильника) Ляпинская балка (рис. 21, 22).

Могильник был обнаружен в 1987 г. при строительных работах на восточной окраине Мариуполя в жилмассиве «Восточный». Могильник находился на правом (западном) склоне все той же Ляпинской балки, в 1,5 км севернее поселения Ляпинская балка. Всего было обнаружено 38 погребений (небольшая часть из них нарушена строителями), никаких признаков наличия курганных насыпей на могильнике не было.

Некрополь связали с поселением из-за их хронологической близости (вторая половина XIV в.) и отсутствия рядом других селений. В 21 погребении покойные были ориентированы головой на восток, в 14 — на запад. Из 14 ориентированных на запад погребений 11 были безынвентарными, т.е. не содержали никаких предметов. Западная ориентировка и безынвентарность — традиционные признаки мусульманского погребального обряда. По требованиям ислама западная ориентировка должна сопровождаться еще и поворотом покойного (или только его лица и стоп) «на киблу» (т.е. в направлении на Мекку, на юг). Это условие, в какой-то мере, выполнено в 4 погребениях, причем 2 из них все же содержали инвентарь. Таким образом, погребальный обряд могильника представляет собой некую комбинацию мусульманских норм и языческих традиций, отражающую определенную стадию обращения к исламу населения степи вдали от золотоордынских

центров. Нельзя исключать и полиэтничность погребенных, особенно с учетом различий в ориентировке [63, с. 436–437; 228, с. 363, 375–383; 230, с. 13–14].

К оружию и снаряжению коня из находок на могильнике можно отнести простой лук (рис. 21, поз. 1, из погребения 7). Лук найден в виде фрагментированного древесного тлена, какие-либо его детали из кости или металла отсутствовали. Расширяющийся в нижней части колчан для стрел был изготовлен из бересты (рис. 21, поз. 2, из погребения 7). Обнаружено несколько наконечников стрел (погребения 2, 7, 19), из них 2 бронзобойных наконечника (рис. 21, поз. 3 и 4), характерных для позднего периода Золотой Орды. Фрагмент кремневого наконечника стрелы из погребения 2 (поз. 5) являлся, скорее всего, талисманом-оберегом покойного. Обнаруженные в погребении 7 удила и стремяна (поз. 6, 7) плохой сохранности, по своим типам они обычны для кочевой степи XIV в. А вот навершия булав или кистени

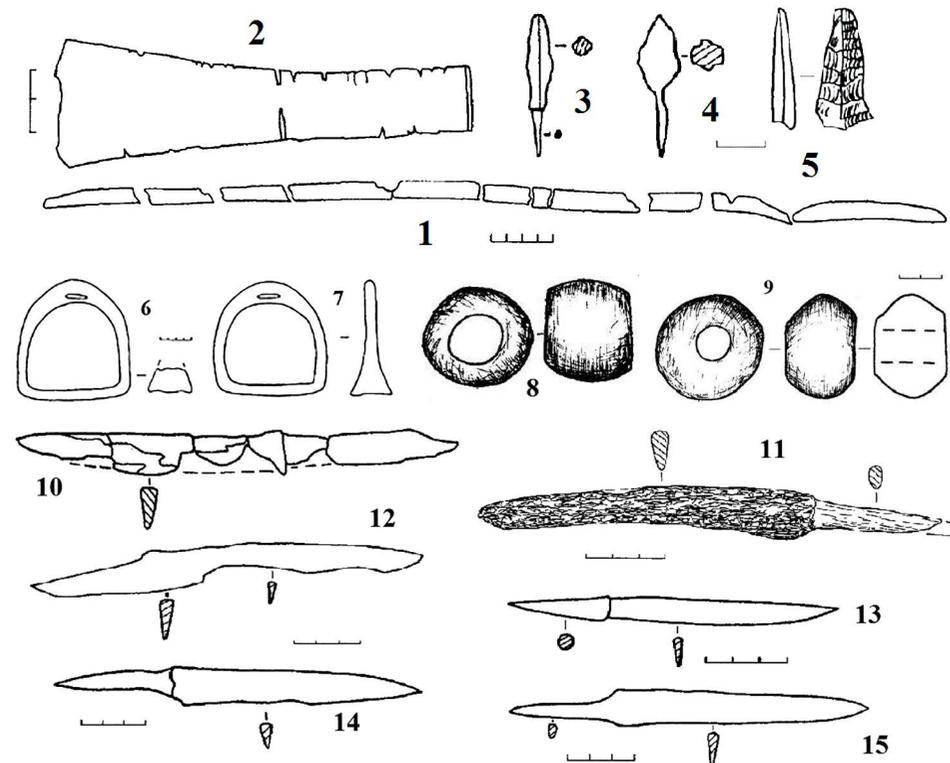

Рис. 21. Золотоордынские находки с грунтового могильника Ляпинская балка (восточная окраина Мариуполя) [228, с. 363–406]:
1 — лук; 2 — колчан; 3–5 — наконечники стрел; 6–7 — стремяна;
8–9 — навершия булавы (кистени?); 10–15 — ножи.
1 — дерево; 2 — береста; 3–4, 6–15 — железо; 5 — кремнь

(из погребений 19 и 25, рис. 21, поз. 8–9) встречаются на золотоордынских памятниках нечасто. Подобные предметы известны из погребений салтово-маяцкой культуры (СМК), в сводной работе А.В. Крыганова они определяются, как железные кистени без ушка с долевым каналом [228, с. 383–389; 231, с. 63–64]. Следует упомянуть о случайной находке (2013 г.) железного шестигранного кистеня с долевым отверстием в верхнем течении р. Каратыш к югу от Каменных Моги. По аналогиям из праболгарских погребений СМК он был отнесен нами к салтово-маяцкой культуре [31, с. 73, 82].

Бытовые предметы и украшения могильника Ляпинская балка представлены хозяйственными ножами (рис. 21, поз. 9–15), ножницами (рис. 22, поз. 1–2), зеркалами и их фрагментами из серебра и бронзы (рис. 22, поз. 3–7), серьгами из меди, бронзы и серебра (рис. 22, поз. 8–16). Наряду с достаточно редкими типами зеркал из погребений 3, 29 и 31 (рис. 22, поз. 5–7), на могильнике встречаются и распространенные зеркала с растительным орнаментом и гоном зверей (погребение 1). В погребениях 26 и 28 — два зеркала с одинаковой благожелательной арабской надписью (рис. 22, поз. 3, 4). Из украшений на могильнике преобладают серьги двух типов: в виде разомкнутого кольца (рис. 22, поз. 15, 16) и в виде знака вопроса (поз. 8–14), оба типа широко (и территориально, и хронологически) распространены у поздних кочевников [228, с. 393–398].

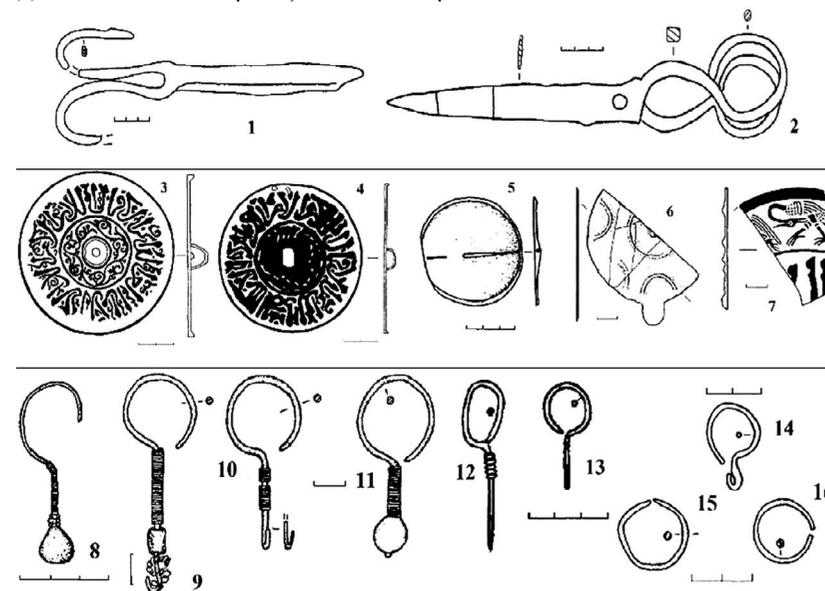

Рис. 22. Золотоордынские находки с грунтового могильника Ляпинская балка (восточная окраина Мариуполя) [228, с. 363–406]:
1–2 — ножницы; 3–7 — зеркала и их фрагменты; 8–16 — серьги.
1–2 — железо; 3–6, 16 — бронза; 9–11, 13, 14 — медь; 7, 12, 15 — серебро

Найдены также предметы, связанные с ловлей рыбы (погребение 2), включая бронзовый крючок; есть кресала, шилья, детали одежды — пряжки и пуговицы. При раскопках обнаружены 4 серебрянных монеты: в погребении 2 — дирхем Абдуллаха, отчеканенный в 1365/1366 гг., в погребении 7 — три дирхема Узбека с надчеканами 70–80-х гг. XIV в. Весь комплекс находок позволяет надежно датировать могильник Ляпинская балка второй половиной XIV в. Погребены на нем были недавно «осевшие на землю» кочевники, в той или иной мере обратившиеся к исламу, но продолжавшие следовать и языческим традициям [63, с. 437; 228, с. 399–400].

Далее к востоку от Мариуполя цепь прибрежных золотоордынских селений продолжает поселение Обрыв на Кривой косе в Новоазовском районе. Наличие средневекового археологического памятника на берегу Кривокосского лимана отметила еще С.А. Плетнева по результатам разведок 1962 г., набросала его план, но определила данное местонахождение как кочевье (стойбище) салтово-маяцкой культуры, лишенное культурного слоя [232, с. 16–17, 195]. В течение следующих 50 лет на Кривой косе отмечалось большое количество золотоордынских находок (фрагменты керамики и металлических зеркал, монеты). На пляжах восточного берега косы (хутор Холодный, села Обрыв и Седово) монеты Золотой Орды и Крымского ханства находили несколько часто, что в среде мариупольских краеведов, коллекционеров и любителей истории даже бытовало предположение, что там в средние века находился некий «монетный двор». Разведка археологической экспедиции Донецкого национального университета (2011 г.) «монетного двора» не обнаружила, но подтвердила наличие средневековой керамики и монет, а также зафиксировала быстрый размыв высокого берега у с. Обрыв [233, с. 215].

На поселении Обрыв (Обрыв-2) в 2016–2017 гг. археологами Донецкого Республиканского краеведческого музея были проведены раскопки и выявлен средневековый культурный слой, поврежденный в верхней части распашкой (но не столь сильно, как в Ляпинской балке). Наряду с материалом хазарского периода зафиксированы и золотоордынские находки: три хозяйственные ямы, а также остатки крупного наземного сооружения (4 x 6 метров в плане) с саманной или турлучной конструкцией стен. Среди находок — фрагменты керамики, обожженные кости животных. Очень интересны следы ремесленной деятельности на поселении: толченый шлак, крицы, выплески черного металла, обломки чугунных котлов (не менее 30 фрагментов, и это удивительно для небольшого селения) [234, с. 89–90].

Между Новоазовском и Ростовом на побережье Азовского моря в пределах России выявлен целый ряд поселений золотоордынского периода [235, с. 109–111; 236, с. 141]. По мнению И.В. Волкова, большинство этих селений были невелики и существовали они недолго (1240–1260-е гг.) [235,

с. 111]. Выше уже говорилось о попытках отождествления известных археологам прибрежных поселений периода Золотой Орды с топонимами портоланов. Такие попытки были предприняты в работах И.В. Волкова [235, с. 109–111], А.Ю. Гордеева [237, с. 191–207], А.В. Колесника [191, с. 262]. По привязке некоторых топонимов к современной карте мнения этих авторов совпадают, но много пока и расхождений. Вот что писала по этому поводу Л.И. Кучугура: «...чёткое отождествление данных портоланов и конкретных мест скопления археологических находок крайне осложнено неразработанностью методик и малым количеством археологических данных» [230, с. 18].

Западнее Мариуполя в прибрежной полосе Мангушского района по результатам разведок, аэрофотосъемки и анализа мест случайных находок золотоордынских древностей выделено несколько мест, где могут оказаться поселения. Западнее с. Огородное на правом берегу р. Сухая Белосарайка обнаружено несколько скоплений керамики, там же в 2012–2013 гг. находили монеты Золотой Орды, фрагменты чугунного котла и удила. Разведками выявлены возможные поселения этого периода в нескольких километрах к северу от сел Ялта, Юрьевка, Урзуф [230, с. 15]. Сведений о раскопках поселений в прибрежной полосе западнее Мариуполя в опубликованных источниках найти не удалось. Отчеты о разведках, подборный материал и случайные находки с этих потенциальных мест золотоордынских поселений находились в Мариупольском краеведческом музее, очень сильно пострадавшем весной 2022 г. в ходе СВО. Уцелели ли все эти материалы, пока неизвестно.

6.3. Погребения кочевников Золотой Орды в степях Северного Приазовья

Выделение из всего массива курганных захоронений кочевников X–XV вв. в наших степях именно тех погребений, которые относятся к периоду Золотой Орды, и сегодня является очень непростой задачей. При бедности инвентаря в погребении и отсутствии более или менее надежно датирующих предметов (монет, фрагментов чугунных котлов, специфических накопечников стрел, надгробий с надписями и других признаков мусульманской обрядности) осторожные и добросовестные авторы бывают вынуждены писать просто о погребении «поздних кочевников». Под это растяжимое (как в хронологическом, так и в этническом смысле) определение подходит кочевое население наших степей и до монгольского завоевания (кочевники салтово-маяцкой культуры, печенеги, торки, половцы), и степное население Улуса Джучи или Золотой Орды, но уже называемое «татарами».

Довольно долго историки и археологи пребывали в уверенности, что монгольское завоевание привело к смене кочевого населения в южнорусских

степях: половцы (куманы, кипчаки) были уничтожены, обращены в рабство или бежали, а их место заняли завоеватели-татары (монголо-татары). Основой этой версии событий явились, похоже, сообщения европейских путешественников П. Карпини (1245–1246 гг.) и Г. Рубрука (1253 г.), посетивших наши степи сразу после монгольского завоевания и написавших об уничтожении половцев и их бегстве от монголов [73, с. 72, 90, 104]. Но описывая незавидную судьбу половцев-команов, Плано Карпини там же отмечает: «Некоторые даже убежали от их лица, а другие обращены ими в рабство; однако весьма многие из бежавших возвращаются к ним (монголам)» [73, с. 72]. Более поздние (XIV в.) восточные авторы (ал-Омари, Рашид ад-Дин) рисуют картину полной ассимиляции немногочисленных завоевателей изначальным кочевым населением степей (кипчаками, половцами, команам). Причем многие кочевники теперь с гордостью именуют себя монголами или татарами, хотя и не имеют к последним никакого отношения [6, с. 235; 238, с. 102–103].

Под многолетними попытками археологов найти «татарские» курганы, якобы оставленные в наших степях монголо-татарами, «сменившими» там половцев, черту подвела статья Л.П. Зяблина в «Советской археологии» (1955 г.). Некоторые выводы этой статьи стоит процитировать: «В курганах поздних кочевников мы не имеем оснований видеть могилы татаро-монголов, завоевателей степей. Ни о каких «татарских курганах» речи быть не может. Это курганы тюркоязычных народов, как живших в наших европейских степях до татаро-монголов, так и пришедших, возможно, с ними в момент завоевания. Все они, пополнив тюркоязычное население степей, оставили в них свои могилы со своими формальными особенностями погребальных обычаев. Это объясняет пестроту различных деталей и увеличивает трудности изучения археологических кочевых памятников XIII–XIV вв.» [70, с. 96]. Более кратко сформулировал эту мысль Г.А. Федоров-Давыдов (1973 г.): население степей Золотой Орды — это те же половцы, печенеги и торки, но находящиеся в политической зависимости от золотоордынских ханов. Печенеги, торки, половцы и др., пройдя феодальную улусную систему в Золотой Орде, трансформировались в новые кочевые объединения XV–XVI вв. [4, с. 3–4]. Следует отметить, что не все специалисты принимают эти тезисы без существенных или формальных оговорок, смотри, например, статью А.Г. Юрченко (2007 г.) [239, с. 161–162].

По мнению Л.П. Зяблина, вклад монголов в археологическую культуру погребений кочевников периода Золотой Орды крайне невелик, монгольскими этническими признаками в погребальном инвентаре он считает только бокку (специфический головной убор замужних женщин) и особую форму «монгольского» седла [70, с. 95].

Несколько абстрагируясь от этнического смысла признаков в поздних кочевнических погребениях, которые были принесены в степи Восточной Европы (как с востока, так и с запада) в результате монгольского завоевания и образования Золотой Орды, Г.А. Федоров-Давыдов видит в них более признаки хронологические, указывающие на принадлежность погребения к IV (золотоордынскому) периоду поздних кочевников (вторая половина XIII в. — XIV в.) [61, с. 116]. К таким золотоордынским признакам он относит ту же бокку, литые чугунные котлы, некоторые типы удил, стремян, наконечников стрел, орнаментированные накладки на колчан, определенные типы кресал и зеркал, человеческие фигурки, вырезанные из медного или бронзового листа. На принадлежность к IV (золотоордынскому) периоду может указывать также заупокойная пища в виде части туши овцы в погребении. Более общими признаками, принесенными завоевателями с востока, являются, по Г.А. Федорову-Давыдову, северная ориентировка погребенного без коня, каменные выкладки над могилами и ямы с подбоями [61, с. 89, 116, 130]. По мнению Т.М. Потемкиной, основанному на анализе погребений в Прибайкалье и Забайкалье, на родине монголов, одним из главных «монгольских признаков» (т.е., признаков, принесенных с востока) погребений в степях Восточной Европы периода Золотой Орды является заупокойная пища в виде ноги овцы (или другой части ее туши) в изголовье [240, с. 144–151; 241, с. 335].

В золотоордынский период у кочевников наших степей возрастает количество погребений с монетами (до 15–20% от числа всех погребений, против 4% — в домонгольский период), но в женских погребениях монеты и кресала и тогда остаются крайне редкими находками [61, с. 214; 240, с. 336–337].

С принятием ислама в качестве официальной религии в Орде (в начале правления Узбека, 1314 г.) признаки мусульманской погребальной обрядности постепенно проявляются у ее населения (у знати и жителей городов — побыстрее, среди кочевого населения степей — гораздо медленнее). В XIV в. появляются в погребениях плиты-надгробия, над могилами знати сооружаются надгробные мусульманские памятники (мазары, кешене, мавзолеи). Подобные погребения уже трудно спутать с могилами домонгольского кочевого населения наших степей.

Выше уже говорилось о том, что после монгольского завоевания рядовые кочевники степей Восточной Европы были использованы в качестве «очень подходящего материала» для выстраивания улусной системы и комплектования войска в Улусе Джучи, они и стали основным степным населением Золотой Орды. В русском летописании домонгольского периода упомянуты имена десятков и десятков половецких правителей и аристократов (ханов, «князей и лучших людей»), игравших существенную роль в отношениях

Руси со Степью, а потому и попавших на страницы летописей. После монгольского завоевания в летописании упомянут только один половецкий аристократ — Тегак (в Ипатьевской летописи под 6761 (1253) г. [13, с. 559]). Он ушел из южнорусских степей и со своими половцами служил Даниилу Галицкому, «свату своему». Часть половецкой аристократии погибла в ходе завоевания, кто-то бежал из родных степей, кого-то вывезли в Центральную Азию монголы [238, с. 96]. Позднее уцелевшая половецкая аристократия вернулась и служила монгольским ханам в Улусе Джучи и Золотой Орде [92, с. 311–312], но при этом в ордынской иерархии она уже возвыситься никак не могла и никакой политической роли тогда не играла.

Упоминания о половецкой аристократии в золотоордынский период исчезли из письменных источников, но от нее остались богатейшие подкурганые погребения в степях между Днепром и Доном.

Самым впечатляющим половецким погребением времен Золотой Орды в Северном Приазовье безусловно является погребение в Чингульском кургане у с. Заможное в Токмакском районе Запорожской области, где слияние степных речек Чингул и Токмачка образуют р. Молочную. Погребение было открыто и исследовано в 1981 г. Запорожской экспедицией института археологии АН УССР под руководством В.В. Отрощенко [89, с. 14–35; 243, с. 301–302].

В качестве основы для половецкого подкурганного захоронения использован курган эпохи бронзы, который был досыпан и перестроен, так что высота половецкого погребального кургана № 5 перед раскопками составляла 5,8 м при диаметре 68 м. Вокруг могильной ямы захоронены пять взнузданных и оседланных коней в богатом убранстве. Погребение знатного половеца сопровождалось, по всей видимости, и человеческой жертвой. Покойный захоронен в деревянном гробовище на спине головой на запад, это был атлетически сложенный мужчина в возрасте 40–50 лет ростом около 180 см, скончавшийся, скорее всего, от ранения в теменную область головы. находки в погребении удивляют своим богатством и разнообразием (см. рис. 23). Покойный был одет в шелковый кафтан с золотым шитьем, подпоясан шелковой лентой и шелковым ремнем с пряжкой, два других шелковых пояса, украшенных серебром, лежали рядом; ноги погребенного связаны золотой цепочкой (обряд «обезвреживания» покойника?).

В правой руке погребенного находилась выпрямленная и превращенная в жезл золотая витая гривна, на пальцах рук — золотые перстни с самоцветами. Комплекс вооружения состоял из сабли, колчана со стрелами, лука (почти не сохранился), щита, железного позолоченного шлема с полумаской (рис. 23, поз. 1), свернутой железной кольчуги. Полностью боевое убранство «чингульского хана» представлено на рисунке-реконструкции (рис. 23, поз. 5). Из бытовых предметов найдены замечательные образцы позолоченной

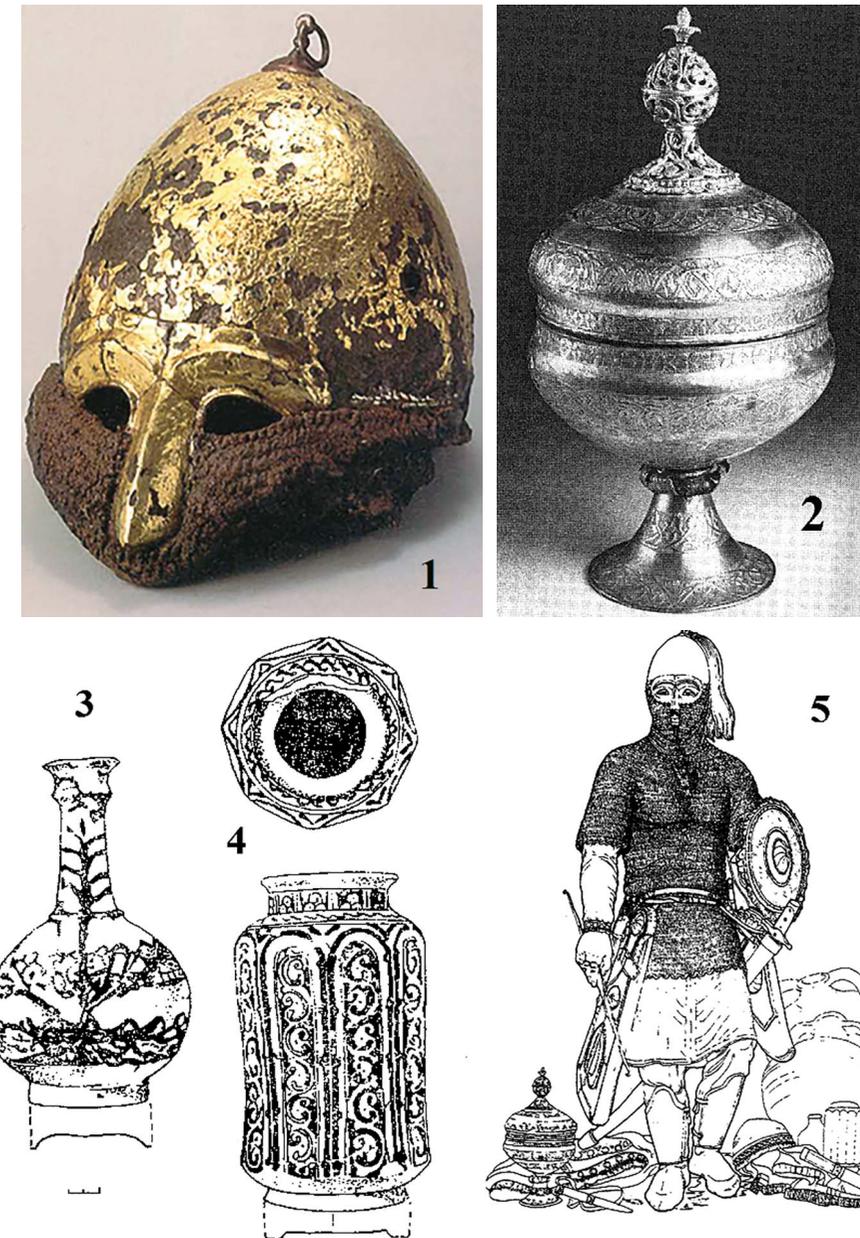

Рис. 23. Богатое половецкое погребение золотоордынского времени в Чингульском кургане у с. Заможное (Токмакский район Запорожской области): 1 — шлем [243, с. 416]; 2 — курильница [21, с. 84]; 3–4 — поливная посуда [89, с. 19]; 5 — убранство погребенного знатного половеца (реконструкция) [21, с. 84].
1 — железо, позолота; 2 — серебро, позолота

серебряной посуды (рис. 23, поз. 2), несколько ножей с богато украшенными резными ручками, прекрасная поливная посуда (рис. 23, поз. 3, 4), в том числе и аптечный сосуд-альбарелла сирийского происхождения (поз. 4). Обнаруженные в Чингульском кургане образцы дорогих тканей и фрагменты сохранившихся одежд указывают на Русь и Византию.

Весьма характерно, что, при наличии в погребении большого количества предметов из драгоценных металлов, монеты в нем отсутствуют, и датировать комплекс приходится по всей совокупности инвентаря. В коротком первоначальном сообщении об открытии Чингульского погребения (1983 г.) В.В. Отрошенко осторожно датирует погребение XII в. [242, с. 302]. Более полное изучение всего комплекса вещей и обряда погребения уже в публикации 1986 г. позволяет В.В. Отрошенко и Ю.А. Рассамакину обосновано отнести погребение к половецким памятникам и впервые называть датировку, соотносящуюся с ранним периодом Золотой Орды (Улуса Джучи) (вторая треть XIII в., 1240–1260-е гг.) [89, с. 35]. Запорожский археолог М.В. Ельников датирует в своих работах Чингульский комплекс несколько более поздним временем (70–90-е гг. XIII в.) [21, с. 82; 143, с. 138].

В настоящее время можно считать надежно установленным, что в Чингульском кургане погребен половец высокого социального ранга (возможно, бывший хан), и погребение это относится к раннему периоду Золотой Орды (середина — вторая половина XIII в.).

Отождествление погребенного в Чингульском кургане человека с известным из письменных источников половецким аристократом Тегаком [13, с. 559] так и остается не очень обоснованным допущением [21, с. 82; 89, с. 34]. Прочитав в связи с этим самих В.В. Отрошенко и Ю.А. Рассамакина: «Называя хана Тегака личностью, которая могла быть похоронена в Чингульском кургане, мы осознаем отсутствие прямых доказательств. Но с середины XIII в. нам практически неизвестны другие половецкие деятели» [89, с. 34]. Авторы сами осознают шаткость своего предположения: скудность информации письменных источников о «половецких делах» в середине XIII в. вынуждает их «искать не там, где потеряли» (среди канувших в Лету имен половецких ханов и аристократов того времени), «а там, где светло» (где Ипатьевская летопись донесла единственное имя).

Еще одно погребение знатного половецкого воина золотоордынского времени было открыто и исследовано Запорожской экспедицией в 1985 г. в кургане № 30 у с. Виноградное Токмацкого района Запорожской области [244, с. 207–230], это всего в 8 километрах к югу от Чингульского кургана. Автор публикации относит погребение к позднему периоду половецкой истории, который приходится уже на золотоордынское время, но датирующих джучидских монет в погребении еще нет [244, с. 222–226].

Близкое к Чингульскому комплексу по обряду и инвентарю (но не столь богатое) позднее воинское половецкое (или уже татарское?) погребение было исследовано в кургане № 3 у с. Радионовка в Акимовском районе Запорожской области (1982 г., раскопки А.И. Кубышева). При погребенном находился кожаный кошелек, а в нем — 32 золотоордынские монеты (серебро, чекан Крыма, 40-е гг. XIV в., есть надпечатки) [143, с. 138].

Рассмотрим теперь подкурганное погребение поздних кочевников на востоке Северного Приазовья (в пределах Донецкой области), относимые авторитетными специалистами (пусть и не всеми) к периоду Золотой Орды.

Здесь особый интерес представляет погребение знатной половчанки в кургане у с. Новоивановка в Амвросиевском районе Донецкой области в верховьях р. Сухой Еланчик [63, с. 425–427; 245, с. 307–318; 246, с. 93–98].

Это подкурганное погребение исследовано еще в октябре 1962 г. местным учителем С.Г. Колесниковым, все находки и описание погребения были направлены в Донецкий краеведческий музей, где находятся и поныне. Часть богатого инвентаря представлена на рис. 24. Материалы новоивановского погребения дважды публиковались М.Л. Швецовым: в 1974 г. [246] и в 2013 г. [245], и каждый раз автор датировал памятник традиционным позднеполовецким временем: концом XII — началом XIII вв. Лишь в резюме к статье 2013 г. верхняя хронологическая граница была расширена до середины XIII в., что уже подразумевает время существования ранней Золотой Орды (Улуса Джучи) [245, с. 318].

В круг золотоордынских половецких памятников погребение включено в сводной статье Э.Е. Кравченко (2015 г.) на основании анализа всего комплекса находок в погребении [63, с. 425, 427–428]. Знатная половчанка была похоронена в деревянном гробу вытянуто на спине, ориентация — головой на восток. Конский скелет захоронен несколько выше и поперек могильной ямы, найдены были стремя и удила. В правой руке покойной находился железный нож с резной костяной ручкой (рис. 24, поз. 6). У правой руки лежала выпрямленная в жезл серебряная гривна с позолотой (символ власти у половцев), вторая витая золотая гривна (рис. 24, поз. 1) покоилась на груди погребенной, голову ее украшала диадема-очелье, состоящая из полукольцевых желобчатых пластин золоченной меди, нашиваемых на тканевую основу. Украшения представлены двумя браслетами из темно-синего стекла и двумя браслетами, плетеными из серебряной проволоки. Есть золотое кольцо с гнездом для камня (рис. 24, поз. 3), два витых кольца из серебряной проволоки и золотой перстень-печатка с греческой надписью (рис. 24, поз. 4). Две составных золотых серьги с орнаментом из золотых нитей (рис. 24, поз. 2), как и надпись на перстне-печатке, могут указывать на принадлежность покойной к христианской вере (или, по крайней мере, о ее крещении). Красноглиняный кувшин-ойнохойя (поз. 5) и медный котел

Рис. 24. Женское половецкое погребение золотоордынского времени из кургана у с. Новоивановка (Амвросиевский район Донецкой области) [245, с. 307–318]: 1 — витая золотая гривна; 2 — составные золотые серьги; 3 — золотое кольцо; 4 — перстень-печатка (золото); 5 — ойнохойя (кувшин для розлива напитков); 6 — нож с костяной ручкой; 7 — цельный котел из медного листа

(поз. 7) с заупокойной пищей (мясом овцы) присущи погребениям половецкой знати. Монеты в погребении не обнаружены (их очень мало и в более поздних золотоордынских женских погребениях). Немного дали для уточнения датировки усилия по прочтению и интерпретации греческой надписи на перстне-печатке (кроме общего заключения о принадлежности перстня ко времени после монгольского нашествия в наших степях). В погребении были найдены также бронзовое зеркало, медный бубенчик-подвеска и круглая выпуклая линза из горного хрусталя с фрагментами оправы (вероятно, амулет, но нельзя исключать и какое-то ее утилитарное использование) [245, с. 308–315; 246, с. 95–97].

К золотоордынскому времени относится мужское воинское погребение 2 в кургане 2 у с. Самойловка Новоазовского района Донецкой области [63, с. 423, 430; 247, с. 241, 244–248, 255, 258]. Захоронение впущено в более ранний курган эпохи бронзы, часть находок из этого воинского погребения «степного рыцаря» представлена на рис. 25, разд. А. Сверху было уложено на боку чучело коня черепом на юго-запад. Ниже — два деревянных колеса повозки, перекрывающие яму с решетчатым гробовищем; покойный лежал вытянуто на спине головой на северо-восток. Он был одет в рубашку и шелковый халат, подпоясанный парчовым поясом, поверх надета кольчуга (рис. 25, А, поз. 2). У изголовья находился железный шлем (рис. 25, А, поз. 1), слева от покойного — однолезвийная сабля с фрагментом ножен (поз. 3–4) и остатки колчана из бересты с набором стрел (поз. 5–7), в том числе с бронебойными наконечниками и наконечником-срезнем (поз. 6). Из бытовых предметов найдены кресало и кремь (поз. 8–9), в ногах лежал красноглиняный кувшин (рис. 25, А, поз. 10) золотоордынского времени [247, с. 244–248].

В своей статье М.Л. Швецов по наконечникам стрел, кувшину и фрагменту золототканного пояса датировал погребение 50–60 гг. XIII в. [247, с. 255, 258], согласился с золотоордынской датировкой и Э.Е. Кравченко [63, с. 423].

В этой же курганной группе у с. Самойлово в кургане 3 выявлено разрушенное половецкое святилище домонгольского времени с каменной крепидой кургана и фрагментом половецкой «каменной бабы» [247, с. 251, 253–255, 257].

В 1992 г. А.В. Евглевский опубликовал по результатам раскопок Новостроечной экспедиции Донецкого университета (1978–1991 гг.) те погребения, которые можно обосновано отнести к периоду Золотой Орды [248, с. 107–116].

К Приазовью относится упомянутое в публикации погребение 3 в кургане 3 у с. Полковое Волновахского района (к югу от г. Волноваха, у дороги Донецк — Мариуполь) [248, с. 108–111]. Это женское погребение

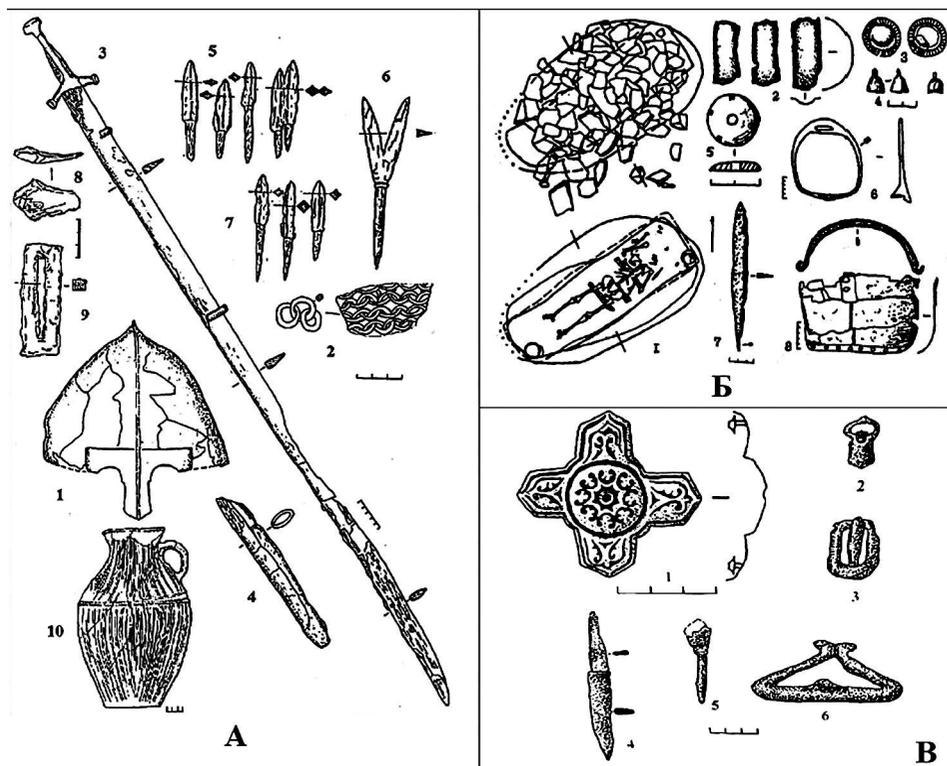

Рис. 25. Находки из курганных половецких погребений золотоордынского времени в Северном Приазовье [63, с. 414, 420, 423, 430].

А. Погребение 2 кургана 2 у с. Самойлово Новоазовского района [247, с. 241, 244–248]:

1 — шлем; 2 — фрагмент кольчуги; 3 — сабля; 4 — фрагмент ножен;
5, 7 — бронзобойные наконечники стрел, 6 — двурогий наконечник-срезень;
8 — кремь, 9 — кресало; 10 — кувшин.

Б. Погребение 3 кургана 3 у с. Полковое Волновахского района [248, с. 108–111]:

1 — схема погребения, 2 — бронзовые накладки, покрытые позолоченой фольгой;
3 — бронзовые нашивные розетки с позолоченой фольгой; 4 — серебряные колокольчики; 5 — костяная пуговица; 6 — стремя; 7 — железный нож; 8 — клепаный медный котел.

В. Погребение 1 кургана 6 в 2 км западнее г. Волноваха [249, с. 251–254]:

1 — сбруйная крестообразная бляха (бронза, чернь и золочение); 2 — пряжка лировидная (бронза); 3 — пряжка железная; 4 — нож; 5 — черешковый наконечник стрелы; 6 — кресало калачевидное

с каменным закладом было ограблено в древности, сохранившийся небогатый инвентарь предстален на рис. 25, разд. Б. Погребена знатная кочевница, но предметов из драгоценных металлов мало (серебряные бубенчики, поз. 4),

и ее высокий социальный статус подтверждает лишь клепаный медный котел с железной ручкой (рис. 25, разд. Б., поз 8). Могильная яма, ориентированная с северо-востока на юго-запад, почти до верха была заполнена обломками камней [248, с. 108–111].

На западной окраине г. Волноваха в 1986 г. были исследованы три позднекочевнических кургана (IV, V и VI), содержащих по одному погребению (раскопки В.Ф. Клименко) [249, с. 251–254; 250, с. 283–284]. Могильные ямы ориентированы по линии восток — запад. Все три кургана были ограблены в древности, из инвентаря уцелели сабля, оковка ножен, ножи, наконечники стрел, пряжки, фрагменты клепаного железного котла, крестообразная сбруйная бляха из кургана VI. Находки в курганах у Волновахи предварительно датированы XI–XII вв. [250, с. 283–284]. Часть инвентаря из кургана VI представлена на рис. 25, разд. В, поз. 1–6 [249, с. 253].

В.Ф. Клименко в своей публикации 2009 г. повторно относит находки из кургана VI к домонгольскому периоду (XI–XII вв.) [249, с. 254]. Тем не менее, курганы у Волновахи включены в перечень золотоордынских подкурганых памятников-погребений Донецкой области (конкретно — упомянуто погребение в кургане VI) [63, с. 414, 419–420]. Возможно, это сделано на основании находок 1986 г. из волновахских курганов IV и V (сабли, оковки ножен, фрагментов медного котла).

В Северном Приазовье обнаружено также два безкурганых погребения поздних кочевников, произведенные вне коллективных грунтовых могильников [64, с. 123–129; 251, с. 120–123].

Первое погребение в балке у с. Кировское на западе Волновахского района [64, с. 123–129] нами уже подробно рассмотрено в разделе 1.1 «Поход Джебей и Субедея. Битва на Калке». По нашему мнению, это воинское погребение было произведено в 1223 г. сразу после битвы на Калке. Обстановка после битвы не способствовала соблюдению подкурганного обряда, поэтому воин высокого ранга из числа половец или Черных Клобуков (союзников и вассалов Руси) был поспешно и скрытно захоронен на склоне балки.

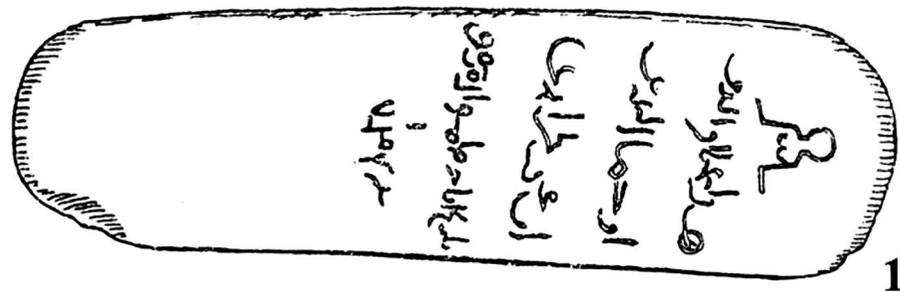
Второе бескурганное погребение, отнесенное к золотоордынскому времени, было исследовано в 1998 г. Н.С. Котовой и А.Н. Усачуком в Тельмановском районе Донецкой области в обрыве высокого правого берега р. Кальмиус, у выхода к реке балки Арген-Тарама, недалеко от поселения-кочевья Раздольное. Инвентарь и обряд погребения (кроме отсутствия кургана) довольно обычны для подкурганых погребений поздних кочевников в Северном Приазовье. Курганный насыпь отсутствовала, а следы коллективного грунтового могильника не были обнаружены ни в ходе раскопок, ни при осмотре местности год спустя [251, с. 120–123].

В XIV в. на могилах золотоордынской знати в степях между Днепром и Доном появляются плиты-надгробия с арабскими надписями, это уже

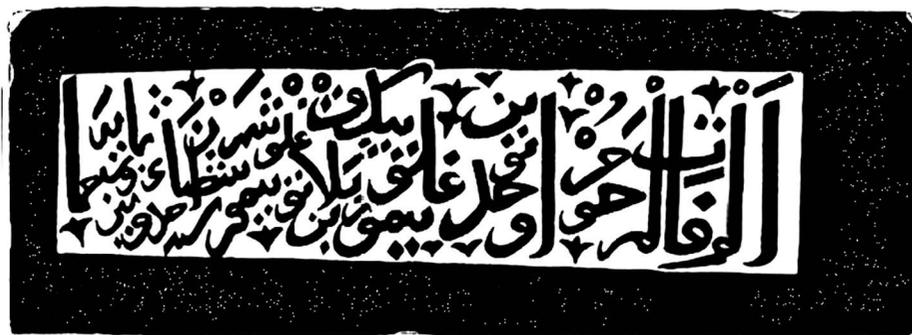
признак мусульманской погребальной обрядности. Найдено их к настоящему времени в этих местах совсем мало.

Древнейшую подобную находку на г. Кременец в г. Изюм зафиксировал Н.В. Сибилев в 1926 г. [252, с. 10, табл. XL, поз. 3]. Судя по надписи, плита-надгробие из обработанного местного светло-серого песчаника относится к 1334 г. (рис. 26, поз. 1). Текст надписи: «Велел сделать это Ала ад-Дин сын Джамал ад-Дина сына Али Тарази в день шавалля из месяцев 734 года хиджры». Во время Великой Отечественной войны сама плита, находившаяся в Изюмском краеведческом музее, была утрачена; сохранился только ее рисунок, выполненный Н.В. Сибилевым для 1-го выпуска «Древностей Изюмщины» в 1926 г. [63, с. 438].

Второе золотоордынское надгробье с надписью было найдено местным крестьянином около 1882 г. в окрестностях современного с. Гусельщикова

1

2

Рис. 26. Мусульманские плиты-надгробия золотоордынского времени (находки в степях между Днепром и Доном):

1 — на горе Кременец в г. Изюм на Северском Донце, $\frac{1}{4}$ нат. величины, 734 г. х. (1333/1334 г.) [252, с. 10, табл. XL, поз. 3];

2 — у с. Гусельщикова Новоазовского района Донецкой области, 781 г. х. (1379/1380 г.) [253, с. 490]

в Новоазовском районе Донецкой области (тогда — Таганрогский округ Области Войска Донского) в разрушенном погребении [253, с. 478–496]. Плита-надгробие из мрамора (рис. 26, поз. 2) толщиной 5,0–8,5 см, надпись выполнена на полосе 20 x 75 см путем углубления фона, в настоящее время она находится в Новочеркасском музее. Текст надписи (с учетом современных корректировок): «Погребение покойного единственного нойона Али Бека Тимура сына Али Булата Тимура. Месяца шабана года первого и восемьдесят и семьсот» (781 год хиджры — 1379/1380 г.).

В 1902 г. эта местность была обследована известным впоследствии историком и археологом А.А. Миллером, который обнаружил и нанес на план курганный могильник, где при добыче кирпича и камня местные жители и обнаружили плиту с надписью. На месте кургана А, откуда происходила плита, тогда уже осталась только большая яма. В соседнем кургане Б, по результатам раскопок А.А. Миллера, оказалось воинское погребение с мечом, но все находки — очень плохой сохранности.

Через много лет после А.А. Миллера (1875–1935) обозначенный им могильник в окрестностях с. Гусельщикова пытался, по его планам, найти В.М. Волков в 1987–1988 гг., но безуспешно. По мнению последнего, курганный могильник, откуда происходит плита-надгробие, должен располагаться где-то к западу от современного села Гусельщикова и к югу от Харцызской балки, в направлении нынешнего с. Патриотичное [253, с. 478–496].

6.4. Клады и случайные находки золотоордынского времени из Северного Приазовья

Степи Северного Приазовья, через которые проходили торговые и транспортные пути в период Золотой Орды, где состоялись многие военные столкновения и разворачивались бурные события ее истории, богаты на случайные находки и клады (как вещевые, так и монетные) этого времени.

Многие случайные находки были сделаны в первой половине XX в. Крестьянин в селе Ялта, готовя почву под посадку винограда, нашел в 1928 г. массивный литой чугунный котел (см. рис. 27, поз. 1), ни в самом котле, ни рядом с ним никаких предметов древности не оказалось. П.М. Пиневич, краевед и археолог, работавший тогда в Мариупольском музее, сделал достаточно хороший рисунок котла (он и представлен на поз. 1) для своего отчета за 1928 г. [36, с. Хв, табл. XXVI]. В этом отчете П.М. Пиневич отнес котел к древностям запорожского казачества («имеет сходство с запорожскими казанами»). В годы войны и немецкой оккупации котел был утрачен, остался только его рисунок. На основе сравнения рисунка с находками в Каракоруме (Монголия), котел из Ялты был отнесен к золотоордынскому времени (XIV в.), тем более, что ножка от подобного котла найдена на

Царином городище, известном памятнике этого периода в среднем течении Северского Донца [63, с. 431].

Железный налобник (деталь конского доспеха, см. рис. 27, поз. 2) был найден Г.Г. Афондиком где-то в окрестностях Мариуполя в 20-е гг. XX в. Налобник защищал спереди голову коня у «степных рыцарей» — тяжелой элитной конницы. Налобники известны из письменных источников [73, с. 50] и изображений на персидских миниатюрах, но редко встречаются при раскопках в археологическом материале [63, с. 428, 431]. До весны 2022 г. налобник находился в экспозиции Мариупольского краеведческого музея (МКМ), и уцелел ли он, пока неизвестно.

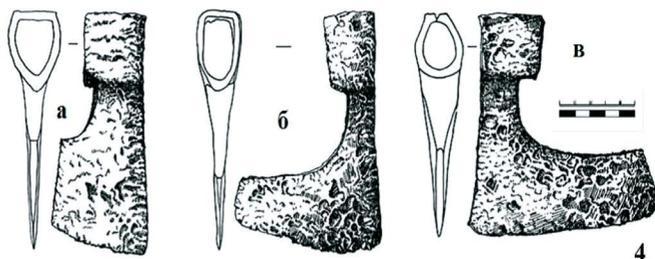
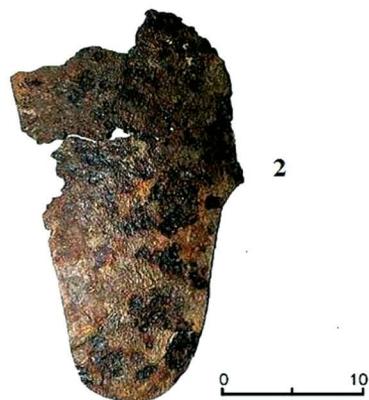
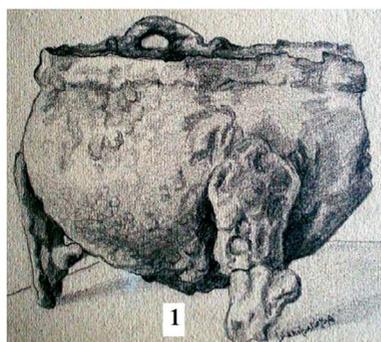

Рис. 27. Случайные находки золотоордынского времени из Северного Приазовья (в скобках указано место и время находок):
 1 — чугунный котел (с. Ялта, спуск к морю, 1928 г.) [36, с. X в, табл. XXVI; 63, с. 431];
 2 — налобник из конского доспеха (окрестности г. Мариуполя, 20-е гг. XX в.) [63, с. 428, 431];
 3 — амфора (окрестности г. Мариуполя, 20–30-е гг. XX в.) [63, с. 431, 433];
 4 — топоры из Северного Приазовья (а, б — Белосарайская коса, ур. Кучугуры, 1972 г.; в — пос. Талаковка, Новоазовский р-н, 70-е гг. XX в.) [63, с. 470; 254, с. 55–56, 208–209]

Неизвестна и судьба плоскодонной амфоры (рис. 27, поз. 3) золотоордынского времени из этого музея, найденной в 20–30-е гг. XX в. в окрестностях Мариуполя [63, с. 431, 433]. Такая тарная керамика свидетельствует о прохождении через Северное Приазовье торговых путей при Золотой Орде.

Есть надежда, что уцелело собрание железных топоров Мариупольского краеведческого музея (рис. 27, поз. 4). Им не так страшен пожар, да и особого внимания мародеров они обычно не привлекают. По мнению покойной Р.И. Саенко, эти топоры следует датировать XIV–XVI вв. Два топора (поз. 4а–4б) найдены в 1972 г. на Белосарайской косе в урочище Кучугуры, еще один (поз. 4в) — в 70-е гг. XX в. в пос. Талаковка (восточнее г. Мариуполя) [254, с. 55–56, 208–209].

Среди золотоордынских случайных находок, как обычно, много оружия (см. рис. 28). Разнообразные наконечники стрел, часто маркирующие места интенсивных боестолкновений, представлены экземплярами из Равнополя Волновахского района (рис. 28, поз. 1–2), Новокрасновки Володарского района (поз. 6), с Белосарайской косы (поз. 5), с территории Новоазовского района (поз. 3–4) [254, с. 58–59, 214–217]. Наконечники дротиков и копий золотоордынского времени встречаются среди случайных находок в Северном Приазовье реже, они представлены экземплярами из Новоазовска (поз. 7, 9) и с. Гусельшиково Новоазовского района (поз. 8) [254, с. 57–58, 212–215].

Обращает на себя внимание концентрация случайных находок периода Золотой Орды в районе Новоазовска, Белосарайской косы и вокруг Каменных Могил (Володарский и Розовский районы).

Гораздо больший интерес, чем невзрачные и малопонятные для неспециалистов случайные находки, вызывают у широкой общественности клады драгоценных вещей и золотоордынских монет.

Наиболее известен Бердянский клад из Северного Приазовья, находящийся сейчас в постоянной экспозиции Государственного Эрмитажа (С.-Петербург). Клад был найден в г. Бердянск в 1892 г. при земляных работах мещанами Н. Авилковым и Е. Линником, но обстоятельства и точное место находки неизвестны. В 1894 г. клад приобрела императорская археологическая комиссия и передала его в Эрмитаж [102, с. 10, 15, 17–18, табл. 77, 81, 101; 255, с. 42–43, 168–169; 256, с. 56]. Бердянский клад содержит вещи из позолоченного серебра: ковш из раковины, окованной серебром (рис. 29, поз. 1), верхнюю (поз. 2) и нижнюю оковки сосуда с туловом из кокосового ореха, две серебряные позолоченные чаши (поз. 4–5), свыше 70 накладных бляшек-украшений из серебра (поз. 6–8) и 10 серебряных слитков.

На круглом медальоне ковшика имеется армянская надпись «Шахук, раб Божий» вокруг изображения барана (рис. 29, поз. 1), сам медальон имитирует

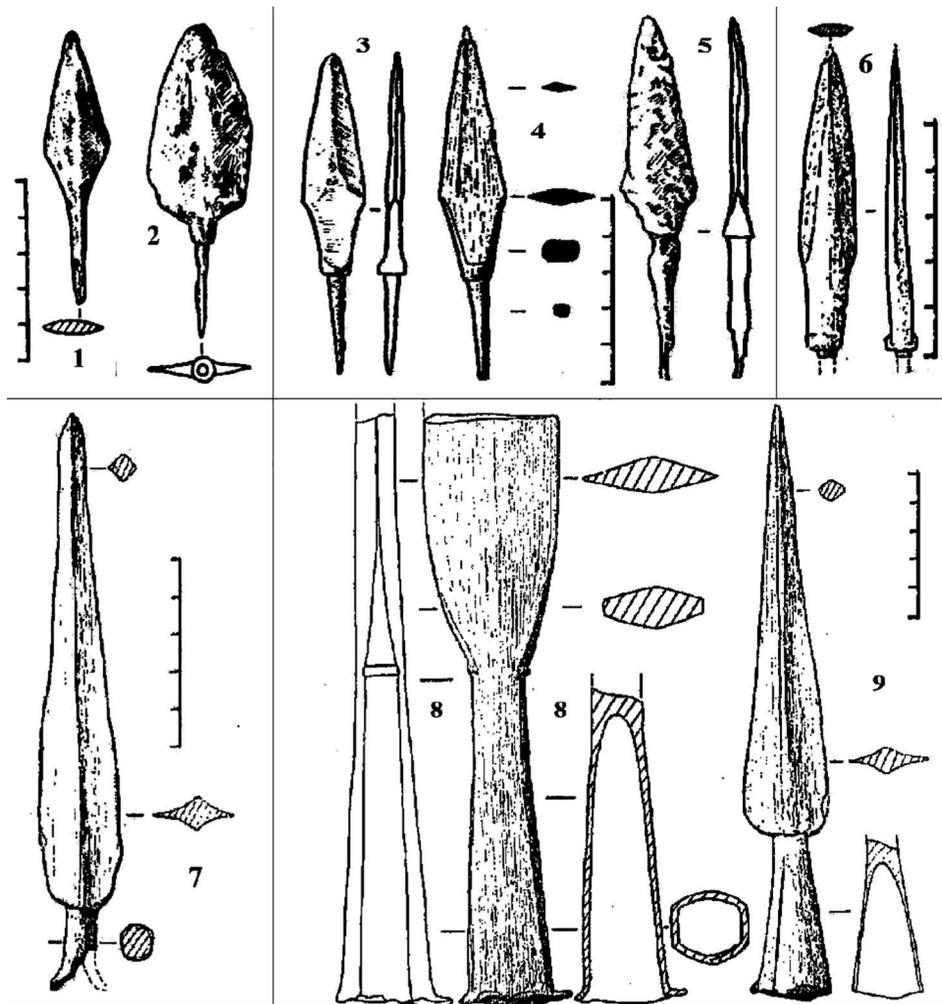

Рис. 28. Золотоордынские наконечники стрел (1–6), дротиков и копий (7–9) из Северного Приазовья:

- 1–2 — с. Равнополь Волновахского района (1990 г.) [254, № 374–375, с. 59, 216–217];
 3–4 — Новоазовский район (1971, 1982 гг.) [254, № 356–357, с. 58, 214–215];
 5 — Белосарайская коса (в ур. Кучугуры) [254, № 358, с. 58, 214–215];
 6 — с. Новокрасновка Володарского района (у Каменных Моги) [254, № 360, с. 58, 214–215];
 7 — пгт. Новоазовск (1971 г.) [254, № 350, с. 57, 212–213];
 8 — с. Гусельщиково Новоазовского района (1972 г.) [254, № 363, с. 58, 214–215];
 9 — пгт. Новоазовск (1972 г.) [254, № 364, с. 58, 214–215]

монеты Рубенидов, правителей Киликийской Армении (на их монетах в центре был лев, а не баран). На верхней оковке сосуда (горле) — нечитаемая

Рис. 29. Бердянский вещевой клад 1892 г. (серебро, позолота; вторая половина XIV в.):

- 1 — ковш из раковины, окован серебром, армянская надпись на медальоне с рисунком барана: «Шахук, раб Божий»;
 2 — верхняя оковка сосуда из кокосового ореха;
 3 — нечитаемая «арабская надпись» на сосуде; 4–5 — чаши; 6–8 — украшения.
 Государственный Эрмитаж
 [102, № 139, 140, 246, 247, с. 10, 15, 17–18, табл. 77, 81, 101]

художественная имитация (см. рис. 29, поз. 2–3) арабской надписи шрифтом «наск» XIII в. [256, с. 56]. Академик И.А. Орбели (1887–1961), известный востоковед и директор Эрмитажа, считал вещи Бердянского клада изготовленными в XIII в. в Киликийской Армении, государстве-вассале Ильханата Хулагидов, существовавшем в XIII–XIV вв. в Малой Азии (на востоке средиземноморского побережья современной Турции) [256, с. 56, 132, табл. 42].

Иной точки зрения придерживается в настоящее время М.Г. Крамаровский из Эрмитажа; по его мнению, вещи Бердянского клада «должно быть сделаны в одном из городских центров Северного Причерноморья, скорее всего в Крыму, на рубеже XIV–XV вв. По-видимому, вещи клада принадлежали человеку среднего достатка, возможно, судя по надписи на жетоне ковша, местному армянину, как-то связанному с родственной общиной неблизкой Киликии» [257].

Наиболее вероятным временем заложения этого клада следует считать вторую половину — конец XIV в., возможно, заложение было связано с бурными событиями периода «замятни великой» в Орде или с походом Тимура 1395 г.

Довольно много найдено в Северном Приазовье и кладов монет золотоордынского времени. Состояли такие клады, как правило, из серебряных дирхемов. Разменная медная монета (пулы) имела местное «хождение», как средство накопления не использовалась и в составе кладов оказывалась редко. Большинство найденных пулов — это отдельные монеты, утерянные владельцами, или «оболы мертвых» в погребениях. Такое название монет в погребениях восходит еще к античной традиции снабжать покойного несколькими мелкими монетами (у греков и римлян — для платы Харону за переправу через реку Стикс (Лету) в «Царство мертвых»).

Есть все основания сомневаться в «среднем достатке» человека, спрятавшего такое количество дорогой посуды и украшений, а главное — десятков слитков серебра.

По мнению М.В. Ельникова, Бердянский клад является свидетельством существования в XIV в. караванного пути из Хорезма в Крым северным берегом Азовского моря [258, с. 60].

Выделяется своим размером Екатеринославский клад из Северного Приазовья, найденный в августе 1851 г., в нем оказалось 14350 серебряных монет (в основном, Золотой Орды) общим весом более пуда. Описание клада опубликовано в монографии П.С. Савельева в 1857 г. [259]. Монеты находились в красноглиняном горшке типичного для золотоордынского времени вида, высотой «в 9 вершков». Клад был найден в Александровском уезде Екатеринославской губернии в 13 верстах от казенного поселения Воскресенка и в 3 верстах от еврейской колонии № 4, в одном из трех небольших курганов, именуемых «гайчурскими». Получив в декабре 1851 г. сообщение новороссийского генерал-губернатора о находке и запросив мнение специалистов, министр внутренних дел граф Л.А. Перовский распорядился немедленно доставить клад «в его целости», включая обломки горшка, в С.-Петербург. Так Екатеринославский клад оказался в столице, а крестьяне-находчики получили из казначейства более тысячи рублей серебром (огромную, по тем временам, сумму) [259, с. 8–11].

Описание места находки в монографии П.С. Савельева для середины XIX в. было точным, понятным и не допускающим никаких двойных толкований. Прошло 100 лет, по бывшим землям Екатеринославщины прокатились несколько волн переименований и изменений административно-территориального деления, забыта была нумерация поселений-колоний, да еще и село Воскресенка оказалось на Екатеринославщине не одно. В опубликованных работах стали накапливаться разночтения в локализации Екатеринославского клада, на что обратил внимание запорожский археолог М.В. Ельников. Его статья 2002 г. [260, с. 66–69] позволила, наконец, надежно «привязать» место находки этого клада к современной карте. Клад был зарыт в одной из насыпей курганной группы Могила Острая на восточном берегу р. Гайчур в 3,2 км к востоку-юго-востоку от современного с. Межирич Пологовского района Запорожской области [260, с. 67].

Монеты Екатеринославского клада охватывают период с 1317 по 1394 г., причем 13700 шт. (из общего числа 14350 монет) относятся к правлению Токтамыша, и около 8000 монет Токтамыша отчеканены в Закавказье. Содержал клад и некоторое количество монет предшествующих правителей Золотой Орды: Узбека (25 шт.), Джанибека (64 шт.), Бердибека (37 шт.), Хызра (22 шт.), Абдуллаха (22 шт.) и Мухаммед-Булака (32 шт.). Екатеринославский клад позволил историкам установить ранее неизвестные имена правителей и новые места чекана монет [259, с. 8–12].

По «младшей монете» клада (1393/1394 г.) логично связать его укрытие с походом Тимура против Токтамыша (1395–1396 гг.). Токтамыш, совершивший перед этим поход в Закавказье (отсюда большой массив закавказских монет), был разгромлен в апреле 1395 г. Тимуром на Тереке, и на Золотую Орду обрушился удар Тимура, обративший в пепел города и селения ее западной части.

Еще несколько монетных золотоордынских кладов было найдено в западной части Северного Приазовья.

Довольно крупный клад нашли в 1888 г. в Мелитопольском уезде Таврической губернии. По отчету императорской археологической комиссии за 1888 г. там было найдено почти 6400 серебряных монет Золотой Орды [261, с. СССXXXIV (334)]. С местом находки есть определенные трудности, вот что указал по месту Г.А. Федоров-Давыдов: «120. С. Веселое Мелитопольского уезда. 1888. В местечке Ташенок найден клад из 5542 серебряных монет» [262, с. 151–152]. Никакого «местечка Ташенок» в Мелитопольском уезде в это время не было. Был железнодорожный полустанок Ташенак по Лозово-Севастопольской дороге южнее Мелитополя, у моста через речку Ташенак (сейчас — станция Ташенак Запорожской дирекции Приднепровской железной дороги). В 7 верстах к югу от полустанка Ташенак на старой почтовой дороге в Крым находился тогда хутор

Ташенак, принадлежавший меннониту Корнису, с образцовой экономией по овцеводству, хлебопашеству и садоводству, которую основал еще его отец И. Корнис (сейчас. — село Ташенак (Садовое) Мелитопольского района Запорожской области). Волостное с. Веселое (на 1889 г.— 810 дворов, 5082 жителя) располагалось далеко от этих мест, почти в 40 верстах к северо-западу, близ верховой балки Ташенак [263; 264, с. 223; 265, прилож. VI, с. 9]. Таким образом, никакой более или менее точной локализации клада № 120 по Г.А. Федорову-Давыдову [262, с. 151–152] не получается. Либо у него допущена какая-то неточность, либо в 1888 г. в Мелитопольском уезде нашли 2 клада, и места их находок отстояли друг от друга почти на 40 верст. Клад № 120 у с. Веселое датирован в работе [262, с. 110] в пределах 70-х гг. XIV в.

В 1889 г. был найден клад в с. Кизияр Мелитопольского уезда, состоявший из 64 золотоордынских серебряных монет [266, с. 95, 124–125]. Этот клад (№ 121 по Г.А. Федорову-Давыдову) относится к 70-м гг. XIV в., почти 80% его монет отчеканено в правление Мухаммед-Булака в Орде [262, с. 110]. Село Кизияр в настоящее время как отдельный населенный пункт не существует, оно вошло в черту г. Мелитополь.

В Северном Приазовье на территориях от Бердянска до Таганрога находили (и находят) отдельные золотоордынские монеты и небольшие «коллекции» из них в подборном материале с разрушенных или размытых морем погребений и поселений [63, с. 433–434; 230, с. 16], чаще всего такие находки оседают в частных собраниях.

Таким образом, Северное Приазовье достаточно богато на различные случайные находки и даже клады периода Золотой Орды. Подавляющее большинство этих находок датируются второй половиной XIV в., когда плотность населения и интенсивность использования торговых путей, проходящих через наши степи, достигли своего максимума.

Заключение

Битва на Калке, предшествовавшая монгольским завоеваниям, состоялась в Северном Приазовье 31 мая (по «старому стилю» или юлианскому календарю) 1223 г. Упомянутые в русском летописании «речки Каль» — это Кальмиус и его притоки, возможно, к «Калам» относили в XIII в. и р. Каратыш (правый приток Берды). На основании анализа письменных источников можно утверждать, что битва состоялась где-то западнее р. Мокрый Еланчик.

Точное место битвы определить пока не представляется возможным. Между Бердой и Кальмиусом имеются три наиболее перспективных места: Каменные Могилы и верховья Кальчика (южнее пос. Розовка), Могила-Серединовка (к востоку от пгт Володарское) и долина р. Кальмиус у с. Гранитное. По каждому из этих мест есть свои аргументы «за» и «против», но ни письменные источники, ни скудный археологический материал не позволяют сегодня сделать окончательный выбор.

Захват монголами западной части Дешт-и-Кипчак (Половецкого поля, включавшего и Северное Приазовье) скупо освещен письменными источниками. Анализ последовательности событий позволяет отнести его к хронологическому промежутку лето 1238 – конец 1239 г. К исходу 1239 г. монгольские тумыны пришли в Крым, в последних числах декабря этого года монголы появились у Судака. Хан Котян с половцами ушел в Венгрию еще осенью 1239 г. В Северном Приазовье не было укрепленных городов, требовавших концентрации сил и осады, и монголы просто прошли через него «облавой» или отдельными отрядами.

О возвращении Батыя зимой 1242/1243 гг. из Западного похода «в Татарию» через степи Северного Приазовья свидетельствуют письменные источники, есть тому и определенные археологические подтверждения.

С этого времени Северное Приазовье вошло в Улус Джучи, составную часть Монгольской империи. В ее улусную систему было включено оставшееся там население (половцы, печенеги, торки, асы, болгары) и пришедшие с монголами кочевники. Позднее в родные степи вернулась и уцелевшая часть половецкой знати, потерявшая политическую власть, но сохранившая какую-то долю своего имущества, о чем свидетельствуют ее богатые погребения.

В 1253 г. степи Северного Приазовья пересек Г. Рубрук, проследовавший из Крыма к переправе в низовьях Дона, где он отметил оседлое поселение русских перевозчиков. По информации П. Карпини, в середине XIII в. степи от Днепра до Дона (включая Северное Приазовье) были территорией кочевания (юртом) Мауцы (Мовала, Могола, Могучея), вероятно, брата Бату. Личные владения (домен) Бату простирались вдоль Волги на север до

Волжской Булгарии. В низовьях Волги Бату разместил свою ставку, из которой вырос г. Сарай, первая столица Улуса Джучи (Селитренное городище у Астрахани).

В первые десятилетия Улуса Джучи на востоке Северного Приазовья (от Новоазовска до устья Дона) отмечено недолгое существование небольших поселений (1240–1260-е гг.). В эти же годы из поселения оседлого населения в южной части донской дельты вырастает г. Азак, а расположенная в нем колония Тана, где торговали венецианцы и генуэзцы, впервые упомянута в 1269 г. Все более важную роль играл ямской путь, который связывал через Северное Приазовье Азак и Поволжье с Крымом.

Северное Приазовье было в те времена кочевой степью с редким и бедным населением, практически не знавшим денежного обращения. В местах, где кочевники останавливались неоднократно, из сезона в сезон, формировались археологические памятники типа стойбищ, зимовников, поселений-кочевий.

После смерти Бату (около 1255 г.) в правления Берке (1258–1266) и Менгу-Тимура (1267–1282) Улус Джучи становится все более независимым от Монгольской империи. Формальное признание независимости Улуса Джучи от империи последовало в 1269 г., с этого времени мы с полным правом можем именовать его Золотой Ордой.

Смутные времена наступили в Орде в правление Токты (1291–1312), и связаны они были с Ногаем, возможным потомком Мауцы (Мовала), ставшим беклярибеком еще при Берке и пользовавшимся позднее огромной властью и влиянием на западе Золотой Орды. Первое сражение с Ногаем, состоявшееся в 1298 г. на правом берегу Дона у впадения в него р. Аксай (у современного г. Новочеркасск), Токта проиграл. После этого власть Ногая распространилась и на Левобережье Днепра (включая Северное Приазовье), и на степи Северного Крыма, однако уже в 1300 г. войско Ногая было разгромлено, а сам он убит. Токте удалось восстановить единство Золотой Орды.

Правление Узбека (1313–1341) считается временем расцвета Золотой Орды и пиком ее могущества. Строились города, процветала торговля, столицей государства теперь уже был Сарай ал-Джедид (сейчас — Царево городище в Ленинском районе Волгоградской области). В 1314 г. ислам был принят в Орде в качестве государственной религии. Все эти эпохальные события очень мало изменили кочевую жизнь в Северном Приазовье. В 1334 г. через эти степи проехал на арбе из Крыма в Азак Ибн Баттута, но ничего примечательного о них не записал.

Парадоксально, но жизнь в Северном Приазовье оживилась из-за бедствий и смуты, постигших Золотую Орду в правления Джанибека (1342–1357), Бердибека (1357–1359) и в период «замятни великой», начавшейся после смерти последнего.

Сначала разразившаяся в Орде в 1346 г. эпидемия чумы привела к оттоку населения из густонаселенного Поволжья в полупустыне прежде степи Северного Приазовья и Низовья Днепра.

Со смертью Бердибека верховной власти в Золотой Орде не стало, Сарай и все Поволжье превратились в арену ожесточенной политической и военной борьбы за власть, в которой приняли участие не только потомки Джучи и Бату, но и другие чингизиды. В первые годы «замятни» выделился «темник» (позднее — беклярибек) Мамай. Не будучи чингизидом, сам он претендовать на трон не мог, но был влиятелен среди придворной знати и женат на дочери Бердибека. Удержаться в Сарае Мамай не смог и ушел в Крым с поддерживающей его знатью и родственниками Бердибека. Мамай фактически стал полновластным хозяином в Крыму, на Нижнем Днестре, в Подонье и Приазовье. Эти места были мирной территорией, куда уходили и знать, и простые кочевники, и городское население из охваченного междоусобной войной Поволжья. Мир здесь, конечно, был относительным (рядом в низовьях Волги сидел враждебный Хаджи-Черкес, шла борьба с ним за Азак). Мамай старался наладить управление «уделом» через своих ставленников-ханов, оживить торговлю и денежное обращение, умножить улусное население.

В низовьях Днепра (ниже порогов) вдоль его левого берега отмечен ряд золотоордынских городов (городища Веселое, Кучугурское, Каменское и Знаменское), датируемых второй половиной XIV в.

Несколько восточнее Днепра, на р. Конка, есть золотоордынское городище Конские Воды, также датированное второй половиной XIV в. С определенными оговорками, существовавший там город можно отнести к территории Северного Приазовья. К сожалению, пока так и не получило надежного подтверждения наличие у с. Старая Ласпа Тельмановского района золотоордынского городища с укреплениями, можно лишь констатировать факт наличия там золотоордынской керамики.

Из постоянных селений периода Золотой Орды в Северном Приазовье известны и изучены археологически поселение Ляпинская балка и связанный с ним одноименный грунтовый могильник (на восточной окраине Мариуполя), а также поселение Обрыв на Кривой косе в Новоазовском районе. Оба этих памятника датированы второй половиной XIV в.

1379–1380 гг. стали периодом последних успехов Мамаея: он подчинил Северный Кавказ и Астраханский улус Хаджи-Черкеса. Летом 1380 г. Мамай начал свой поход на Русь, завершившийся его разгромом в Куликовской битве (8 сентября 1380 г.).

Восточные хронисты не упоминали о Куликовской битве, относя ее к междуулусным разборкам, но поражение Мамаея значительно облегчило путь Токтамышу к вершинам власти в Золотой Орде. В 1380 г. Токтамыш

(потомок Тука-Тимура, сына Джучи) утвердился на троне в Сарае. Многие годы его поддерживал мугушественный среднеазиатский правитель Тимур (Тамерлан). Токтамыш завоевал улус Хаджи-Черкеса в Астрахани и выступил против Мамаю, только что вернувшегося с малыми силами после разгрома на Куликовом поле. Столкновение Мамаю с Токтамышем произошло в Северном Приазовье «на Калках» осенью 1380 г., после чего Мамаю бежал в Крым, где и был вскоре убит в Каффе.

Бывший «удел» Мамаю перешел под контроль Токтамыша, но маловероятно, чтобы новая власть занялась там уничтожением существовавших городов и поселений, хотя насильственное перемещение какой-то части населения в другие регионы Золотой Орды исключать нельзя. Северное Приазовье потеряло свое значение «мирного острова», расположенного рядом с «личным доменом» Мамаю на Нижнем Днепре и в Крыму.

В 80-е гг. XIV в. начались конфликты и войны Токтамыша с Тимуром, которые, возможно, инициировал эмир Идигу (Едигей), входивший в ближайшее окружение Токтамыша, но позднее бежавший к Тимуру. Первый поход Тимура против Золотой Орды завершился 18 июня 1391 г. сражением на р. Кундурче (левом притоке Волги), в котором Токтамыш был полностью разгромлен. Тимур вернулся в Самарканд, и большого ущерба тогда Золотая Орда не потерпела. Роковым стал для западной части Орды второй поход Тимура (1395–1396 гг.): золотоордынские города в низовьях Днепра и на Конке были уничтожены, погиб Азак, возможно, такая же судьба постигла и поселения в Северном Приазовье.

Восстановить все это было невозможно, фактически центральная власть в Золотой Орде уже отсутствовала. В Крыму ханом провозгласили Таш-Тимура (потомка сына Джучи Тука-Тимура), Едигей властвовал за Яиком (р. Урал), Кутлуг-Тимур — в низовьях Волги в Хаджитархане (Астрахани). Власть над Крымским улусом ненадолго вернул Токтамыш, но его вытеснили из Крыма Кутлуг-Тимур и Едигей. Токтамыш был вынужден в 1397 г. бежать к Витовту.

В середине августа 1399 г. Витовт и Токтамыш потерпели сокрушительное поражение в битве на р. Ворскла от Тимур-Кутлуга и Едигея. Экспансия Литвы на юго-запад была остановлена, Токтамыш бежал в Сибирь, где и был убит в 1406 г. Тимур-Кутлуг умер в 1399 г., Едигей погиб в 1419 г. в борьбе с потомками Токтамыша.

История XV в. — это уже история существования и взаимной борьбы постордынских государственных формирований: Крымского ханства, Большой Орды, Казанского и Астраханского ханств.

Большая Орда кочевала севернее и восточнее Северного Приазовья. Задолго до победы Крымского ханства над Большой Ордой в 1502 г., северный берег Азовского моря уже контролировался Крымом. После 1475 г.,

когда Крымское ханство стало вассалом Османской империи, такой контроль стал еще более важным. Через Северное Приазовье пролегал путь по суше из Крыма в Азак — северо-восточный форпост Османской империи в Причерноморье. Крымское ханство полностью контролировало Приазовье до азовских походов Петра I.

Нет сомнений, что венецианцы и генуэзцы в XIII–XIV вв. эпизодически посещали северный берег Азовского моря и вели там торговлю, но, несмотря на многолетние поиски, следы их постоянных поселений-колоний в Северном Приазовье пока не обнаружены.

Источники и литература

1. Тарасенко, Е.Н. Окрестности Розовки до монгольского нашествия. Исторический очерк / Е.Н. Тарасенко. — Мариуполь: СВБ-ЛЮКС, 2012. — 202 с.
2. Мэн-да бэй-лу (Полное описание монголо-татар) / Пер. с кит., введ., коммент. и прил. Н.Ц. Мункуева. — М.: Наука, 1975. — 286 с.
3. Владимирцов, Б.В. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм / Б.В. Владимирцов. — Л.: Изд-во АН СССР, 1934. — 223 с.
4. Федоров-Давыдов, Г.А. Общественный строй Золотой Орды / Г.А. Федоров-Давыдов. — М.: Изд-во Московского университета, 1973. — 180 с.
5. Богуславский, Г.С. Эпоха Улуса Джучи в северо-западном Причерноморье и город Акджа Керман / Г.С. Богуславский // Генуэзская Газария и Золотая Орда / отв. ред. С.Г. Бочаров. — Кишинев: Stratum plus, 2015. — С. 559–569.
6. Тизенгаузен, В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских / В.Г. Тизенгаузен. — СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1884. — 563 с.
7. Крамаровский, В.Г. Улус Джучи (1207–1502). Заметки о культуре Дешт-и-Кипчак в эпоху Чингизидов / В.Г. Крамаровский // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 6. Золотоордынское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. — Донецк: ДонНУ, 2008. — С. 9–16.
8. Трепавлов, В.В. Степные империи Евразии: монголы и татары / В.В. Трепавлов. — М.: Квадрига, 2019. — 368 с.
9. Храпачевский, Р.П. Военная держава Чингиз-хана / Р.П. Храпачевский. — М.: АСТ ЛЮКС, 2005. — 557 с.
10. Тихвинский, С.Л. Монголо-татарские завоевания в Азии и Европе / С.Л. Тихвинский // Татаро-монголы в Европе и Азии: сб. научн. тр. — М.: Наука, 1977. — С. 3–22.
11. Галстян, А. Завоевание Армении монгольскими войсками / А. Галстян // Татаро-монголы в Европе и Азии: сб. научн. тр. — М.: Наука, 1977. — С. 166–185.
12. Архимандрит Антонин (Капустин А.И.). Заметки XII–XV века, касающиеся к крымскому городу Сугдее (Судаку), приписанные на греческом Синаксаре / А.И. Капустин // Записки Одесского общества истории и древностей (далее, ЗООИД) — 1863. — Т. V. — С. 595–628
13. Полное собрание русских летописей (далее, ПСРЛ). Т. 2. Ипатьевская летопись. — СПб.: Тип. М.А. Александрова, — 1908. — 638 с.
14. Новгородская первая летопись младшего и старшего изводов. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — 568 с.
15. Тельнов, Н.П. «И ... разошлись славяне по земле». Из истории Карпато-Днестровских земель VI–XIII вв. / Н.П. Тельнов, В.П. Степанов, Н.Д. Руссов, Р.А. Рабинович. — Кишинев: Высшая антропологическая школа, 2002. — 238 с. [Электронный ресурс]. URL: http://paracom.narod.ru/articles/rabinovich_berladniki.htm (Дата обращения: 19.01.2022).
16. Багрянородный, Константин. Об управлении империей / Константин Багрянородный. — М.: Наука, 1991. — 493 с.
17. ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. — Л.: Изд-во АН СССР, 1926–1928. — 379 с.
18. Мавродин, В.В. Начало мореходства на Руси / В.В. Мавродин. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1949. — 148 с.
19. Эварницкий, Д.И. История запорожских казаков. Т. 2 / Д.И. Эварницкий. — СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1895. — 624 с.
20. Шаповалов, Г.И. Исследования ЭПАР (Экспедиции подводных археологических работ) в 1992 году / Г.И. Шаповалов, Г.И. Нефедов // Археологические исследования на Украине в 1992 году. — К.: Институт археологии НАН Украины, Запорожский ГУ, 1993. — С. 141–142.
21. Ельников, М.В. Золотоордынские времена на украинских землях / М.В. Ельников. — К.: Наш час, 2008. — 176 с. (на украинском языке).
22. Ширяев, А.Г. О месте гибели Святослава Игоревича / А.Г. Ширяев // Музейный вестник. Запорожье. — 2007. — № 7. — С. 58–61.
23. ПСРЛ. Т. 10. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. — СПб.: Тип. МВД, 1885. — 244 с.
24. ПСРЛ. Т. 5. Софийская I летопись. — Л.: Изд-во Российской академии наук, 1925. — 240 с.
25. Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / И.И. Срезневский. — СПб.: Тип. императорской академии наук. Т. 2: П–П. — 1902. — 1802 с.
26. Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / И.И. Срезневский. — СПб.: Тип. императорской академии наук. Т. 1: А–К. — 1893. — 1420 с.
27. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением императорской Академии Наук. — СПб.: Тип. императорской академии наук. Т. 2: З–Н. — 1847. — 471 с.
28. Золотая Орда в источниках: В 5 т. — М.: Центр по изучению военной и общей истории, 2009. — Т. 3: Китайские и монгольские источники / Пер. Р.П. Храпачевского. — 334 с.
29. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением императорской Академии Наук. — СПб.: Тип. императорской академии наук, Т. 3: О–П. — 1847. — 389 с.
30. Бубенок, О.Б. Особенности политического строя объединений номадов Северного Причерноморья в период между экспансиями гуннов и монголов (VI — начало XIII в.) / О.Б. Бубенок // Украина в Центрально-Восточной Европе. — 2006. — № 6. — С. 86–133.
31. Тарасенко, Е.Н. Случайные находки салтово-маяцкой культуры из окрестностей заповедника «Каменные Могилы» / Е.Н. Тарасенко // Материалы по истории и археологии античного и средневекового Крыма (МАИАСК). — 2015. — Вып. 7. — С. 71–86.

32. ПСРЛ. Т. 15. Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. — СПб. : Тип. Л. Демиса. — 1863. — 504 с.
33. ПСРЛ. Т. 7. Летопись по Воскресенскому списку. — СПб. : Тип. Э. Праца, 1856. — 345 с.
34. Васильев, Д.В. Город Саксин: местоположение и население (по письменным источникам и материалам Самосдельского городища) / Д.В. Васильев. — Ученые записки Казанского университета. — 2015. — Т. 157. Кн. 3. Гуманитарные науки. — С. 12–24.
35. Бранденбург, Н.Е. Журнал раскопок. 1888–1902 гг.: Работы в губерниях: Киевской, Полтавской, Харьковской, Каменец-Подольской, Екатеринославской, Таврической, Черниговской, Могилевской, Новгородской, Смоленской и в Области Войска Донского / Н.Е. Бранденбург. — СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1908. — VII, 223 с
36. Пиневиц, П.М. Археологические обследования на Мариупольщине и археологические раскопки. 1928 год / П.М. Пиневиц. — Научный архив Института археологии НАН Украины. Фонд ВУАК № 202/26.
37. Кудряшов, К.В. О местоположении реки Калки / К.В. Кудряшов // Вопросы истории. — 1954. — № 9. — С 118 —119.
38. Бабич, И.Ф., Лукаш, И.М., Миелис, А.П. Ставничий, А.С. Розовка / История городов и сел Украинской ССР: В 26 т. Запорожская область // Гл. ред. тома В.И. Петрикин. — Киев: Главная редакция Украинской Советской Энциклопедии АН УССР, 1970. — 790 с.
39. Кудряшов, К.В. Половецкая степь. Очерки исторической географии / К.В. Кудряшов. — М.: ОГИЗ-Географгиз, 1948. — 171 с.
40. Похлебкин, В.В. Татары и Русь : Справочник / В.В. Похлебкин. — М.: Международные отношения, 2000. — 189 с.
41. Тараненко, Д.И. аметки по топонимике Северного Приазовья / Д.И. Тараненко // Донецкий археологический сборник. Вып. 3. — Донецк : Аверс, 1993. С. 165–172.
42. Отин, Е.С. Гидронимия Юговосточной Украины: автореф. дис. ... докт. филолог. наук (10.02.19 — общее языкознание). — Киев: [б. и], 1974. — 44 с.
43. Отин, Е.С. Топонимический аспект одного события древнерусской истории / Е.С. Отин // Избранные работы. — Донецк: Донеччина, 1997. — С. 431–438 (на украинском языке).
44. ПСРЛ. Т. 26. Вологодско-пермская летопись. — М. ; Л. : Наука, 1959. — 412 с.
45. ПСРЛ. Т. 33. Холмогорская летопись. Двинский летописец. — Л. : Наука, — 1977. — 249 с.
46. Софийский Временник, или Русская летопись с 862 по 1534 г. — М. : П. Строев, Типография С. Селивановского, Ч. 1. — 1820. — 456 с.
47. Книга Большому Чертежу. — М. ; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — 229 с.

48. Магидович, И.П. Очерки по истории географических открытий / И.П. Магидович, В.И. Магидович. — М. : Просвещение, Т 2: Великие географические открытия (конец XV — середина XVII в.). — 1983. — 399 с.
49. Эварницкий, Д.И. Остров Хортица на реке Днепре (из поездки по Запорожским урочищам) / Д.И. Эварницкий // Киевская старина. — 1886.– Т. XIV(январь). — С. 41–90.
50. Лызлов, А.И. Скифская история / А.И Лызлов. — М. : Наука, 1990. — 518 с.
51. Гваньини, А. Хроника европейской Сарматии / Отв. ред. В.А. Смолий; сост. и пер. с польского языка Ю. Мицик. — Киев: Киево-Могилянская академия, 2007. — 1006 с. (на украинском языке).
52. Самар, В.А. История изучения памятников археологии на востоке Запорожской области (Северное Приазовье — Лукоморье) / В.А. Самар // Музейный вестник, Запорожье, 2005. — Вып. 5. — С. 3–31.
53. Заповедник «Каменные Могилы» — природная и духовная святыня Украины / Укр. степ. природн. заповедник НАН Украины. Сост. — В.А. Сиренко. — К.: Зеленая планета, 2005. — 84 с. (на украинском языке).
54. Шевчук, С.П. Розовский район: прошлое и настоящее /С.П. Шевчук, В.И. Марюха. — Симферополь: Атлас-Компакт, 2010. — 136 с. (на украинском языке).
55. Шевчук, С.П. Край каменных могил: Наш край с древнейших времен до начала XX столетия / С.П. Шевчук. — К.: Август, 1999. — 108 с. (на украинском языке).
56. Саенко, Р.И. Битва на реке Калке: Время и место изменить можно? [Электронный ресурс]. URL: http://kievrus.com/index.php?action=razdel&razdel=17&subrazdel=81&art_id=1&lang=rus (Дата обращения: 19.01.2022)
57. Руденко, Н.Г. Сквозь тьму тысячелетий /Н.Г. Руденко. — Мариуполь, 2000. [Электронный ресурс]. URL: <https://textarchive.ru/c-2512444-pall.html> (Дата обращения: 19.01.2022)
58. Марюха, В.И. Неоткрытые острова / В.И. Марюха // Роизинформ. — Розовка, 2003. — № 20 (406). — С. 3.
59. Самар, В.А. Розовский район. Памятники археологии /В.А. Самар, Г.Н. Тощев // Памятники истории и культуры Запорожской области (Великобелозерский, Куйбышевский, Розовский, Токмакский районы) / Сост. и научн. ред. Т.К. Шевченко. — Запорожье, 2002. — С. 111–124.
60. Кирпичников, А.Н. Древнерусское оружие. Вып. второй: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII веков / А.Н. Кирпичников. — М. ; Л. : Наука, 1966. — 181 с.
61. Федоров-Давыдов, Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов / Г.А. Федоров-Давыдов. — М.: Изд-во Московского университета, 1966. — 273 с.

62. Плетнева, С.А. Древности Черных Клобуков / С.А. Плетнева. — М. : САИ, 1973, — 44 с.
63. Кравченко, Э.Е. Памятники золотоордынского времени в степях между Днепром и Доном / Э.Е. Кравченко // Генуэзская Газария и Золотая Орда. — Кишинев: Stratum plus, 2015. — С. 411–478.
64. Кравченко, Э.Е. Погребение знатного воина XIII века на реке Калке / Э.Е. Кравченко // Степи Европы в эпоху средневековья. — Донецк : Институт археологии НАН Украины, Донецкий НУ, Т. 3 : Половецко-золотоордынское время. — 2003. — С. 123 —129.
65. Привалова, О.Я. Список памятников археологии Украины. Донецкая область / О.Я. Привалова, А.И. Привалов. — К. : УООП, 1988. — 112 с.
66. Медведев, А.Ф. Луки и стрелы, самострелы / А.Ф. Медведев. — М. : Наука, 1966. — 128 с.
67. Медведев, А.Ф. Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе. — Советская археология.— 1966. — № 2. — С. 50–60.
68. Косиков, В.А. Древнерусские медальоны / В.А. Косиков, Т. Шаповалов // Памятники Украины. — 1988. — № 1. — С. 44.
69. Немеров, В.Ф. Воинское снаряжение и оружие монгольского воина XIII–XIV вв. / В.Ф. Немеров // Советская археология, — 1987.— № 2. — С. 212–227.
70. Зяблин, Л.П. О «татарских» курганах / Л.П. Зяблин // Советская археология. — 1955. — Вып. XXII. — С. 83 — 96.
71. Дьяконова, В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник /В.П. Дьяконова. — Л. : Наука, 1975. — 164 с.
72. Тизенгаузен, В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды / В.Г. Тизенгаузен. Т. 2: Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. — М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1941.— 308 с.
73. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука /Ред., вступ. ст. и прим. Н.П. Шастиной. — М. : Государственное изд-во географической литературы, 1957. — 287 с.
74. Сафаргалиев, М.Г. Распад Золотой Орды / М.Г. Сафаргалиев. — Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1960. — 275 с.
75. Рашид ад-Дин. Сборник летописей (Джами ат-таварих) // Т. I. Книга вторая. — М. —Л.: Изд-во АН СССР, 1952. — 315 с.
76. Рашид ад-Дин. Сборник летописей (Джами ат-таварих) // Т. II. — М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1960. — 253 с.
77. Мыськов, Е.П. Политическая история Золотой Орды (1236–1313) /Е.П. Мыськов. — Волгоград : Изд-во Волгоградского государственного университета, 2003. — 178 с.
78. Черепнин, Л.В. Монголо-татары на Руси (XIII век) / Л.В. Черепнин // Татаро-монголы в Европе и Азии: Сб. научн. тр. — М. : Наука, 1977. — С. 186–209.

79. Аннинский, С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе / С.А. Аннинский // Исторический архив. Т. III. — М.-Л., 1940. — С. 71–112.
80. Повесть о разорении Рязани Батыем / пер. и комм. Д.С. Лихачева // Памятники литературы Древней Руси. XIII век. — М.: Художественная литература, 1981. — С. 184–199.
81. Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. Кн. 5. 1217–1241 гг. — М.: Актеон, 2014.— 544 с.
82. Насонов, А.Н. Монголы и Русь / А.Н. Насонов. — М. ; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. — 178 с.
83. Плетнева, С.А. Половцы / С.А. Плетнева. — М. : Наука, 1990. — 208 с.
84. Каргалов, В.В. Конец ордынского ига / В.В. Каргалов. — М. : Наука, 1984. — 151 с.
85. Стороженко, А.В. Стефан Баторий и днепровские казаки / А.В. Стороженко. — Киев. : Тип. Г.Л. Фронцкевича, 1904. — 328 с.
86. Пашуто, В.Т. Монгольский поход в глубь Европы / В.Т. Пашуто // Татаро-монголы в Европе и Азии: сб. научн. тр. — М. : Наука, 1977. — С. 210–227.
87. Голубовский, П.В. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX–XIII вв. / П.В. Голубовский. — Киев : Университетская типография (И.И. Завадского), 1884. — 254 с.
88. Голубовский, П.В. Половцы в Венгрии. Исторический очерк / П.В. Голубовский. — К. : Типография императорского университета Св. Владимира, 1889. — 28 с.
89. Отрощенко, В.В. Половецкий комплекс Чингульського кургана / В.В. Отрощенко, Ю.Я. Рассмакин // Археология. — № 53. — 1986. — С. 14–36 (на украинском языке).
90. Крамаровский, М.Г. Европейские рыцарские пояса и их подражания, найденные на Северном Кавказе, в Крыму и Великом княжестве Литовском (XIV–XV вв.) / М.Г. Крамаровский // Юбилейные международные XX Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. — Ставрополь, 1998. — С. 68–72.
91. Пилипчук, Я.В. Кыпчакские наемники на службе у правителей Евразии / Я.В. Пилипчук // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 10. Половецкое время / Отв. ред. А.В. Евглевский. — Донецк: ДонГУ, 2012. — С. 337–346.
92. Горелик, М.В. Половецкая знать на золотоордынской военной службе / М.В. Горелик. — Археология евразийских степей. — 2017. — № 5. — С. 303–336.
93. Дружинина, И.А. Вспоминая Михаила Викторовича Горелика ... / И.А. Дружинина, В.Н. Чхаидзе. — Археология евразийских степей. — 2017.— № 5.— С. 231–239.
94. Грушевский, М.С. История Украины-Руси. XI–XIII века / М.С. Грушевский. — К.: Наукова думка, 1992. — 640 с. (на украинском языке).

95. Галицко-Волынская летопись / пер. Т. Кострубы. — Львов: 1936. — Ч. II. — 128 с.
96. Летопись русская / Пер. с древнерус. Л.Е. Махновец. — К.: Днепро, 1989. — 591 с.
97. Глущенко, В.А. Ять / В.А. Глущенко // Украинский язык: Энциклопедия. — К.: Изд-во «Укр. энцикл.» им. М.П. Бажана, 2004. — 824 с.
98. Каргалов, В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси / В.В. Каргалов. — М.: Высшая школа, 1967. — 261 с.
99. Миниатюры Hedwig Codex из музея Гетти. 1353. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.getty.edu/art/collection/objects/1407/unknown-nicolaus-of-prussia-vita-beatae-hedwigis-silesian-1353> (Дата обращения: 8.02.2022)
100. Меховский, М. Трактат о двух Сарматиях / М. Меховский. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. — 288 с.
101. Тошев, Г.Н. Древности Запорожского края. (Материалы к Своду памятников истории и культуры) / Г.Н. Тошев, М.В. Ельников, О.В. Дровосекова. — Запорожье: Запорожский государственный ун-т, 2003. — 124 с.
102. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи [с предисл. Я.И. Смирнова]. — СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1909. — 18 с., 2 л. карт., 131 л. ил.
103. Никольская, Е.А. Памятники монгольской культуры из села Карги / Е.А. Никольская. — Восточный мир. — 1927. — № 1. — С. 138–153
104. Крамаровский, М.Г. Новые материалы по истории культуры ранних Джучидов: воинские пояса конца XII — первой половины XIII вв. (источниковедческие аспекты) / М.Г. Крамаровский // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. — Казань, 2001. — С. 43–81.
105. Юрченко, А.Г. Элита Монгольской империи: время праздников, время казней / А.Г. Юрченко. — СПб.: Евразия, 2012. — 432 с.
106. Ильченко А. Секреты Могилы Монгола на Мелитопольщине. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mv.org.ua/news/216070-sekrety_mogily_mongola_na_melitolpolshine.html (Дата обращения: 11.04.2022)
107. Бухонов, А.В. Почвенная структура и состояние микробных сообществ в период средневековья / А.В. Бухонов, Т.С. Демкина // Археология евразийских степей. — 2018. — № 4. — С. 21–23.
108. Ломов, С.П. Реконструкция палеосреды по данным археологических памятников лесостепной и степной зон в голоцене Поволжья / С.П. Ломов // Археология евразийских степей. — 2021. — № 6. — С. 117–131
109. Матишов, Г.Г. Голоценовая история Азовского шельфа / Г.Г. Матишов, В.В. Польшин, В.В. Титов, И.В. Шевердяев // Наука юга России. — 2019. — Т. 15. — № 1. — С. 42–53.

110. Кульпин, Э.С. Золотая Орда (проблема генезиса Российского государства) / Э.С. Кульпин. — М.: Московский лицей, 1998. — 240 с.
111. Егоров, В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. / Отв. ред. В.И. Буганов. — М.: Красанд, 2010. — 248 с.
112. Черкас, Б.В. Западные владения Улуса Джучи XIII–XIV вв.: общественно-политическое и экономическое развитие. Дис. ... докт. истор. наук (07.00.02 — всемирная история) / Б.В. Черкас. — Институт истории Украины. — Киев, 2015. — 357 с.
113. Герцен, А.Г. Печенеги и половцы / А.Г. Герцен, Э.И. Сейдалиев // От киммерийцев до крымчаков (народы Крыма с древнейших времен до конца XVIII в.). — Симферополь: Доля, 2010. — С. 162–177.
114. Моисеенкова, Л.С. Генуэзцы и венецианцы / Л.С. Моисеенкова // От киммерийцев до крымчаков (народы Крыма с древнейших времен до конца XVIII в.). — Симферополь: Доля, 2010. — С. 178–191.
115. Королев, В.Н. К вопросу о славяно-русском населении на Дону в XIII–XVI вв. / В.Н. Королев // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI вв. — Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1989. — С. 122–128
116. Бубенок, О.Б. Аланы-асы в Золотой Орде (XIII–XV вв.) / О.Б. Бубенок. — Киев: Истина, 2004. — 324 с.
117. Литвинова, Л.В. Палеоантропологический материал из грунтового могильника Мамай Сурка (исследования 1993–1994 гг.) / Л.В. Литвинова // Средневековый могильник Мамай Сурка (по материалам исследований 1993–1994 гг.). Т. II. — Запорожье: ЗНУ, 2006. — С. 298–354.
118. Почекаев, Р.Ю. Золотая Орда / Р.Ю. Почекаев // Кочевые империи Евразии: особенности исторической динамики / отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. — М.: Наука — Восточная литература, 2019. — С. 300–330.
119. Золотая Орда в источниках: В 5 т. — М.: Центр по изучению военной и общей истории, 2019. — Т. 5: Армянские источники / сост., вв. статьи и коммент. Р.П. Храпачевского. — 319 с.
120. Полубояринова, М.Д. Русские люди в Золотой Орде / М.Д. Полубояринова. — М.: Наука, 1978. — 133 с.
121. Селезнев, Ю.В. К вопросу о происхождении полководца Бурундя / Ю.В. Селезнев. — Золотоордынское обозрение. — 2021. — № 9(2). — С. 236–246.
122. Руссев, Н.Д. Карпато-Дунайские земли в эпоху Джучидов: некоторые соображения и неисчислимые «пути взоров» / Н.Д. Руссев. — Stratum plus. — 2016. — № 6. — С. 165–181.
123. Сагдеева, Р.З. Серебряные монеты ханов Золотой Орды. Каталог-определитель / Р.З. Сагдеева. — М.: Горячая линия — Телеком, 2005. — 78 с.
124. Рашид ад-Дин. Сборник летописей (Джами ат-таварих) // Т. III. — М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1946. — 340 с.

125. Почекаев, Р.Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды / Р.Ю. Почекаев. — СПб.: Евразия, 2012. — 454 с.
126. Приселков, М.Д. Ханские ярлыки русским митрополитам / М.Д. Приселков. — Петроград: Научное дело, 1916. — 116 с.
127. Григорьев, А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов / А.П. Григорьев. — СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2004. — 276 с.
128. ПСРЛ. Т. 43. Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского / Подгот. текста О.Л. Новиковой; подгот. прил. В.И. Лёгких и И.В. Фёдоровой. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 368 с.
129. ПСРЛ. Т. 18. Симеоновская летопись. — СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1913. — 321 с.
130. Греков, Б.Д. Золотая Орда и ее падение / Б.Д. Греков, Ю.А. Якубовский. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — 478 с.
131. Веселовский, Н.И. Хан из темников Золотой орды. Ногай и его время / Н.И. Веселовский. — Петроград: Российская государственная академическая тип., 1922. — 58 с.
132. Пахимер, Георгий. История о Михаиле и Андронике Палеологах / Пер. под ред. В.Н. Карпова. — СПб.: Тип. департамента уделов, 1862. — 525 с.
133. Пилипчук, Я.В. Войны Улуса Джучи 50–70-х гг. XIII в. (европейское направление) / Я.В. Пилипчук. — *Stratum plus*. — 2016. — № 6. — С. 183–193.
134. Спицын, А.А. Татарские байсы / А.А. Спицын // Известия императорской археологической комиссии. — 1909. — Вып. 29. — С. 130–141.
135. Рева, Р.Ю. Две серебряные золотоордынские пайцзы с уйгуро-монгольскими надписями / Р.Ю. Рева, В.А. Беляев // Золотоордынская цивилизация. — 2017. — № 10. — С. 25–37.
136. Клавихо, Руи Гонсалес. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406) / Пер. со староиспанского, предисл. и коммент. И.С. Мироковой. — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. — 211 с.
137. Пигарев, Е.М. Улус, область, округ Сарай / Е.М. Пигарев // Археология евразийских степей. — 2018. — № 4. — С. 160–165
138. Валеева-Сулеманова, Г.Ф. Шапка Мономаха — имперский символ татарского происхождения / Г.Ф. Валеева-Сулеманова // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып 1. — Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2008. — С. 22–28.
139. Приселков, М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста / М.Д. Приселков. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — 512 с.
140. ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. — 464 с.
141. Вашари, И. Жалованные грамоты Джучиева Улуса, данные итальянским городам Каффа и Тана / И. Вашари // Источниковедение истории Улуса Джучи

- (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. — Казань, 2001. — С. 193–206.
142. ПСРЛ. Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. — СПб.: Тип. Э. Праца. — 1859. — 301 с.
143. Ельников, М.В. Памятники периода Золотой Орды Нижнего Поднепровья: история изучения, итоги и перспективы / М.В. Ельников. — Татарская археология. — 2001. — № 1–2 (8–9). — С. 126–165.
144. Карепин, К.В. Северное Приазовье в период «великой замятни» (1359–1380 гг.) по материалам археологических памятников / К.В. Карепин, А.В. Колесник // Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса: Материалы Международной научной конференции студентов и молодых ученых (Донецк, 17–20 октября 2017 г.). — Т. 5: Социально-политические, исторические и философские науки / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. — Донецк: Изд-во ДонНУ, 2017. — С. 204–206.
145. ПСРЛ. Т. 40. Густынская летопись. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. — 202 с.
146. Шабульдо, Ф.М. Синеводская битва 1362 г. в современной научной интерпретации / Ф.М. Шабульдо. — Вильнюс: 2012. — 110 с. (на литовском и украинском языках).
147. Шабульдо, Ф.М. Земли юго-западной Руси в составе Великого княжества Литовского / Ф.М. Шабульдо. — Киев: Наукова думка, 1987. — 182 с.
148. ПСРЛ. Т. 4. Новгородские и псковские летописи. — СПб.: Типография Э. Праца, 1848. — 365 с.
149. ПСРЛ. Т. 37. Вологодские и устюжские летописи XVI–XVIII вв. — Л.: Наука, 1982. — 227 с.
150. ПСРЛ. Т. 16. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. — СПб.: Типография Ф. Елеонского, 1889. — 320 с.
151. ПСРЛ. Т. 34. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. — М.: Наука, 1978. — 237 с.
152. Ляскоронский, В.Г. Русские походы в степь в удельно-вечевое время и поход кн. Витовта на татар в 1399 году (окончание) / В.Г. Ляскоронский. — Журнал министерства народного просвещения. Новая серия. — 1907. — Ч. IX (май). — С. 1–45.
153. Миргалеев, И.М. «Черный человек» Мамай / И.М. Миргалеев // Мамай. Опыт историографической антологии. Сборник научных трудов / Под ред. В.В. Трепавлова, И.М. Миргалеева. — Казань: Изд-во Фэн АН РТ, 2010. — С. 183–197.
154. Ельников, М.В. Резиденция беклярбека Мамай и город Орду (к 60-летию исследований Кучугурского городища) / М.В. Ельников // Научные труды исторического факультета Запорожского национального университета. — 2013. — Вып. 36. — С. 28–32.

155. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсимиле, перевод, транскрипция, примечания, исследования В.П. Юдина, комментарии и указатели М.Х. Абусеитовой, — Алма-Ата: Гылым, 1992. — 296 с.
156. Абдулгаффар Кырыми. Умдет ал-ахбар. Кн 2: Вып. 5 / Пер. с османского Ю.Н. Каримовой, И.М. Миргалеева; общая и научная редакция, предисловие и комментарии И.М. Миргалеева. — Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. — 200 с.
157. Хизриев, Х.А. Кавказцы против Тимура / Х.А. Хизриев. — Грозный: Книга, 1992. — 168 с.
158. Ельников, М.В. Городище «Конские Воды» в письменных источниках XVII–XX вв. // М.В. Ельников // Научные труды исторического факультета Запорожского национального университета. — 2016. — Вып. 46. — С. 19–23.
159. ПСРЛ. Т. 11. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. — СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1897. — 262 с.
160. ПСРЛ. Т. 6. Софийские летописи. — СПб.: Типография Э. Праца, 1853. — 359 с.
161. Греков, И.Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.) / И.Б. Греков. — М.: Наука, 1975. — 519 с.
162. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-российских связей в XV в. / Вступ. статья, подг. текста, пер. и комм. Е.Ч. Скрижинской. — Л.: Наука, 1971. — 273 с.
163. Хождение за три моря Афанасия Никитина / отв. ред. В.П. Адрианова-Перетц. — М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. — 283 с.
164. ПСРЛ. Т. 12. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. — СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1901. — 266 с.
165. ПСРЛ. Т. 24. Типографская летопись. — Петроград: 2-я Государственная типография, 1921. — 271 с.
166. История Крыма: в 2 т. Т. 1. / отв. ред. А.В. Юрасов. — М.: Кучково поле, 2019. — 600 с.
167. Памятники дипломатических отношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турцией с 1474 по 1505 год / под ред. Г.Ф. Карпова // Сборник императорского русского исторического общества (далее, СИРИО). Т. 41. — СПб.: Тип. Ф. Елеонского, 1884. — 638 с.
168. Гайворонский, О. Повелители двух материков: Т. 1. Крымские ханы XV–XVI столетий в борьбе за наследство Великой Орды. — Киев — Бахчисарай: Оранта, Майстерня книги, 2007. — 372 с.
169. Kuun, G. Codex Cumanicus bibliothecae ad templum Divi Marci Venetiarum / G. Kuun. — Budapestini: Editio scient. Academiae Hung., 1880. — 395 p.
170. Гаркавец, А.Н. Codex Cumanicus / А.Н. Гаркавец. — Алматы: Баур, 2015. — 1348 с.
171. Памятники дипломатических сношений Древней России с державами

- иностранными / под ред. Г.Ф. Карпова // СИРИО. Т. 95. — СПб.: Печатня С.П. Яковлева, 1895. — 788 с.
172. Мустакимов, И.А. Из истории азовских (татарских) казаков второй половины XVI в. / И.А. Мустакимов. — Средневековые тюрко-татарские государства. — 2017. — №. 9. — С. 184–189.
173. Галлям, Р.Г. Казачество в призме социально-политической иерархии Казанского ханства (XV — сер. XVI в.) / Р.Г. Галлям, Б.Р. Хисматуллин. — Средневековые тюрко-татарские государства. — 2017. — №. 9. — С. 167–169.
174. Думин, С.В. Татары-казаки в Великом княжестве Литовском (XV–XVI вв.) / С.В. Думин. — Средневековые тюрко-татарские государства. — 2017. — №. 9. — С. 170–183.
175. Мельничук, И.А. Генезис формирования казачества как отдельной социальной страты / И.А. Мельничук. — Научные труды исторического факультета Запорожского национального университета. — 2013. — Вып. 35. — С. 17–21.
176. Сахаров, А.М. Генуэзские колонии в Северном Причерноморье / А.М. Сахаров // Советская историческая энциклопедия. Т. 4. Гаага — Двин. — М.: Советская энциклопедия, 1963. — 542 с.
177. Крамаровский, М.Г. Рах Mongolica и проблемы глобализации культуры Евразии / М.Г. Крамаровский // Золотоордынская цивилизация. — 2017. — № 10. — С. 19–24.
178. Фоменко, И.К. Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII — XVII в. / И.К. Фоменко. — М.: Индрик, 2011. — 424 с.
179. Воротынцев, Л.В. «Татарский» торговый путь («Via Tatarica») в системе международной торговли XIII–XV вв. / Л.В. Воротынцев. — Золотоордынское обозрение. — 2019. — Т. 7, № 1. — С. 77–89.
180. Золотая Орда в источниках: В 5 т. — М.: Центр по изучению военной и общей истории, 2003. — Т. 1: Арабские и персидские сочинения / сост., вв. статьи и коммент. Р.П. Храпачевского. — 448 с.
181. Карпов, С.П. Тана — колыбель кризиса середины XIV века / С.П. Карпов. — Stratum Plus. — 2016. — № 6, — С. 203–211
182. Мыц, В.Л. «Крымский поход» Тимура в 1395 г.: историографический конфуз, или археология против историографической традиции / В.Л. Мыц // Генуэзская Газария и Золотая Орда / отв. ред. С.Г. Бочаров. — Кишинев: Stratum plus, 2015. — С. 99–123.
183. Волков, М. Четыре года города Каффы (1453, 1454, 1455 и 1456) / М. Волков. — ЗООИД. — 1872. — Т. 8. — С. 109–144.
184. Масловский, А.Н. Заметки по топографии золотоордынского города Азака / А.Н. Масловский // Генуэзская Газария и Золотая Орда / отв. ред. С.Г. Бочаров. — Кишинев: Stratum plus, 2015. — С. 383–409.
185. Масловский, А.Н. Азак и его округа в первые десятилетия их существования. Проблемы зарождения и роста золотоордынских городов / А.Н. Масловский. — Археология евразийских степей. — 2018. — № 4. — С. 260–265.

186. Карпов, С.П. Когда и как возникла Тана? (О происхождении итальянской фактории на византийской окраине) / С.П. Карпов // Византийский временник. Т. 57(82) / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. — М.: Индрик, 1997. — С. 5–18.
187. Черкасов, Д.Н. Жильбер де Ланнуа и его «Voyages et ambassades» / Д.Н. Черкасов // Исследования по истории Восточной Европы. Вып. 8. — Минск: РИВШ, 2015. — С. 195–241.
188. Ковалевский, М.М. К ранней истории Азова. Венецианская и генуэзская колонии в Танае в XIV в. / М.М. Ковалевский // Труды XII Археологического съезда в Харькове. 1902. Т. 2. — М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1905. — С. 109–174.
189. Портोलан Петро Весконтте. [Электронный ресурс]. URL: http://paracoma.narod.ru/maps/portolan_vesconte_1318.htm (Дата обращения: 21.05.2022).
190. Хеллер, К. Золотая Орда и торговля с Западом / К. Хеллер // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. — Казань, 2001. — С. 111–128.
191. Колесник, А.В. Северо-Восточное Приазовье в контексте европейской торговли XIII–XV вв. / А.В. Колесник // Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы IV Международной научной конференции (Донецк, 31 октября 2019 г.). — Т. 7: Исторические науки / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. — Донецк: Изд-во ДонНУ, 2019. — С. 261–263
192. Ельников, М.В. Экономические и культурные связи нижнего Поднепровья и Крыма в золотоордынский период / М.В. Ельников // Сугдейский сборник. Вып. II. Киев — Судак, Академперіодика, 2005. — С. 57–65.
193. Граков, Б.Н. Каменское городище на Днепре / Б.Н. Граков // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). — 1954. — № 56. — 240 с.
194. Беляева, С.А. Исследования Южной средневековой экспедиции ИА НАНУ / С.А. Беляева, К.С. Гуленко, А.Е. Фиалко // Археологические исследования на Украине. 2016 г. — Киев: ИА НАН Украины, 2018. — С. 41–42
195. Колесник, А.В. История родного края (часть первая). Учебное пособие для 6–9 классов / А.В. Колесник, В.А. Пирко, С.М. Нестерцова, Е.В. Щербинина. — Донецк: Кардинал, 1998, — 320 с.
196. Федоров-Давыдов, Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды: Очерки культуры и искусства народов евразийских степей и золотоордынских городов / Г.А. Федоров-Давыдов. — М.: Искусство, 1976. — 228 с.
197. Марко Поло. Книга / Пер. И.П. Минаева; ред. и вст. статья И.П. Магидовича. — М.: Гос. изд-во географич. лит-ры, 1956. — 376 с.
198. Степи Евразии в эпоху средневековья. Серия: «Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 томах». Т. 18 / Отв. ред. С.А. Плетнева. — М.: Наука, 1981. — 303 с.
199. Мариуполь и его окрестности: взгляд из XXI века / Божко, Р.П., Були, Т.Ю., Гашененко, Н.Н., Кучугура Л.И. и др. — Мариуполь : Рената, 2008. — 428 с.

200. Кравченко, Э.Е. Донецкий край во время Золотой Орды / Э.Е. Кравченко // Летопись Донбасса. Краеведческий сборник. Вып. X. — Донецк: — 2001. — 91 с.
201. Ельников, М.В. Памятники золотоордынского периода в Нижнем Поднепровье / М.В. Ельников // Генуэзская Газария и Золотая Орда / отв. ред. С.Г. Бочаров. — Кишинев: Stratum plus, 2015. — С. 479–508.
202. Путевые записки Эриха Лассоты, направленного римским императором Рудольфом II к запорожцам в 1594 г. / пер. и примеч. Ф. Бруна. — СПб.: Тип. П.П. Мереульева, 1873. — 95 с.
203. Список со статейного списка великого государя его царского величества посланников: стольника и полковника и наместника Переяславского Василья Михайлова сына Тяпкина, дьяка Никиты Зотова / публ. и примеч. Н.Н. Мурзакевич // ЗООИД. — 1848. — Т. II. — С. 568–658.
204. Тарасенко, Е.Н. И.Я. Лерхе и его «История жизни и путешествий...» о Северном Приазовье в 1738–1739 гг. / Е.Н. Тарасенко. — Нижневартовск: НВГУ, 2019. — 118 с.
205. Ельников, М.В. Археологические маркеры южного участка Муравского шляха / М.В. Ельников. — Археология и древняя история Украины. — 2018. — Вып. 1(26). — С. 246–260.
206. Планы и описания городов, крепостей, селений и других населенных пунктов России. — Российский государственный военно-исторический архив, ф. 418, оп. 1, д. 1158.
207. LV. Зарисовка развалин татарского мавзолея на Конке, 1769 г. / LV. [Электронный ресурс]. URL: http://paracoma.narod.ru/articles/mavzoley_konka_1769.htm (Дата обращения: 11.11.2022).
208. Макидонов, А.В. Днепровская линия (1770–1797) / А.В. Макидонов. — Запорожье: Акцент Инвест-трейд, 2014. — 556 с.
209. Гермоген. Таврическая епархия / Гермоген. — Псков: Тип. губернского правления, 1887. — 520 с.
210. Лутай, Ф.К. До історії заснування с. Жеребця на Запоріжжі та заселення Жеребецького району : (По матеріалах для історично-статистичного опису, зібраних на підставі церковного архіву Миколаївської церкви с. Жеребця) / Ф.К. Лутай. — Краєзнавство. — 1927. — № 3. — С. 20–24.
211. Ельников, М.В. В.Г. Фоменко — первооткрыватель городища Конские Воды / М.В. Ельников. — Музейный вестник. Запорожье. — 2010. — № 10. — С. 237–246.
212. Ельников, М.В. К локализации золотоордынского городища Конские Воды / М.В. Ельников. — Музейный вестник. Запорожье. — 2009. — № 9. — С. 103–111).
213. Саенко, В.М. Находка капители колонны времен Золотой Орды в Нижнем Поднепровье / В.М. Саенко, С.Г. Дзюба // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы III Судакской международной конференции. Т. II. — Киев-Судак: Академперіодика, 2006. — С. 284–289.

214. Ельников, М.В. Исследование культового сооружения на поселении Мечеть-Могила / М.В. Ельников // Археологические исследования на Украине. 2010. — Киев-Полтава: ИА НАН Украины, 2011. — С. 105–107.
215. Ельников, М.В. Исследование поселения Мечеть-Могила и кургана Орта Тюбе / М.В. Ельников // Археологические исследования на Украине. 2012. — Киев: ИА НАН Украины, 2013. — С. 175–176.
216. Ельников, М.В. Исследование золотоордынского поселения «Мечеть-Могила» / М.В. Ельников // Археологические исследования на Украине. 2015. — Киев: Стародавний свит, 2016. — С. 48–49.
217. Ельников, М.В. Археологические исследования поселения «Мечеть-Могила» / М.В. Ельников // Археологические исследования на Украине. 2016. — Киев: ИА НАН Украины, 2018. — С. 47–49.
218. Ельников, М.В. Исследование золотоордынского поселения «Мечеть-Могила» в Запорожской области / М.В. Ельников // Археологические исследования на Украине. 2014. — Киев: ИА НАН Украины, 2015. — С. 52–54.
219. Ельников, М.В. Золотоордынское городище Конские Воды по письменным источникам, картографическим материалам и археологическим данным / М.В. Ельников // В поисках сущности: Сборник статей в честь 60-летия Н.Д. Руссева. — Кишинев: Stratum Plus, 2019. — С. 171–190.
220. Ельников, М.В. Исследования золотоордынского поселения Мечеть-Могила в 2019–2020 гг. / М.В. Ельников // Археологические исследования на Украине. 2020. — Киев: ИА НАН Украины, 2022. — С. 61–63.
221. Попандопуло, З.Х. Средневековые зеркала городища Большие Кучугуры / З.Х. Попандопуло. — Древности степного Причерноморья и Крыма. — 2002. — Т. 10. — С. 226–238.
222. Герберштейн, С. Записки о Московии / Пер. А.И. Малевина, А.В. Назаренко, вступ. статья А.Л. Хорошевич. Под ред. В.Л. Янина. — М.: Изд-во МГУ, 1988. — 430 с.
223. Кравченко, Э.Е. Проблемы средневековой археологии Донецких степей / Э.А. Кравченко // Актуальные проблемы истории Донбасса. Сборник материалов Второй научной конференции историков ДНР. — Донецк: Изд-во ДонНУ, 2019. — С. 17–26.
224. Кравченко, Э.Е. Поселения хазарского времени (Северо-Восточное Приазовье, Донецкий Кряж, степное Подонцовье) / Э.Е. Кравченко. — Археологический альманах. Донецк. — 2013. — № 30. — С. 278–302.
225. Новицкий, Я.П. Народная память о Запорожье. Предания и рассказы, собранные в Екатеринославщине. 1875–1905 гг. / Я.П. Новицкий // Очерки истории Запорожья (Александровска до 1921 г.). — Запорожье: Издатель, 1992. — С. 89–122.
226. Кучугура, Л.И. Из истории археологических исследований в районе заповедника «Каменные могилы» / Л.И. Кучугура // Каменные Могилы — прошлое и современность: Материалы научно-практической конференции, посвященной

- 85-летнему юбилею отделения Украинского степного природного заповедника НАН Украины «Каменные Могилы». — Донецк: Ноулидж, 2012. — Вып. 2 (Ч. 2). — С. 6–11.
227. Кравченко, Э.Е. Средневековый комплекс поселения Ляпинская балка в Северо-Восточном Приазовье / Э.Е. Кравченко // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3. Половецко-золотоордынское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. — Донецк: ДонНУ, 2003. — С. 345–362.
228. Евглевский, А.В. Грунтовый могильник золотоордынского времени Ляпинская балка из Северо-Восточного Приазовья / А.В. Евглевский, В.К. Кульбака // Степи Европы в эпоху средневековья. — Т. 3. — Донецк, 2003. — С. 363–406.
229. Цимиданов, В.В. Раскопки поселения у г. Мариуполя / В.В. Цимиданов, Э.Е. Кравченко // Археологические исследования на Украине 1992 года. Киев: Ин-т археологии АН Украины, 1993. — С. 140–141.
230. Кучугура, Л.И. Период Золотой Орды в Северном Приазовье (середина XIII — середина XV вв.). Научная справка / Л.И. Кучугура. — Мариуполь: Мариупольский краеведческий музей. 2013. — 27 с. (на правах рукописи).
231. Крыганов, А.В. Кистени салтово-маяцкой культуры Подонья / А.В. Крыганов. — Советская археология. — 1987. — № 2. — С. 63–68.
232. Плетнева, С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура / С.А. Плетнева. — М.: Наука, 1967. — 209 с. (Материалы и исследования по археологии СССР, Вып. 142).
233. Ющенко, Д.А. Северное Приазовье в контексте трансконтинентальной торговой сети XIV века. Археологические свидетельства из юга Донецкой области / Д.А. Ющенко // Украина и мир: проблемы истории: сб. материалов всеукр. научн.- практ. конф., Мариуполь, 29 ноября 2013 г. / под общ. ред. К.В. Балабанова. — Мариуполь: Мариупольский гуманитарный университет, 2013. — С. 214–215.
234. Кравченко, Э.Е. Поселение у с. Обрыв на Азовском побережье в Донбассе / Э.Е. Кравченко. — Археология евразийских степей. — 2018. — № 4. — С. 88–92.
235. Волков, И.В. Поселения Приазовья в XII–XIII вв. / И.В. Волков // Русь в XIII веке. Древности темного времени. — М.: Наука, 2003. — С. 108–130.
236. Рязанов, С.В. Работы Таганрогского музея-заповедника / С.В. Рязанов. — Археологические открытия 1986 года. М.: Наука, 1988. — С. 141.
237. Гордеев, А.Ю. Топонимия побережья Чёрного и Азовского морей на картах-портоланах XIV–XVII веков / А.Ю. Гордеев. — Киев, Academia.edu, 2014. — 479 с. 241.
238. Рашид ад-Дин. Сборник летописей (Джами ат-таварих) // Т. I. Книга первая. — М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1952. — 219 с.
239. Юрченко, А.Г. Средневековые монгольские погребения: соотношение этнического и имперского / А.Г. Юрченко. — Теория и практика археологических исследований. — 2007. — № 3. — С. 159–176.

240. Потемкина, Т.М. Признаки монгольской погребальной традиции (по золотоордынским кочевническим погребениям) / Т.М. Потемкина // Донецкий археологический сборник. — 2012. — № 16. — С. 144–151.
241. Потемкина, Т.М. Инвентарный комплекс монгольских погребений Золотой Орды / Т.М. Потемкина // Археология восточноевропейской лесостепи : материалы II-ой Международной научной конференции. Воронеж, 18–20 декабря 2015 г. / отв. ред. А.М. Скоробогатов. — Воронеж : Воронежский государственный педагогический университет, 2016. — С. 334–339.
242. Отрошенко, В.В. Раскопки курганов в Запорожской области / В.В. Отрошенко // Археологические открытия 1981 года. — М., 1983. — С. 300–302
243. Золото степи. Археология Украины / Авт.-сост. П.П. Толочко, В.Ю. Мурзин. — Киев; Шлезвиг: [б.и.], 1991. — 439 с. (на украинском и немецком языках).
244. Рассамакин, Ю.Я. Погребение знатного кочевника на реке Молочной. Опыт реконструкции вещевого комплекса / Ю.Я. Рассамакин // Степи Европы в эпоху средневековья. — Т. 3. — Донецк, 2003. — С. 207–230.
245. Швецов, М.Л. Погребение знатной половчанки / М.Л. Швецов. — Археологический альманах. — 2013. — № 30. — С. 307–318.
246. Швецов, М.Л. Богатое кочевническое погребение из Донбасса / М.Л. Швецов. — Археология. — 1974. — Вып. 13. — С. 93–98 (на украинском языке).
247. Швецов, М.Л. Курганы у с. Самойлово (бассейн Грузского Еланчика, Северовосточное Приазовье) / М.Л. Швецов. — Археологический альманах. — 2004. — № 14. Курганы Донбасса. — С. 233–259.
248. Евглевский, А.В. Погребения золотоордынского времени из раскопок Новостроечной экспедиции Донецкого университета / А.В. Евглевский // Донецкий археологический сборник. — 1992. — № 1. — С. 107–116.
249. Клименко, В.Ф. Два сбруйных комплекса кочевнических погребений в Донбассе / В.Ф. Клименко. — Донецкий археологический сборник. — 2009/2010. — № 13/14. — С. 248–256.
250. Клименко, В.Ф. Раскопки курганов у г. Волновахи / В.Ф. Клименко // Археологические открытия 1986 г. — М. : Наука, 1988. — С. 283–284.
251. Потемкина, Т.М. Ярусное золотоордынское погребение с конем из Северовосточного Приазовья / Т.М. Потемкина, А.Н. Усачук // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. — Донецк: Восточный издательский дом, 2000. — С. 120–123.
252. Сибилев, Н.В. Древности Изюмщины / Н.В. Сибилев. — Вып. 1: Альбом рисунков. — Изюм: б.и., 1926. — 10 с., 40 табл.
253. Волков, И.В. Надгробие золотоордынского времени из Новочеркасского музея / И.В. Волков // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2006 г. — 2008. — Вып. 23. — С. 478–496.
254. Каталог случайных находок из археологических собраний Донецкой области. Археологический альманах № 1. Донецк: Донецкий областной краеведческий музей, 1993. — 236 с.
255. Отчет императорской археологической комиссии за 1894 г. — СПб. : Тип. главного управления уделов, 1896. — 171 с.
256. Даркевич, В.П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. : Произведения восточной торовтики на территории Европейской части СССР и Зауралья / В.П. Даркевич. — М.: Наука, 1976. — 199 с.
257. Крамаровский, М.Г. Восток и Запад в истории и культуре Золотой Орды : По материалам чингисидской торовтики XIII–XV вв. : диссертация ... докт. истор. наук в форме науч. докл. : 07.00.03. — Санкт-Петербург, 2002. — 61 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002300142>. (Дата обращения: 31.01.2023).
258. Ельников, М.В. Трансцивилизационные связи Нижнего Поднепровья и Северного Приазовья во времена Золотой Орды / М.В. Ельников. — Научные труды исторического факультета Запорожского национального университета. — 2011. — Вып. 31. — С. 58–62 (на украинском языке).
259. Савельев, П.С. Монеты джучидов, джагатаидов, джелаиридов и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша / П.С. Савельев. — Вып. первый. — Санкт-Петербург: б/и, 1857. — 180 с., ил.
260. Ельников, М.В. К вопросу о локализации «Екатеринославского клада» периода Золотой Орды / М.В. Ельников // Музейный вестник. Запорожье, — 2002. — № 2. — С. 66–69.
261. Отчет императорской археологической комиссии за 1882–1888 гг. — СПб. : Тип. императорской академии наук, 1891. — 334 + 133 с.
262. Федоров-Давыдов, Г.А. Клады джучидских монет / Г.А. Федоров-Давыдов // Нумизматика и эпиграфика. — М.: Изд-во АН СССР, 1960. — Т. I. — С. 94–193.
263. Карта Мелитопольского уезда Таврической губернии, составленная по сведениям 1889 г. П. Лебедевым. Масштаб: 6 верст в английском дюйме. Картографическое заведение А. Ильина в С.Петербурге. [Электронный ресурс]. URL: <https://vmelitopole.ru/karty/istoricheskie-karty-melitopolya/kartamelitopolskogo-uezda-1889-g> (Дата обращения: 03.02.2023).
264. Памятная книга Таврической губернии / Под ред. К.В. Ханацкаго. — Симферополь: Тип. Таврического губернского правления, 1867. — 519 с., прилож.
265. Памятная книга Таврической губернии / Под ред. К.А. Вернера. — Симферополь: Тип. газеты «Крым», 1889. — 691 с.
266. Отчет императорской археологической комиссии за 1889 г. — СПб. : Тип. императорской академии наук, 1892. — 127 с.

Научное издание

Тарасенко Евгений Николаевич

Золотоордынский период Северного Приазовья

Корректор *Татьяна Кормилицына*

Компьютерная вёрстка
Издательство «Порт приписки»

ISBN 978-5-907779-04-4

9 785907 779044

Формат 60×84/8. Гарнитура Times
Бумага офсетная. Печать цифровая
Тираж 100 экз. Заказ №320
Подписано в печать 10.11.2023

Отпечатано в ООО «Типография точка ру»
105116, Москва, ул. Буракова, 27, корп. 40
E-mail: info@printpointru.ru
<http://printpointru.ru/>

Издательство «Порт приписки»
8 (800) 300 83 50
E-mail: info@portpripiski.ru
<http://portpripiski.ru>